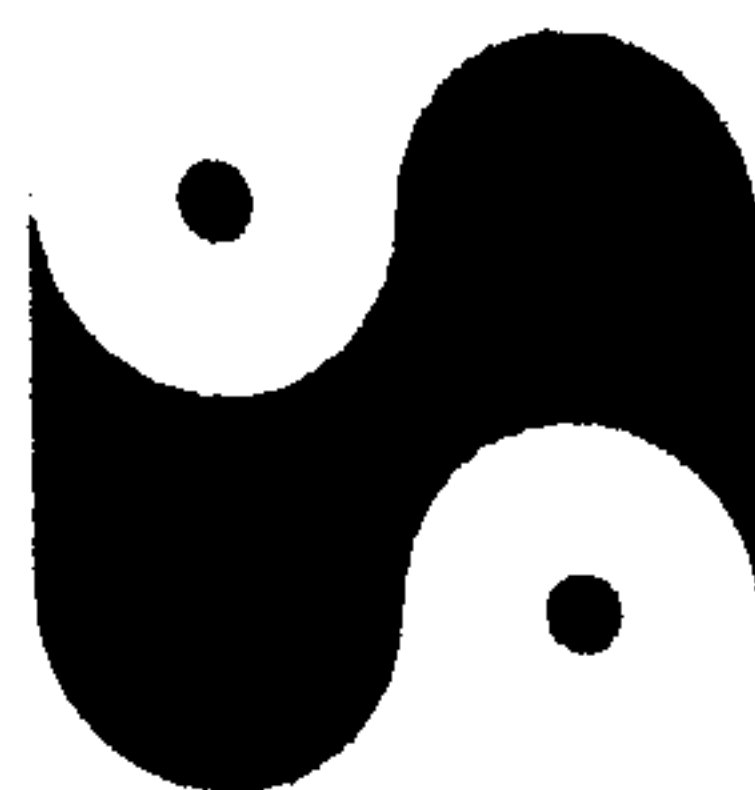

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
КОРЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

ЛИСИЙ перевал

СОБРАНИЕ
КОРЕЙСКИХ
РАССКАЗОВ
XV—XIX вв.

Перевод с корейского и китайского
Д. Д. Елисеева

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2008

*This book is published under the support of
the Korea Literature Translation Institute*

Составитель и ответственный редактор серии
доктор филологических наук, профессор
А. Ф. Троцевич

Лисий перевал : собрание корейских рассказов XV–XIX вв. /
Л40 пер. с кор. и кит. Д. Д. Елисеева. — СПб. : Гиперион, 2008. —
320 с. — (Серия «Золотой фонд корейской литературы». I).
ISBN 978-5-89332-151-7

Сборник «Лисий перевал» знакомит читателя с образцами корейской традиционной прозы XV–XIX вв. Это собрание анекдотов, коротких рассказов о забавных случаях, которыми некогда развлекали друг друга чиновники на «корпоративных пирушках». В свободное от службы время они записывали эти истории на китайском литературном языке и составляли сборники, получившие название «пхэсоль», что значит «пустые речения». Кроме «пхэсоль» вниманию читателей предложены и рассказы, созданные в XIX в. на корейском языке. Они до сих пор не были опубликованы в Корее и существуют только в рукописях, которые хранятся в Институте востоковедения Российской Академии Наук в Санкт-Петербурге.

ББК 84(5Кор)-44

ISBN 978-5-89332-151-7

© Д. Д. Елисеев, наследники, 2008
© М. И. Никитина, наследники, 2008
© А. Ф. Троцевич, составление, 2008
© П. П. Лосев, оформление, 2008
© Издательство «Гиперион», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Если у нищего нет проса, он мог бы поесть медовых блинчиков», — изрек царский сын. Не правда ли, вы уже слышали что-то похожее? А между тем истории, собранные в этой книге, переводятся впервые. Вряд ли знала супруга Людовика XVI, которой приписывают слова: «Если у народа нет хлеба, он может есть пирожные», — о своем корейском предшественнике Чеане, незадачливом сыне короля Йечжона. Да и подозревала ли она о существовании корейского государства? Мария-Антуанетта была женщиной отнюдь не глупой, за Чеаном же, как говорит писатель XVI в. О Сукквон, закрепилась слава круглого дурака.

В разных концах земли, в разное время сказаны одни и те же слова. Но кто может поручиться, что они придуманы именно этими людьми? Во всяком случае, молва одинаково характеризует антипатичных народу персонажей царствующего дома, закрепляя за ними нелепое представление о жизни подданных.

Похожей, несмотря на различие культуры европейской и культуры дальневосточной страны, оказывается психология юмора, техника создания смешного. И то, над чем смеялся средневековый кореец, может быть смешным и для нас. Много в этой книге покажется знакомым и по-человечески понятным.

Вместе с тем что-то в этих очень разных занимательных миниатюрах, быть может, удивит, покажется странным, непривычным. И это естественно: корейская литература, как и всякая другая, есть часть культуры народа, отражение его истории. А история страны — как человеческая жизнь: нет прожитых одинаково веков, нет на свете двух государств, которые прошли бы совершенно одинаковый путь.

В этой книге собраны наиболее интересные произведения авторов XV–XIX вв., от анекдота, сказки, плутовской новеллы до довольно развернутых повествований, по сложности сюжета близких традиционному роману. Есть среди них и такие, которым жанровое определение трудно подобрать.

В Корее в те времена такие рассказы объединяли в сборники, в таком виде их и распространяли. Эти сборники получили название *пхэсоль*, что значит «пустые речения». Надо сказать, что *пхэсоль* продолжали жить в литературе и пользоваться успехом у читателей вплоть до XIX в., в период расцвета таких жанров, как роман или повесть.

В сборниках *пхэсоль*, иногда состоящих из нескольких книг, шли подряд неозаглавленные сюжетные истории, перемежавшиеся с короткими заметками о разведении табака, например, или рассуждением о повышении цен, пейзажными очерками, сведениями о разных обычаях и т. д. — короче, включалось все, что «видят глаза и слышат уши». В нашем сборнике рассказы озаглавил переводчик, который включил сюда сочинения из собраний, составленных разными авторами (названия этих собраний приведены в нашем издании после имени автора).

В традиционном обществе к *пхэсоль* относились как к литературе «второго сорта», считали, что эта проза не описывает действительные события, не содержит примеров образцового поведения и не учит «гуманности и справедливости». Сами авторы часто подчеркивали, что писали свои сочинения без всякой цели, а, например, просто потому, что шел дождь, и некуда было себя девать от скуки. Поэтому в названиях собраний *пхэсоль* нарочито подчеркивалась несерьезность, исключительно развлекательность записанного, иногда их так и называли — «записки от скуки».

Авторы, образованные чиновники, занимались подобным литературным творчеством на досуге, как правило, для собственного удовольствия или вообще удалившись от дел в смутное время. Они здесь выступали (особенно в ранних сборниках) скорее собирателями занимательного, забавного, любопытного, чем сочинителями. И творческий элемент сводился к некоторой литературной обработке, неизбежной при записи, а надо сказать, что писали они только на литературном китайском языке (даже в собраниях XIX в.). Но с течением времени в сборниках *пхэсоль* все более появлялось собственно авторских новелл, очерков, заметок.

Авторы собраний, как правило, были учеными-конфуцианцами — людьми рационалистического ума, отвергавшими суеверия. Их привлекало необычное, удивительное. Но удивлялись они не сверхъестественному, а тому, что порождали человеческие отношения. Если же автор все-таки записывал какой-то случай «из жизни духов», он непременно стремился найти ему разумное объяснение. Чаще же эти фантастические случаи использовались для порицания человеческих слабостей или для разоблачения суеверий («Змей монастыря Хвачжанса», «Лисий перевал»).

Такой рационализм был в традициях историографии.

В наследство перешел и стиль. Его особенностями остаются сдержанность и простота. Стиль авторов *пхэсоль* обычно прост и беспристрастен, как стиль историка, стремящегося сохранить объективность

того, что он излагает. При этом переданное «чужое слово» отделяется от слова автора. «Историк сказал» — так со времени китайского историографа Сыма Цяня, жившего две тысячи лет назад, начиналось суждение историка о только что изложенных событиях. И мы узнаем эту традицию в концовках корейских новелл и анекдотов. Кроме того, в рассказах мы видим непременно упоминание конкретного места события (не «в некотором царстве») и четкого времени — даты — подчас и там, где речь идет о придуманных героях.

В соответствии с установившимися вкусами авторы *пхэсоль* избирают героями своих произведений исторических лиц, нередко — прославленных современников. И мы видим, например, что героями анекдотов и новелл выступают исторические фигуры — государственные деятели, сановники при дворе, литераторы. Веселые проделки известного писателя Лим Че (1549–1587) привлекли внимание Лю Монины (1559–1625); в его же новелле «Черепажовый суп» повествуется о том, как друзья подшутили над Ли Чесином (1536–1583), с чьим рассказом «Женитьба Пхунсана» читатель ознакомился несколькими страницами ранее.

Однако проза малых форм обращается не к официальной стороне жизни известных людей. Забавные рассказы характеризуют их с человеческой стороны, сохраняют в памяти поколений как людей живых, со слабостями и пристрастиями, достоинствами и недостатками. Человек в обычной жизни, в быту, в житейских ситуациях интересен авторам *пхэсоль*. Правда, пока еще в ситуациях чем-то необычных: смешных, неожиданных, гротескных. Обыденное входит в литературу как необычное, поразительное. Обыкновенное пока не привлекает корейских авторов и долго не будет привлекать: оно еще не способно доставить эстетическое наслаждение. Утверждается эстетика необыкновенного в обыденном.

Литература открывает для себя новый мир — пестрый и разнообразный. Открывает она и нового героя. Знаменитые исторические лица — не единственные персонажи *пхэсоль*. Героями этой литературы становятся представители самых разных слоев: чиновники — от важных сановников до мелкой сошки, крестьяне и купцы, монахи и веселые вдовы, девицы из благородных семей, родственники государя и сами государи, певички и студенты, прославленные поэты и безымянный люд.

Пхэсоль, пожалуй, больше других литературных произведений говорят нам о корейской жизни тех времен. Из *пхэсоль* мы узнаем, что шутка и розыгрыш были частью корейской жизни — она была куда разнообразнее, менее скучна и не так уныло-серьезна и торжественна,

как это может показаться, если верить произведениям официального характера. Проказничали веселые школяры, шутили министры и государи, жены не всегда были преданны, а вдовы не всегда хранили верность покойному супругу. Все говорит о том, что между официальной моралью и реальным житьем-бытьем корейца того времени были существенные расхождения, и арку «верной жене», случалось, заслуживали несколько неожиданным образом (новелла Лю Монины «Верной жене»).

В литературе той поры заметно внимание к отдельным свойствам, качествам человека, стремление сосредоточиться на каком-то одном из них. В *пхэсоль* эти качества чаще всего «бытовые»: жадность, глупость, и они — предмет насмешек. Но смех в *пхэсоль* не безобидный. Здесь не всегда смеются над скупым и глупым вообще. Богатым глупцам в смешных ситуациях достается больше. Дурно воспитанным оказывается министр и сын сановника. Дураками — царская родня и сын государя («Круглый дурак», «Играют в шахматы-чанги», где царского родственника оставил в дураках старый солдат). Высмеиваются развратные ханжи, осуждаются жестокость, бездушие, алчность, особенно если этими качествами обладает чиновник, употребляющий во зло данную ему власть. Но, пожалуй, больше всего достается буддийским монахам, чьи незадачливые похождения всегда заканчиваются плачевно.

Это в значительной степени объясняется конфуцианской позицией авторов, стремившихся улучшить нравы, выявив недостатки людей и указав на них. Однако за всем этим угадываются также демократические черты той фольклорной основы, что лежит в большинстве *пхэсоль* — народного рассказа, анекдота.

Интерес к устной традиции у авторов *пхэсоль* велик. Шутка, бытовавшая в народе, пословица, анекдот, плутовской рассказ находили место в сборниках.

Мы можем также встретить примеры бродячих сюжетов: так, поступок, свидетельствующий о сыновней почтительности (герой убивает коня, по привычке доставившего хмельного хозяина к певице-кисэн, с которой ему запретили видеться родители), закрепленный в одном из ранних сборников за известным полководцем древности Ким Юсином, увязывается в истории Лю Монины с крупным государственным деятелем XV в. Хван Сусином, что говорит о свободном хождении этого сюжета.

Правда, этот случай позволяет нам судить также и о том, как далеко ушла корейская литература за четыре столетия в изображении психологического состояния человека, в умении развернуть сюжет,

в использовании диалога. Молодому человеку в новелле Лю Монины «Хван Сусин убивает своего коня» нелегко было подчиниться воле отца и порвать с любимой. Он не мог решиться на это и сначала продолжал встречаться с ней тайком; лишь после отповеди отца он соглашается с неизбежным и утверждает в своем решении. Следует великолепная сцена ночью в доме девушки, когда герой понимает ужас ситуации и пытается объяснить случившееся оплошностью слуги, но выясняет, что виноват он сам. Развязка новеллы эмоционально подготовлена.

Таким образом, в данном случае *пхэсоль*, не подвергая сомнению исходного пункта — сыновней почтительности как обязательной добродетели, — психологически обосновывает поведение человека, показывая, как общее правило становится правилом личным и ценой каких усилий это далось.

Пхэсоль XV–XIX вв., как мы могли заметить, необычайно разнообразны и в то же время несут на себе вполне определенные черты общности. Они многое наследуют от породившего их исторического сочинения. Вызрев внутри него, *пхэсоль* выходят в мир литературы и развиваются далее — каждый жанр по своему закону, с общим, однако же, стремлением изобразить отдельный случай, отдельную судьбу и отказаться от той заданности действий героев, которую предусматривало историческое сочинение.

В данный сборник включены избранные произведения из 16 собраний *пхэсоль*, созданных известными и неизвестными авторами XV–XIX вв. — от «Записок из литературных садов» знаменитого литератора и государственного деятеля Со Кочжона (1420–1488) до «Собрания простонародных рассказов Кореи», составленного сановником, занимавшим пост главы министерства, Ли Вонмёном (1807–1887).

Кроме *пхэсоль*, которые, как правило, составляли известные литераторы и чиновники на государственной службе и писали их на китайском литературном языке, в сборнике помещены рассказы, созданные на корейском языке двумя авторами XIX в., учителями корейского языка, Ким Чэгуком (8 рассказов) и Пак Чонсином (5 рассказов)*. Собрания этих рассказов не были опубликованы в Корее, они

* Даты жизни неизвестны. Авторы рассказов были учителями корейского языка у английского консула в Корее У. Дж. Астона, который состоял на дипломатической службе в Сеуле в 1884–1885 гг. Рассказы сборников использовались как «тексты для чтения» при обучении иностранца корейскому языку.

существуют только в рукописях, которые в настоящее время хранятся в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН.

В отличие от новелл, включенных в собрания *пхэсоль*, рассказы корейских учителей имеют названия, они написаны разговорным языком, и речь в них идет о бытовых историях либо народных преданиях, где недостойные поступки всегда наказываются, а добродетель вознаграждается. Вслед за *пхэсоль*, рассказы высмеивают человеческие пороки, при этом, больше всего достается богатым корыстолюбцам и бесчестным, но главным героем, в отличие от *пхэсоль*, в них стал «неимущий», обиженный, который хитростью и плутовством добивается своей цели, наказывает злодеев, восстанавливает справедливость.

Надо сказать, что и здесь, по традиции литературы *пхэсоль*, каждая история сопровождается комментариями автора, который дает указания, как следует понимать те или иные поступки действующих лиц и дает оценку их поведению. Ведь в старой Корее письменное слово всегда понималось как средство воспитания, назидания, а лучшей, самой доступной, формой поучения была занимательная история.

Все предложенные в этом сборнике переводы из собраний *пхэсоль* и рассказов из рукописных собраний двух корейских учителей уже издавались прежде — в 50-х—70-х годах прошлого века, но книги и журналы, в которых они были когда-то напечатаны, давно исчезли с прилавков книжных магазинов и забыты. Поэтому для нового издания мы собрали в одном сборнике переводы, выполненные ныне покойным специалистом по корейской культуре Дмитрием Дмитриевичем Елисеевым и опубликованные им в разные годы в разных изданиях.

М. И. Никитина

От редактора

В названия сборников включены литературные псевдонимы авторов. Например: Сон Хён. «Гроздь рассказов Ёнчжэ». Ёнчжэ — псевдоним Сон Хёна.

ЛИСИЙ перевал

СОБРАНИЕ
КОРЕЙСКИХ
РАССКАЗОВ
XV—XIX вв.

СО КОЧЖОН

(1420—1488)

«ЗАПИСКИ ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ САДОВ»

Избранное

МУДРОЕ РЕШЕНИЕ

Это случилось, когда Хам Учхи* был еще губернатором провинции Чолладо. Два брата из одной именитой семьи делили наследство. И вот заспорили они, кому взять большой горшок, кому — маленький. Отправились в управу. Хам Учхи, узнав, в чем дело, очень разгневался и велел служителю принести горшки.

— Живо разбить оба горшка, — приказал он, — а черепки поделить между братьями поровну!

Пришлось братьям смириться с таким решением. Тем дело и кончилось.

МОГИЛА КОШКИ И ЗМЕИ

Один буддийский монах ходил по деревням и просил милостыню. Как-то подошел он к деревенскому дому в уезде Чончжу. Подал голос, что, мол, замерз и хочет есть, но не услышал за воротами никакого отклика. Прошло немало времени, прежде чем до него донесся женский плач. Он еще долго бродил вокруг дома и ждал. Наконец вышла старая вдова.

* Хам Учхи (1408—1479) — известный государственный деятель.

— Я, муж с женой, да еще три женщины жили все вместе в этом доме, — сказала она монаху. — И вот сегодня днем, во время обеда, муж и жена в одночасье погибли. В доме все идет кувырком. Не знаю, что и делать. Умоляю вас, учитель, поймите мое положение, помогите мне!

Монах вошел в дом и видит: в комнате валяются на полу старый мужчина, молодая женщина, кошка и змея. Все мертвые! Монах спросил, как это произошло.

— У женщины внезапно заболел и распух палец, — рассказала вдова. — Потом вдруг распухли ноги, живот сделался как большой глиняный кувшин, и она сразу умерла. А было так: кошка поймала змею, отгрызла ей хвост, но змея была еще жива и укусила женщину. Хозяин в сердцах хотел убить кошку. Кошка с испуга вскочила на полку. Хозяин полез за ней, а кошка прыгнула вниз и поранила ему горло. Он успел еще ударить ее ножом и убил. Сам скончался тоже, — тут старуха заплакала еще горше.

— Эти четверо, — изрек монах, — в трех своих перерождениях совершили какие-то грехи. Если не позаботиться об их дальнейшей участи, могут произойти большие несчастья!

Он сжег тела мужчины и женщины. Затем взял кошку и змею и закопал их вместе. Люди называют это место Могилкой кошки и змеи.

ЗАБЕРЕМЕНЕЛА ОТ МОНАХИНИ

Некий слуга внешностью был поразительно похож на женщину. Сызмальства носил он женскую одежду, а когда ему перевалило за сорок, был принят на службу в семью важного чиновника. Работал он с большим усердием, и хозяин всегда ставил его в пример.

Государь Сечжо*, прослышав об этом слуге, как-то заметил, что положение у него довольно двусмысленное.

— А что думает об этом министр? — помолчав, спросил он министра Кочжона.

— Ваш верный слуга, — ответил Кочжон, — как-то просматривал китайское сочинение «Записанное на реках и озерах». Вот что там сказано.

* Государь Сечжо правил с 1456 по 1468 гг.

В междуречье Янцзы и Хуайхэ жила некая буддийская монахиня, которая хорошо вышивала. Как-то из одной состоятельной семьи к ней послали девушку обучаться этому искусству. И вот неожиданно-негаданно стало известно, что девушка беременна. Когда отец стал бранить ее, она сказала:

— Днем мы вместе с монахиней работали, ночью вместе спали. У меня и сомнения не было, что она такая же женщина, как и я, пока не дошло вот до этого!

Семья подала жалобу начальнику уезда, и тот велел прилюдно осмотреть монахиню. И оказалось, что у нее нет ни мужского, ни женского естества. Уездный начальник хотел было отпустить ее, но случившаяся тут некая старая вдова сказала:

— Между прочим, есть такой способ: соленой водой смачивается то место, где бывает мужское естество. После это место должна облизать желтая собачка, и тогда мужское естество проявится!

Начальник уезда проверил — в самом деле получилось!

— По закону Неба, — рассудил он, — есть два начала инь и ян*, у людей — женщина и мужчина. А эта монахиня не мужчина и не женщина. Значит, закон нарушен!

Он приказал казнить монахиню, и все люди между Янцзы и Хуайхэ остались очень довольны этим.

— Как беспредельно много под Небом странного!

— Изумляйтесь, — сказал со смехом Седжо, — но не пытайтесь постичь!

ПОПАЛСЯ НА ХИТРОСТЬ

Хо Сон**, достопочтенный Конган, характером был тверд. Будучи министром, в делах государственных он проявлял добросовестность. Не выносил мошенничества и в частных делах.

* По дальневосточным культурным представлениям инь связано с женским началом, ян — с мужским. Эти два начала должны находиться в постоянном равновесии, поскольку нарушение, преобладание одного из начал, может привести к хаосу. Поэтому в функции правителя входило поддержание равновесия инь и ян, что обеспечивало сохранение гармонии в мире.

** Хо Сон (1382–1442) — ученый и государственный деятель. Конган — его литературный псевдоним.

Хо Сон не любил, когда к нему обращались с личными просьбами, и если поступало чье-нибудь прошение, он непременно решал как раз наоборот.

Некоего столичного чиновника переводили в провинцию. Он просил, чтобы его послали куда-нибудь на юг, а попал на самую окраину северной провинции Пхённандо. Один ученый просил теплое местечко гражданского чиновника в столице, а его нарочно услали учителем в провинцию.

Монах Ирун из обители Хындокса, очень хитрый и ловкий, замыслил перебраться в храм Тансокса. Не выказывая, однако, своего истинного намерения, он попросил князя Хо:

— Слышал я, будто очень уж хороши окрестности вокруг обители Ёнмёнса, что в Содо. Побывать там хоть разок — мечта всей моей жизни. Вот уж будет обидно, если назначат меня в храм Тансокса. Почтительно надеюсь, что вы уважите мою просьбу!

И через несколько дней вышло распоряжение: монаху Ируну отправиться в обитель Тансокса!

— Этот старый упрямец попался-таки на мою хитрость! — расхохотался Ирун.

ТРИ НЕДОСТАТКА

Достопочтенный Чон «Просвещенный и преданный»*, по прозвищу Пхоын, был человеком порядочным, строгих правил. Никто и ни в чем не мог упрекнуть его. Но все же некто однажды сказал ему в шутку:

— Говорят, достопочтенный, что у вас есть три недостатка. Знаете ли вы об этом?

— Какие же? — спросил князь.

— Вот, говорят, что если вам случается устроить пирушку с друзьями, вы приходите на нее первым, пьете больше всех и уходите последним.

* Чон «Просвещенный и преданный» — имеется в виду известный государственный деятель и философ Чон Мончжу (1337–1392), который прославился как образцовый «преданный подданный»: он отказался служить новой династии Ли (1392–1910), которая пришла на смену Корё (918–1391), и был за это убит. «Просвещенный и преданный» — его посмертный титул.

— Верно, такое бывало... Но тогда я был молод, жил в провинции, и если случалось раздобыть кувшинчик вина, то хотелось хоть разок как следует повеселиться в кругу родных и друзей. А теперь я богат и знатен, всегда у меня полно гостей, и вино не иссякает в кувшинах. Зачем же мне себя ограничивать?

— Говорят еще, что вы любите женщин. Не так ли?

— Любовь человеку дана от природы. Об этом говорил еще Конфуций. Известно, что и сам он не отказывался от наслаждений!

— А вот слышал я, что вы вымениваете китайские вещи. И не без выгоды!

— Я старый бедный человек, — ответил он, слегка переменявшись в лице при этих словах. — Сыновей и дочерей у меня много, а для свадебных церемоний нужны китайские вещи. Ведь не могу же я изменить обычай! Да и так уж повелось с древности, что люди обмениваются вещами, которые есть у одного и которых нет у другого. Разве я делаю что-нибудь недостойное?

Его собеседник рассмеялся и сказал, что все это только шутка.

СОН ХЁН

(1439—1504)

Из собрания

«ГРОЗДЬЯ РАССКАЗОВ ЁНЧЖЭ»

ПХУН САНСУ СЧИТАЕТ ПО-СВОЕМУ

Некто Пхун Сансу из государевой фамилии был настолько глуп, что не мог отличить бобов от ячменя. В доме у него держали гусей и уток. Так он даже не умел их толком сосчитать: считал по парам.

Однажды слуга зарезал утку и съел ее. Пхун Сансу сосчитал птиц по парам, и осталась одна лишняя.

— Ах, негодяй! — злобно закричал он, колотя слугу. — Ты украл мою утку! Сейчас же верни мне ее!

На другой день слуга съел еще одну утку, и когда Пхун Сансу сосчитал уток по парам, все было в порядке.

— Только палка и помогла, — очень довольный, воскликнул он. — Вчера побил этого мошенника, вот сегодня он и вернул утку!

ГЛУПЫЙ ЗЯТЬ

В старину один почтенный человек обзавелся зятем. Зять этот был настолько глуп, что, как говорится, не мог отличить бобов от ячменя. На третий день после свадьбы, когда молодые сидели за столом, зять, указывая на пирожки, вдруг спросил:

— Это что такое?

— Молчи, молчи! — закрыла ему рот молодая.

Зять разломил пирожок, увидел в нем кедровые орехи и опять спросил:

— А это что?

— Не говори, не говори! — снова цыкнула на него молодая.

И вот, когда молодожен возвратился к себе домой, и родители спросили у него, что он ел в доме жены, он ответил:

— Съел одно молчи, в котором было три не говори.

Родня жены была очень расстроена глупостью зятя. Никто не знал, что делать. Тогда тесть купил большой дубовый ларь на пятьдесят мер риса и решил: если зять знает, что это такое, то он не прогонит его. Всю ночь жена учила молодого, как надо отвечать. Наутро тесть позвал зятя и показал ему дубовый ларь. Постучав по ларю палочкой, зять сказал:

— В этот дубовый ларь войдет, пожалуй, полсотни мер риса!

Тесть очень обрадовался, купил еще деревянную бадейку и опять показал зятю.

— В эту дубовую бадейку войдет, пожалуй, полсотни мер риса! — постучав по бадейке палочкой, снова сказал зять.

У тестя разболелся живот. Зять спросил, где болит. Когда тесть, выставив живот, показал ему, он постучал по животу палочкой и сказал:

— В этот дубовый живот войдет, пожалуй, полсотни мер риса!

ДВА БРАТА

Давным-давно жили-были два брата. Старший уродился очень глупым, а младший умом был не обижен.

В день поминовения решили братья совершить жертвоприношение душе покойного батюшки. Однако дом их был очень беден, ничего-то у них не было. И вот накануне ночью старший брат тайком отправился к дому соседа, проделал дыру в ограде, и братья проникли в чужой двор. А тут как раз хозяин-старик вышел приглядеть за домом. Братья в испуге упали ничком под лестницей. Старец же именно в этом месте вдруг стал мочиться.

— Эй, слышь! — громко сказал старший брат младшему. — Теплый дождь пошел. Льет прямо мне на спину. Как же быть?! Тут-то хозяин и сцапал братьев.

— Ну как же мне наказать вас? — спросил он.

— Мне хотелось бы, — сказал младший брат, — чтобы связали меня гнилой веревкой да побили конопляными стеблями.

— Ну а мне желательно, — произнес старший, — чтобы скрутили меня жесткой веревкой из волокон пуэрарии да отлупили палкой!

Как братья пожелали, так старик и наказал их. Потом спросил:

— А почему вы воровать-то отправились?

— Да вот хотели по батюшке поминки справить, — ответил младший брат, — но по бедности своей не можем.

Старик сжалился над братьями и позволил им взять столько красной фасоли, сколько каждый из них унести сможет. Младший брат тут же набил фасолью целый мешок, взвалил его на спину и понес домой. Старший же собрал несколько фасолин, крепко обвязал мешок соломенной веревкой, с криком «Раз-два взяли!» поднял его и потащил вслед за младшим братом.

На другой день младший брат стал варить фасоль, а старшего попросил пойти пригласить монаха, чтобы тот совершил жертвоприношение.

— А что такое «монах»? — спросил старший брат.

— Пойдете в горы, — отвечал младший, — увидите одетого в черное. Его и пригласите.

Старший брат отправился в горы, увидел на верхушке дерева черную ворону и почтительно к ней обратился:

— Святой отец! Святой отец! Соизвольте прийти к нам совершить жертвоприношение!

Ворона же только каркнула и улетела. Вот возвращается старший брат домой и говорит младшему:

— Я пригласил монаха, а он каркнул и улетел!

— Так то ж была ворона, а не монах, — говорит младший брат. — Идите снова. Увидите кого в желтой одежде, того и пригласите.

Ну, приходит старший брат опять в горы, видит на дереве желтую птичку, к ней и обращается:

— Святой отец! Святой отец! Придите к нам, пожалуйста, совершите жертвоприношение!

А птичка лишь пропела что-то и улетела.

— Пригласил монаха, одетого в желтое, — сказал, воротясь, старший брат младшему, — а он чирикнул что-то и улетел тоже.

— Да то же был не монах, а иволга! — говорит младший брат. — Придется мне самому пойти позвать монаха. А вы тут, старший братец, присмотрите пока за фасолью. Если она будет уходить из котла, то отбавьте в какую-нибудь посудину!

Ушел младший брат, а старший, когда фасоль закипела и стала уходить, взял да и вывалил ее всю в яму, пробитую стекавшей с крыши дождевой водой. Приводит младший брат монаха и видит: котел, в котором варилась фасоль, совсем пуст!

ХИТРЕЦ ИЗ ЧХОНЧЖУ

В старину трое людей — один из Чхончжу, второй из Чуллимхо, третий из Тонгёнгви — купили на всех одну лошадь. Человек из Чхончжу — самый смысленный — первым выбрал себе седловину, второй решил, что ему будет принадлежать голова, а третий взял круп лошади.

— Тому, кто купил седловину, — заявил человек из Чхончжу, — следует ездить верхом!

С этими словами он сел на лошадь, и с тех пор всегда ездил на ней только он один. Второй же человек лишь водил лошадь под уздцы да кормил ее сеном, а третьему оставалось одно — ходить позади лошади и убирать за ней навоз.

Однако вскоре эти двое не смогли больше терпеть такую несправедливость и, сговорившись, заявили:

— Отныне и впредь верхом будет ездить тот, кто побывал выше всех и дальше всех!

— Я когда-то бывал на небе! — быстро сказал первый.

— А я, — поспешил второй, — тоже был на небе, только еще повыше тебя!

— Послушай-ка, — спросил у него человек из Чхончжу, — в тот раз, когда ты был на небе, не держался ли ты за нечто длинное, свисающее вниз?

— Ага, было такое дело, — ответил тот.

— Ну так то, за что ты держался, — усмехнулся человек из Чхончжу, — были как раз мои ноги. И выходит, что ты находишься ниже меня!

А эти двое даже и возразить ему не могли. Так они и остались прислужниками человека из Чхончжу.

ПЕРЕПОЛОХ ИЗ-ЗА ГОЛУБЯ

В старину некий столичный житель отправился в провинцию. Он имел при себе голубя. По дороге человек этот зашел в один дом, переночевал там, а на рассвете двинулся дальше. О том, что у путника есть голубь, в той семье, где он ночевал, не знали. Придя в свою деревню, горожанин выпустил голубя, и тот полетел обратно в город. По пути голубь немного покружил над домом, где провел ночь со своим хозяином.

В доме же том голубей никогда не видели. Люди очень удивились и обратились к монаху-наставнику:

— Что же это за птица за такая? Ни воробей, ни горлица. А верещит, что твой бубенчик. Облетела трижды вокруг дома и исчезла. Может, это какое доброе предзнаменование?

— Да что вы! — вскричал ученый монах. — Непременно большая беда случится! Ну да я приду к вам и совершу моление, чтобы отвести зло!

На другой день наставник явился в тот дом и сказал:

— Что скажу я, то вы и делайте. Только все делайте точно так, как я буду говорить. Иначе большой беды не избежать. Слушайте хорошенько, что я буду говорить, да так и поступайте.

И наставник выкрикнул:

— Выставляем жертвенный рис!

— Выставляем жертвенный рис!! — прокричала вся семья.

— Выставляем жертвенный холст! — закричал наставник.

— Выставляем жертвенный холст!! — заорали домашние.

— Да зачем вы-то кричите?! — возмутился наставник.

— Да зачем вы-то кричите?! — истошно завопила семья.

Наставник, очень разгневанный, опрометью бросился вон из дома и при этом здорово треснулся головой о дверную притолоку. Все тут же помчались за ним и наперебой стали стучаться о

притолоку. Стукались даже дети, подставив лесенку! Наставник выскочил за ворота, а там как раз была куча воловьего навоза. Поскользнувшись, он ляпнулся лицом прямо в навоз. Вся семья выбежала вслед за ним, все поскальзывались и друг за другом падали ниц в кучу. В превеликом страхе наставник заполз под тыквенную ботву. Все тотчас же кинулись в ботву, горой навалились с ним рядом.

— Батюшка! Матушка! — плача, кричали не успевшие спрятаться дети. — А нам-то куда бежать?!

— Не можете спрятаться под тыквенную ботву, — завопили в ответ родители, — так бегите на южный холм. Там залезайте под плети пуэрарии!

ПРОВЕЛИ СЛЕПЦА

Был в столице один слепец, который подружился с неким молодым человеком. Однажды пришел к нему этот юноша и говорит:

— Встретил на улице молодую хорошенькую женщину и договорился с ней о любовном свидании. Мне, право, очень неловко просить вас, хозяин... Не позволите ли нам воспользоваться комнатой в вашем доме?

Слепец дал свое согласие, а юноша без помех вошел с его женой в отведенную ему комнату, где они и принялись в свое удовольствие заниматься любовью. Слепец же, боясь, что жена узнает о его проделке, то и дело подходил к двери, громко шептал:

— Как вы долго! Как долго! Уходите побыстрее! Скорей уходите!

— Если бы он вошел, — тихонько говорит жена слепца юноше, — да еще мог увидеть меня. Вот уж был бы скандал. Нас жестоко наказали бы!

Вскоре жена слепца вышла из комнаты и недовольно ему сказала:

— Вижу, здесь в комнате побывал какой-то незванный гость! — она сделала вид, что очень сердится.

— Да послушай ты меня, — оправдывался слепец. — Это ж приходил навестить меня наш сосед — студент Син!

ПОПАЛ НА НЕБО

В старину жил один слепец в Кэсоне. Был он от природы очень глуп и прямо-таки обожал все необыкновенное. С кем ни встретится, непременно спросит — не слышно ли в мире чего-нибудь этакого. И однажды какой-то парень, которому он порядком надоел, ответил ему:

— А как же! Вчера в восточной части города на тысячу киль* земля провалилась. Внизу ясно видны люди, слышно даже, как поют петухи, и женщины белье катают. Я сейчас как раз оттуда!

— Если только ты говоришь правду, — обрадовался слепец, — то это поистине удивительно. Я ничего не вижу, но мне так хотелось бы подойти к краю той трещины да хоть послушать звуки, которые доносятся оттуда. А после — и умереть не жалко!

Целый день таскал парень слепца по городу и наконец привел на задний двор его же собственного дома.

— Вот здесь оно и есть, — сказал он слепцу. Слепец прислушался: в самом деле, поют петухи, вальки стучат.

— Ой, как интересно! — захлопал он в ладоши. Тут парень сильно толкнул его, и он кубарем покатился по земле. А когда подбежали слуги слепца и спросили, что случилось, он почтительно поклонился им и ответил:

— Я пришел к вам на небо!

Но, вдруг услышав хохот своей жены, удивленно спросил:

— А ты-то когда успела сюда явиться?!

В ХРАМЕ МЁНТХОНСА

Есть в Сеуле храм Мёнтхонса. В первый и пятнадцатый день каждой луны здесь обычно собираются слепцы. Они читают молитвы, желают долгой жизни государю, считая эти занятия весьма важным делом. Богатые и знатные чинно сидят внутри храма, те же, что попроще, охраняют ворота. Слепцы сторожат ворота очень строго и никого в храм не пропускают.

Некоему шутнику-школяру все же удалось однажды незаметно проскользнуть в храм. Решив подшутить над слепцами, он

* Киль — мера длины, равная 3,3 м.

взобрался на поперечную балку храма и, когда слепцам нужно было звонить, подтянул шнур колокола к себе. Звонарь долго искал шнур, но не нашел. Тогда, шаря руками, принялись искать все слепцы. Школяр опустил шнур на прежнее место, и они сразу нашли его. Но как только собирался звонить звонарь, шнур исчезал. Так повторялось раза три-четыре.

— Да кто это поднимает шнур?! — не выдержали слепцы. Они сели в кружок и стали гадать.

— Может быть, шнур поднимают летучие мыши, что висят на стенах? — сказал один. Слепцы встали, ощупали все четыре стены, но ничего не нашли.

— А не устроился ли на ночь петух на верхней перекладине? — сказал другой. — Не он ли балуется со шнуром?

Слепцы схватили длинные палки, стали изо всех сил колотить по перекладине, и школяр, которому здорово досталось, упал вниз. Слепцы тут же на него навалились, крепко связали и так сильно избили, что он еле-еле выбрался из храма на четвереньках.

На другой день, прихватив с собой веревку, школяр снова пробрался в храм и спрятался в отхожем месте. И как раз справить нужду туда зашел сам староста слепцов. Только это он устроился, как школяр, ловко захлестнув петлей все его мужское достояние, что есть силы потянул веревку.

— Спасите! Спасите человека! — истошным голосом завопил староста.

— Это козни злого духа! — в испуге загалдели сбежавшиеся на крик старосты слепцы. Тут одни стали звать на помощь соседних жителей, а другие, колотя в барабаны, принялись бормотать заклинания.

СПУТАЛСЯ С СОБСТВЕННОЙ ЖЕНОЙ

Некогда один слепец попросил своего соседа сосватать ему какую-нибудь красотку. И вот как-то сосед говорит ему:

— Тут недалеко живет одна женщина. Не тощая и не толстая, ну писаная красавица! Я передал ей твои слова, и она согласна. Только она запросила много подарков.

— Да пусть я разорюсь, — вскричал слепец, — но для нее ничего не пожалею!

Когда жены его не было дома, он открыл сундуки, набрал кучу всякого добра, дал соседу и просил договориться с той женщиной о дне встречи. В назначенный день слепец принарядился и отправился на свидание. А жена его, стороной проведав об этом, чисто умытая и напудренная, явилась в условленное место раньше своего супруга. Пришел ничего не подозревавший слепец. Они по всем правилам поклонились друг другу, как бы совершая брачную церемонию, и в ту же ночь счастливый слепец лег спать с новой возлюбленной.

— В жизни не было у меня такой радостной ночи, — не в силах одолеть любовного томления и поглаживая женщину по спине, воскликнул слепец. — Ведь если сравнить тебя и мою жену с кушаньем, то ты — мясная закуска к рисовой каше из отборного зерна, а она — лишь постная похлебка из лебеды да каша из сорного зерна!

На рассвете его жена первая прибежала домой. Она закуталась в одеяло и сделала вид, что дремлет.

— Где же это ты ночевал? — спросила она слепца, когда тот явился.

— Да был я в гостях у одного министра, читал молитвы. День выдался холодный, и у меня вдруг живот схватило. Пришлось выпить немного подогретого вина.

— Ах ты, скотина! — закричала жена. — Не оттого ли у тебя заболело брюхо, что ты обожрался мясными закусками, кашей из отборного зерна да похлебкой из лебеды с кашей из сорного зерна?!

А слепцу и сказать было нечего. Он понял, что жена его перехитрила.

ОПЛОШАЛ

В Чонпха жили два молодых человека — Сим и Лю. Оба были из знатных семей и каждый день в праздности пили вино с красивыми женщинами. Однажды решили они с несколькими близкими друзьями развлечься у Сима. Кисэн* Чёп Ёнхва, лю-

* Кисэн — обученные в специальных школах танцовщицы, певицы, которых приглашали для развлечения.

бовница Сима, хорошо пела и танцевала, а слепец Ким Поксам — лучший в наше время игрок на каягyme* — тоже пел свои песни и был в большом ударе. Гости, сидя тесным кружком, подносили друг другу чаши. Царило всеобщее согласие и веселье. Уже глубокой ночью кто-то предложил:

— Пусть каждый расскажет какую-нибудь забавную историю из своей жизни, и мы посмеемся!

Все дружно согласились. Веселые истории следовали одна за другой, гости хохотали, не переставая. Но вот настал черед Ким Поксама.

— Я, пожалуй, тоже расскажу об одном случае из моей жизни, — начал он в наступившей тишине. — Недавно был я приглашен в дом богатого янбана. В увеселении участвовали многие известные кисэн, и среди них была Симбан — самая лучшая танцовщица. После порядочной выпивки все гости — каждый со своей девушкой — разошлись по отдельным комнатам. Так вот: со мной спала сама Симбан!

— В самом деле, очень интересно, — смутившись донельзя, воскликнул Сим. — Но давайте-ка лучше поговорим о чем-нибудь другом!

— Да что за охота без конца рассказывать, — тоже смутились гости. — Уж лучше скоротаем ночь под музыку да песни!

Но кисэн петь отказались, а у гостей пропало настроение, и они стали расходиться. Едва выйдя за ворота, Лю сказал Ким Поксаму:

— Какую ты, однако, сболтнул глупость. Ведь Симбан была среди гостей. К тому же она теперь любовница хозяина. Как ужасно быть слепым!

— Да что ты, — густо покраснел слепец. — С каким лицом я теперь покажусь ему?! Впрочем, ведь сейчас все зовут ее Чёп Ёнхва, а детского имени Симбан, наверно, никто и не знает, — пытался утешить он себя.

Однако все-все узнали о промахе слепого и с удовольствием рассказывали друг другу эту забавную историю.

* Каягым — корейский струнный музыкальный инструмент.

СЛУЖКИ ДУРАЧАТ МОНАХОВ

Издревле обманывали служки монахов. Некий служка сказал однажды монаху:

— Сорока утащила серебряную ложку. Она сидит у себя в гнезде, вон на том дереве перед воротами!

Монах поверил ему и влез на дерево.

— Ау! Наставник! — расхохотался служка. — И зачем это вы влезли на такое высокое дерево? Уж не хотите ли полакомиться птенцами сороки?!

Монах так сконфузился, что, слезая с дерева, исцарапал себе все тело о его колючки. Он очень разозлился и жестоко прибил обманщика служку.

А то еще однажды ночью повесил служка над дверью монаха большой котел да как завопит:

— Горит! Горит!

Перепуганный монах выскочил из кельи, ударился головой об котел и повалился наземь. Через некоторое время он поднялся и видит: никакого пожара нет. Монах стал злобно ругаться, а служка как ни в чем не бывало говорит:

— Там в горах вспыхнуло пламя, вот я и закричал!

— Впредь, — наставительно сказал монах, — ты кричи только тогда, когда огонь загорится близко!

А другой служка тоже разыграл одного монаха.

— По соседству с моим домом, — сказал он ему, — живет молодая и красивая вдова. Как встретит меня, всегда спрашивает: «Неужто твой наставник один съедает всю монастырскую хурму?» — «Да что вы, говорю, он всегда делится с другими!» А она: «Попросил бы для меня немного. Хочется попробовать!»

— Ну, так нарви малость да отнеси ей, — разрешил монах.

Служка оборвал в саду всю хурму, отнес ее своим родителям и, воротившись, сообщил:

— Вдова ела хурму да нахваливала. Только она опять у меня спросила: «А белые жертвенные хлебцы, что приносят в Яшмовый зал храма, твой учитель сам, что ли, все съедает?» — «Конечно, нет, говорю, он всегда и другим дает!» — «Я бы от них тоже не отказалась, попроси-ка для меня!»

— Ну, раз просит, — сказал монах, — возьми да снеси!

Служка собрал все хлебцы и снова отнес к себе домой.

— Вдова с аппетитом поела, — доложил он монаху, — осталась очень довольна. И, между прочим, она у меня спросила: «Разве не должна я за все это отблагодарить твоего наставника?» Ну, я, конечно, ответил, что вы были бы не прочь встретиться с нею. Вдова охотно согласилась. «Только, говорит, дома у меня много родственников и слуг — наставнику нельзя прийти ко мне. Лучше, мол, я улучу момент да сама приду в монастырь!» И я договорился с ней о дне встречи.

Монах даже запрыгал от радости. В условленный день он послал служку за вдовой. А служка зашел к одной женщине и говорит:

— У моего наставника живот сильно разболелся. Лекарь велел достать женский шелковый башмачок, погреть над огнем и потереть им живот. Сразу, говорит, боль пройдет. Вот я и пришел к вам с просьбой.

Женщина сразу же дала ему свой башмак, служка воротился в монастырь, спрятался и стал подглядывать. Монах чисто вымел келью и заботливо приготовил постель. А затем до ушей служки донеслось радостное бормотание: «Я сяду здесь, она сядет вон там. Я угощу ее, она поест. Ну а уж потом я возьму ее за руку, увлеку в келью, и предадимся мы с ней любви!» Тут служка подскочил к нему, швырнул наземь шелковый башмачок.

— Все пропало! — закричал он. — Вдова стояла вот здесь, все видела и слышала. Она очень рассердилась и сказала: «Ты обманул меня. Он же сумасшедший!» И с тем убежала. Я хотел было удержать ее, но мне достался только вот этот башмачок!

Монах поник головой и в отчаянии воскликнул:

— А ну-ка стукни меня по губам!

Служка что есть силы хватил монаха деревянным изголовьем и выбил ему все зубы!

А один монах уговорил некую вдову выйти за него замуж. И вот, перед первой брачной ночью негодник служка сболтнул ему:

— Говорят, если растолочь незрелые бобы, развести в воде и выпить, то от этого прибавляется мужская сила!

Монах поверил, тщательно приготовил снадобье, выпил его и отправился ко вдове. Но еще в дороге у него вдруг так сильно забурчало в животе, что он еле терпел и с трудом добрался до ее дома. Здесь монах сел на пол и боялся даже пошевелиться.

Пришла вдова и спросила, почему это он сидит, как истукан. Монах ничего не ответил. А когда она слегка толкнула монаха, безудержный понос пробрал его, и комната наполнилась ужасной вонью. Тут вдова схватила палку и выгнала монаха вон из дома.

И вот среди ночи побрел он один, не зная дороги. Вдруг впереди что-то засветилось. Решив, что это ручей, монах разделся и вошел. Оказалось — цветы гречихи! Вскоре раздосадованный монах опять увидел перед собой что-то светлое. «Уж теперь-то я не обманусь!» — подумал он. Пошел вперед, не раздеваясь, но на этот раз то действительно была речка, и он плюхнулся в воду! Насквозь мокрый, он решил перейти речку по мосту. На берегу несколько женщин промывали рис. Монах, проходя мимо и думая о своих злоключениях, то и дело восклицал: «Ай, горько! Ай, горько!» Не зная, в чем дело, женщины подбежали к нему.

— Люди промывают рис для вина, — закричали они, — а он говорит — горько. Этого еще не хватало!

Они избили монаха и изодрали на нем всю одежду. Солнце поднялось уж высоко. Монах был до смерти голоден и стал жевать коноплю. Вдруг слышались крики: «Дорогу! Дорогу!» — и показались всадники. То ехал сам правитель уезда. Монах быстро спрятался под мост, но тут же надумал выменять у правителя немного риса на коноплю.

Как только всадники въехали на мост, монах выскочил наверх и склонился перед конем правителя. Но правитель сильно разгневался, приказал избить его и ускакал. А монах без чувств скатился под мост. Тут-то его и заметили стражники, как раз в эту пору совершавшие обход.

— Под мостом валяется труп какого-то монаха, — удивились они. — Давайте-ка испробуем на нем свое оружие!

Они подняли копья и принялись поочередно колоть ими монаха. А монах так перепугался, что и вздохнуть не смел. Вдруг один стражник сказал, обнажая нож:

— Говорят, из мужского корня буддийского монаха получается отличное лекарство. Отрежу-ка я его, да и пойдем дальше!

Тут уж монах вскочил на ноги и с громкими воплями обратился в бегство.

Только после захода солнца добрался он до своего монастыря. Ворота были уже закрыты. Сколько ни кричал истощенным голосом монах, служба не отпирал.

— Наш наставник ушел к своей жене! — наконец крикнул он. — Ты что, негодяй, орешь среди ночи?!

Тогда монах решил проползти во двор монастыря через собачий лаз.

— Вечно чья-то собака шляется по ночам и слизывает масло перед изображением Будды, — нарочно громко сказал служка. — Вот и опять прибежала!

Он схватил дубинку и больно избил монаха.

Про того, кто попадает в переделку, так теперь и говорят: «Он как тот монах, что переходил речку!»

БОЛЬШОЙ ВОНСИМ

В начале правящей ныне династии жил один буддийский монах по прозвищу Большой Вонсим — «Отдаливший сердце»*. Был он так высок ростом, что, когда шел по дороге, намного возвышался над головами прохожих, а рукой мог свободно достать до стропил высокой веранды. По характеру своему Вонсим был человеком легким, большим шутником. Постоянного жилища он не имел, но никогда не уходил в другие края. Ночевал Вонсим, привалясь где-нибудь к забору, а на заре покидал это место. Если же он заболел, то ложился прямо на улице, и горожане наперебой снабжали его едой. Даже из домов князей и министров приносили ему вино и пищу.

Когда случались в стране бедствия — наводнения или засухи, — Вонсим собирал своих учеников, истово творил молитвы. И бывало, что молитвы его помогали. Получая тысячу монет, он не выражал радости. Утратив все, что у него было, — не чувствовал себя несчастным. Если люди дарили ему одежду — будь то мужскую или женскую, — он набрасывал ее на себя и носил. Если же случалось, что просили одежду у него, — он все с себя снимал и отдавал, не раздумывая. Была у него одежда — прикрывал он ею свое тело. Не было совсем — сплетал платье из травы и не стыдился носить его. А доставались ему великолепные парчовые одеяния, он не гордился ими. Не знал Вонсим

* Буддийское имя — «Отдаливший сердце от всего, что мешает на пути к просветлению».

предела, получая от людей, не ведал границ и в отдаче им. Не выражал Вонсим никакого почтения при встрече с министром, как и не считал для себя зазорным поболтать с невежественной женщиной. Если видел он брошенный труп, то непременно взваливал его себе на спину, относил в сторонку и хоронил.

Однажды увидел Вонсим валявшийся в овраге труп. Горестно над ним поплавав, он поднял труп на спину. Три дня носил Вонсим покойника на плечах и схоронил его только после того, как вместе со своими учениками сотворил заупокойное моление Будде.

Обратился как-то Вонсим к своим ученикам с такими словами: — Хочу вот тело свое предать огню и переродиться!

Ученики собрали дров, сложили из них помост. Вонсим влез на помост, чинно уселся. Однако когда к нему стали подбираться красные языки пламени, он не смог вынести жара. Прячась за дымом, Вонсим тайком слез с костра, сбежал и вернулся в храм раньше своих учеников.

А ученики его, полагая, что наставника их нет уже в живых, горько его оплакивали. Вот возвратились они в храм и вдруг видят: в помещении для созерцания величественно восседает сам Вонсим!

— Как же так?! — низко кланяясь, удивились они.

— А побывал я в стране Западных Небес*, — отвечал Вонсим. — Бренной плоти моей не стало, но бессмертный дух Будды не исчез во мне. Он будет жить во веки веков!

И вдруг, захлопав в ладоши, громко расхохотался.

ТОЛЬКО ЮБКА И СПАСЛА

Некий буддийский наставник отлучился куда-то из дома. И как только он ушел, жена его приняла у себя в комнате соседа. И вот, как раз когда они весело болтали и забавлялись, неожиданно вернулся муж. Женщина растерялась было, но тут же схватила свою юбку, игриво закрыла ею глаза наставника.

— Куда это вы изволили ходить, муженек? — притворно радуясь, спросила женщина.

* Так на дальнем востоке называли Индию — родину Будды.

— Да был вот на похоронах первого министра! — в тон ей весело ответил муж, решив, что жена с ним заигрывает.

Тут женщина замотала юбкой всю голову монаха и легла с ним. Ну а сосед, конечно, благополучно скрылся.

МИЛОСЕРДНЫЙ

Был монах, которого звали Чаби — Милосердный. По натуре он был человеком честным, не ведал лицемерия и даже высоких чиновников называл просто по имени. Если ему что-нибудь давали, то — как бы ни ценна была вещь — он не отказывался и брал. Если люди просили что-либо у него — отдавал все без остатка. Одет был этот монах в лохмотья, носил помятую шляпу. Кормился он тем, что ходил в столице из дома в дом. Если ему давали поесть — он ел, не давали — оставался голодным. Он не различал — хорошая то была еда или плохая, не говорил — мало ее или много. Если он говорил о какой-нибудь вещи, то непременно к ее названию добавлял слово «уважаемый». Скажем, о камне он говорил — «уважаемый камень», о дереве — «уважаемое дерево». Так же он говорил и обо всех прочих вещах.

Некий школяр, увидя этого монаха, который куда-то очень торопился, спросил, куда это он идет.

— Надо бы успеть зайти в жилище госпожи монахини, — ответил монах, — да еще забежать в домик госпожи вороны!

Это означало, что он ищет место для ночлега. Все люди, которые слышали ответ монаха, рассмеялись.

На щеках Милосердного были шрамы, и кто-то спросил — откуда они.

— Отправился это я однажды в горы раздобыть дровец, — рассказал монах. — И вдруг вижу: сцепились в яростной схватке уважаемый тигр с уважаемым медведем. Я подошел к ним и спрашиваю, зачем это они так грызутся. Вы же ведь можете убить друг друга, говорю я им. Ну, уважаемый тигр меня послушался и мирно удалился. А вот уважаемый медведь слов моих слушать не захотел, набросился на меня и вцепился в лицо зубами. Благо, случился тут один монах. Еле спас меня от смерти!

Как-то сидел я в одном месте с несколькими министрами. Пришел и Милосердный. Один из сановников спросил его:

— Вот вы, монаше, бродите в горах, вместо того чтобы заниматься нравственным совершенствованием. Почему вы, опустившись до нашего бренного мира, чините мосты, колодцы, дороги и вообще занимаетесь пустяковыми вещами? Зачем бродите вы повсюду, ведете жизнь, полную лишений?

— Еще в юности, — отвечал монах, — мой уважаемый наставник сказал: «Если ты уйдешь в горы и в течение десяти лет будешь нравственно совершенствоваться, то только тогда встанешь на путь истинный». Поэтому я провел в горах Кымгансан пять лет, предавался еще в течение пяти лет аскезе в горах Одэсан и совершенствовался в учении. Однако никакой пользы от этого не было. Мой уважаемый наставник еще сказал: «Если прочитаешь сто раз и заучишь наизусть Лотосовую сутру, достигнешь нравственного совершенства». Я прочел сто раз сутру и выучил ее, но проку никакого нет. А ведь разве не могу и я, скромный монашек, быть полезным своей стране? Починяя мосты, колодцы, дороги, разве не совершаю я благих дел для народа?!

И все люди одобряли деяния этого монаха.

ПРАВЕДНИК

Буддийский монах Синсу родился и вырос в моем родном селении в Пхачжу. Жил он в травяной хижине на южном берегу реки Наксу. Характер этот монах имел легкий, очень любил шутку. Стоило ему слово сказать, как люди покатывались со смеху. К тому же он не имел пристрастия к вещам, склонности к накоплению имущества. Все, что у него было, в том числе и поля, поделил он между племянниками и никогда не брался за соху или мотыгу, чтобы возделывать землю. В летние месяцы питался монах обычно рисом. Был он уже пожилым человеком, лицо его напоминало маску. Когда он тряс головой и вращал глазами, подражая шестнадцати архатам*, его лицо совершенно преображалось. И если он замечал, что это производит на людей впечатление, старался еще больше. Встречаясь с каким-нибудь чиновником, с которым был совершенно незнаком, монах с первого же раза обходился с ним, как со старинным приятелем, обращался на «ты».

* Шестнадцать главных учеников будды Шакьямуни.

У некоего Ына была молодая жена, и Синсу сошелся с нею. Ын же был очень беден, ждал от монаха покровительства и пришел к нему вместе со своей женой. Монах же хорошо относился не только к его жене, но и к самому Ыну, подарил ему много разной одежды и еды. Вот и стали эти трое людей ночевать под одним одеялом. Мужчины не испытывали ни ревности, ни отращения друг к другу.

Когда жена Ына родила сначала девочку, а потом и мальчика, монах как-то сказал:

— Это твои дети, Ын.

— Да нет же, — возразил Ын, — твои, монаше!

Монах пребывал в храме, а Ын выращивал овощи и заготавливал дрова. Когда монах ходил на базар, покупки за ним таскал Ын. Так он и стал слугой монаха. Прожили они вместе несколько лет, и жена Ына умерла. А монах и Ын по-прежнему продолжали жить вместе. Относились они друг к другу так, как если бы были старшим и младшим братьями. А потом умер и Ын. Монах опечалился, похоронил его.

А надо сказать, монах этот очень любил выпить. Тысячи чарок и сотни кувшинов вина всасывал он в себя, словно кит воду! Если люди, желая разыграть монаха, под видом вина подносили ему какую-нибудь жидкость — будь то грязная вода или даже воловья моча, — он тут же единым духом выпивал ее.

— Ох! — только кричал он. — Это вино слишком горькое!

А поесть он тоже очень любил. Будь то засохший вареный рис или черствые лепешки — ни от чего он не отказывался, мгновенно съедал все без остатка. Даже при большом скоплении народа он открыто поглощал и мясо, и рыбу. Как-то люди над ним посмеялись.

— Так ведь не я же убил этих животных, — оправдывался монах. — Это уже не живое. Так, прах. Разве я причиняю кому-нибудь вред, что ем мясо?!

В год кёнин* я был в трауре и жил в то время в Пхачжу. Тогда я часто встречал этого монаха. Ему было уже за семьдесят, однако выглядел он очень бодро. Если у него спрашивали, почему он сближается с женщинами и ест мясо, монах отвечал:

* Название года по циклическому летосчислению. Цикл включал 60 лет, год кёнин был 27-м годом цикла.

— Нынешние люди безрассудно пекутся только о своей выгоде, стараются ограбить друг друга, таят в сердце зло и не могут избавиться от угрызений совести. Это относится и к знатыным семьям, да и к нам, монахам. Ударит в нос запах жареного мяса — и течет слюна. Увидишь хорошенькую женщину — и испытываешь к ней вожделение. Такой же и я. Почувствую запах пищи — ем. Увижу женщину — беру ее. Это так же, как большая вода не может не размыть землю. А к вещам я равнодушен, тяги к ним у меня нет совершенно. И если в следующем перерождении не сподоблюсь стать буддой, то уж архатом-то стану наверняка! Вот люди трясутся над своим имуществом, непременно норовят накопить его как можно больше. А умрет такой человек, и все добро достанется другим. Так лучше уж при жизни как следует насладиться едой да выпивкой! Все мы дети своих родителей и должны почтительно ухаживать за ними в старости — утром и вечером подносить им и белые хлебцы, и мед, и вино, и мясо. А если после смерти родителей дети, оплакивая их перед гробом, выставляют сушеное мясо, сушеные фрукты и опивки вина — так кто же все это есть-пить будет? А не станешь сам почтительно заботиться о своих родителях и при их жизни, и после их смерти, так и о тебе не будут заботиться твои дети!

Когда этот монах, названивая в колокольчик и читая сутры, вызывал души усопших перед столом с жертвенной едой, он восклицал:

— О праведник, праведник! Вот и ушел ты в иной мир, в чистые земли. При жизни ты хотя и грешил, но после смерти поистине сподобился, стал праведником!

При этом монах изображал великую скорбь по умершему и рыдал во весь голос. Но после того, как бы радуясь, что грешник попал в рай, начинал вдруг хлопать в ладоши и громко хохотать. Затем, ни слова не говоря и даже не попрощавшись с хозяевами, он хватал свою суму, наполненную едой, и убегал.

МОНАШКА

Генерал Хон еще в пору своей безвестности как-то в дороге попал под дождь. Он поспешил укрыться в небольшой пещере, где неожиданно обнаружил хижину. Заглянув в хижину, Хон уви-

дел монашку, лет семнадцати-восемнадцати. Девушка была необыкновенно хороша собой, она спокойно сидела в одиночестве.

— Чего это ты здесь делаешь одна? — удивленно спросил Хон.

— А я не одна, — ответила монашка, — мы здесь втроем живем. Только сейчас две другие монахини спустились в деревню — еды попросить.

Хон сказал девушке, что она ему очень понравилась и что в такую-то луну, в такой-то день он вернется сюда, возьмет ее к себе в дом.

Та монашка ему поверила, с нетерпением стала ждать назначенного срока. Но вот время встречи настало и прошло, а Хон за ней не явился. Девушка была так потрясена, что заболела и вскоре умерла. Впоследствии Хон был назначен командующим войсками южных провинций и оказался в тех же местах.

И вот однажды в постель Хона заползло какое-то маленькое животное, очень похожее на ящерицу. Хон приказал служителю выбросить животное, а тот взял да и убил его. На другой день в комнату вползла небольшая змейка. Служитель и ее убил. Но назавтра эта змейка приползла снова и вдруг, к изумлению Хона, превратилась в монашку! Хон-то, конечно, сразу догадался, что это нечистая сила. Однако он совсем не испугался: ведь он имел власть, и с ним было большое войско. Решив истребить нечисть, Хон приказал умертвить монашку.

Однако с тех пор не было дня, чтобы змейка не приползала в казармы. При этом она с каждым днем вырастала, пока наконец не превратилась в огромную змею! Хон приказал воинам, вооружившись мечами, окружить со всех сторон военный лагерь и не впускать эту змею. Но змея прорывала окружение и все-таки заползала в лагерь. Воины изо всех сил рубили ее мечами, но змее ничего не делалось. А когда воины соорудили огневой вал вокруг всего лагеря, они увидели: змея проползает и сквозь пламя!

И тогда Хон приказал сделать ящик, в котором он прятался на ночь. Змея же свободно ползала по всем комнатам. И днем, во время инспекторских поездок по границе, Хона носили в этом ящике в окружении воинов.

Однако Хон все более падал духом, страдание было написано на его лице. В конце концов он совсем занемог и умер.

МОНАХ ПЕРЕРОЖДАЕТСЯ В ЗМЕЯ

Еще когда мой тесть достопочтенный Ан был правителем уезда Лимчхон, случилось вот что.

В храме Пугванса пребывал тогда некий наставник. И вот повадился он ходить в управу да просить, чтобы правитель его выслушал. Наконец тесть согласился принять наставника, и тот рассказал:

— Был у нас в обители один монах, который спутался с некой деревенской девушкой и тайком навещал ее. Недавно монах умер и в перерождении стал змеем. Однако по-прежнему продолжает бывать у этой девушки. Является он днем, сразу же заползает в большой глиняный кувшин, а как только настанет ночь, забирается девушке под рубаху, обвивается вокруг ее талии, голову кладет на грудь. А в щели на хвосте змея имеется такой вырост из плоти, ну в точности, как у мужчины. И вот, этот самый змей как ни в чем не бывало соединяется с девушкой!

— Когда змей заползет в кувшин, — выслушав наставника, повелел тесть, — пусть девушка быстренько схватит кувшин и принесет его сюда!

Девушка принесла кувшин в управу, а тесть громко выкрикнул имя монаха. Змей высунул голову из кувшина.

— Ах негодяй! — с бранью заорал на него тесть. — Даже и став змеем, ты продолжаешь путаться с женщиной. Да может разве так вести себя порядочный монах?!

Змей от стыда и страха втянул голову в кувшин. Тогда тесть тайком приказал людям сколотить небольшой деревянный ящик, а девушке — заманить в этот ящик змея.

— Господин государев правитель, — сказала девушка змею, — изволил пожаловать вам, муженек, чудесный новенький ящичек, в котором вы прекрасно можете устроиться. В него и входить можно быстро, и быстро выходить. Идите-ка сюда! — она сняла свой фартук, застелила им внутренность ящика.

Змей выполз из кувшина, устроился на своей новой лежанке. Тут по приказу тестя несколько крепких служителей быстро накрыли ящик доской и приколотили эту доску гвоздями. Как ни бесновался, извиваясь в ящике, змей, как ни старался выбраться наружу, сделать этого он не смог. А правитель велел еще написать на ящике имя этого монаха и нести ящик за ним. Несколько

десятков учеников монаха, колотя в барабаны и железные площадки и напевая сутры, с горестными воплями следовали за процессией. На берегу реки ящик со змеем бросили в воду, и он уплыл.

А девушка ну вот нисколечко не была опечалена этим!

МОНАХ-ПЕТУХ

Некий монах и росточку был маленького, и личико у него было крохотное. При этом он еще слегка прихрамывал на одну ногу. Жил он в столице и каждый день обходил кругом весь город. И не было ни одного богатого дома, ни одной знатной семьи, куда бы он не наведывался.

И всегда-то этот монах взмахивал и хлопал руками, изображая хлопающих крыльями петухов и кур. А ртом он умел издавать такие звуки, что так и казалось — либо кукарекает петух, либо два петуха дерутся, либо квохчет снесшая яйцо курица. Не было ни одного звука или манеры поведения петухов и кур, которых он не мог бы точно изобразить. Иногда, услышав пение петуха, монах этот, по-петушиному встряхиваясь всем телом, напевал:

*Пускай в лохмотья я одет
и денег нету ни гроша,
А все же мил мне этот свет,
своя лачуга хороша.
Но вот примчатся слуги ада
по душу грешную мою,
Какая мне от них ограда,
что я тогда-то запою?!*

Или напевал такое:

*Кваным и Чесок, Кваным и Чесок!
Услышьте-ка вы и мой голосок!
Вот время недолгое минет,
И плоть моя со свету сгинет.
А душу спасли бы от ада,
Вот это была бы отрада!*

Подобных песенок много у него было, они напоминали песни крестьян. Дети ходили за этим монахом огромными толпами.

— Я человек простой, — говаривал он, — но даже и трое князей не могут предводительствовать таким множеством людей!

Доход его составлял один-два сока* зерна в день. Тем он и кормился, и одевался. А тогдашние люди прозвали его Монах-петух.

ПРОДЕЛКИ ЮН ТХОНА

Ученый конфуцианец Юн Тхон прекрасно умел рассказывать, был большим шутником и обожал дурачить людей, потешаться над ними. Дом его находился в Ённаме.

Объезжая с инспекцией различные округа и области, прибыл он как-то в один уезд. Поселившись в управе, находился Юн Тхон однажды в комнате с кисэн, которая развлекала его. И вот заметил он, что некий чиновник то и дело ходит взад-вперед и посматривает на девушку. Юн Тхон сразу смекнул, в каких они отношениях.

В полночь он притворился спящим и захрапел. Кисэн, полагая, что он действительно крепко спит, встала и смело вышла из комнаты. Юн Тхон встал тоже, тайком последовал за ней. А чиновник тот был уже под окном, взял девушку за руку, и они пошли вместе.

— Свет луны прозрачен, как вода, — сказала кисэн. — Никто из дома нас не увидит, и мы можем потанцевать без помех.

Эти двое встали лицом друг к другу и принялись плавно танцевать. Юн Тхон заметил, что на веранде спит какой-то чиновник. Рядом лежала его шляпа. Юн Тхон взял шляпу, надел ее себе на голову, подошел к танцующей парочке и стал танцевать тоже.

— Мы тут с приятностью развлекаемся, — сказал чиновник, — а ты-то кто такой сюда явился?!

— Да я гость вашего начальника, — ответил Юн Тхон. — Гляжу, так здорово двое танцуют, что зависть меня взяла. Вот и решил повеселиться вместе с вами!

Тут чиновник узнал инспектора Юн Тхона, очень испугался, стал умолять простить его.

* Сок — мера объема, равная примерно 103 л.

— Какую должность занимаешь в управе? — спросил Юн Тхон.

— Я служу по Приказу строительных работ и промыслов. Ведаю учетом поступающих шкур и кож.

— Сколько сейчас шкур на складе?

— Семь оленьих кож да несколько десятков лисьих и рысьих шкур.

— Так вот, — сказал Юн Тхон. — Завтра я увижусь с твоим начальником, буду просить у него шкуры и кожи. Ты же, не утаивая их числа, выложишь все, что имеется на складе. А не сделаешь этого, я непременно сообщу, что ты путаешься с кисэн!

— Конечно, конечно, я сделаю, как вы изволите приказывать, — почтительно согласился чиновник и ушел.

На другой день Юн Тхон сидел с начальником уезда в приемном зале.

— Вот хотел пошить себе сапоги, — сказал Юн Тхон, — да кожи оленьей нет. Хотел халат на меху сшить, но и шкур у меня нет — ни лисьих, ни рысьих. Пожалуй-ка мне несколько кож да шкурок!

— Да откуда вы знаете, что у нас есть кожи и шкуры? — удивился начальник уезда. — Есть-то есть, но ведь очень мало! — он приказал тому чиновнику показать кожи и шкуры Юн Тхону.

А Юн Тхон все кожи и шкуры забрал и с тем отбыл.

А то еще прибыл Юн Тхон в один уезд и остановился на постоялом дворе. И вот увидел он, что под окнами ходит взад-вперед какая-то кисэн в белой одежде — девушка красоты необыкновенной. Юн Тхон спросил о ней, и ему сказали, что эта кисэн соблюдает траур по матери. Тогда Юн Тхон взял свиток бумаги, один конец сунул в платяной короб, а другой спустил за окно. Потом окно притворил, сел и стал подглядывать за кисэн. И когда она проходила мимо, нарочно громко сказал:

— Все уезды объехал, но хороших вещей так и не раздобыл. Достался мне только вот этот короб с бумагой. Лошаденка-то у меня хилая, а груз тяжел. Как же я его довезу до дома?

А слуги Юн Тхона, догадавшись о том, что он затеял, стали нарочно говорить как бы между собой:

— Приглянулась эта кисэн нашему господину. Непременно сделает ей какой-нибудь подарок. Наверно, оставит эту бумагу!

А та кисэн была как раз в трауре по матери, бумага ей была очень нужна. Услышав эти слова, она очень захотела получить ее. Поэтому той же ночью девушка вошла в комнату к Юн Тхону и ни за что не хотела уходить. А Юн Тхон ведь обманул ее, никакой бумаги у него не было.

— Ко мне ночью вошла женщина, которая носит траур! — закричал он на весь дом.

И кисэн стало так стыдно, что она опрометью выбежала на улицу.

А вот тоже отправился как-то Юн Тхон со своим дядей в столицу. Лошадь дяди была черная, с белой отметиной на лбу. А лошадь Юн Тхона — вся черная. На ночь дядя привязывал лошадь племянника к столбу, а свою тайком пускал пастись. Юн Тхон же, проведав об этом, стал на ночь наклеивать на лоб своей лошади белую бумагу, а на белое пятно дядиной лошади — черную. И в сумерках стало трудно различить — которая же чья лошадь.

С тех пор дядя стал привязывать к столбу свою лошадь, а лошадь племянника выпускал пастись. Мало-помалу лошадь дяди отошала и стала уже плохо ходить под седлом. Тут только дядя и понял, что племянник его перехитрил.

Юн Тхон не имел своего дома и был очень озабочен этим. Но вот познакомился и подружился он с одним буддийским монахом.

— Надумал я построить буддийский храм, — сказал он однажды монаху, — и мы с вами, святой отец, будем избавлены от дурной кармы!

— Да ты, не иначе, в предыдущем рождении был бодхисаттвой*! — в восторге закричал монах. — Потому только тебя и осенило дать такой обет!

— В Кёнчжу, — продолжал Юн Тхон, — еще сохранился фундамент древнего храма. Вот на нем я и возведу новый. А места там поистине замечательные — у подножия высоких гор струятся прозрачные потоки!

Не мешкая, составил Юн Тхон грамоту с призывом помочь в строительстве храма, передал ее монаху. Монах же всей душой

* Буддийский святой, который достиг просветления, но отказался стать буддой, остался в миру, чтобы помогать людям встать на путь постижения истины.

отдался сбору средств на строительство храма. Помогал ему и Юн Тхон. Когда денег было собрано достаточно, Юн Тхон закупил необходимый инструмент и строительный лес, начал на старом фундаменте возводить здание. Только вот строение у него получилось что-то не похожее на буддийский храм: слишком уж много было там комнат с теплыми полами. Совсем как в жилом доме! Да еще целина перед воротами была вскопана, и устроен огород, засеянный овощами! Правда, все стены были расписаны лучшей красной охрой, было и изображение Будды, перед которым лежали циновки для проповедников и молящихся. Когда храм был совсем готов, Юн Тхон сказал монаху:

— Я хотел бы прийти поклониться Будде вместе с женой и всем семейством.

И монах разрешил ему это. Тогда Юн Тхон с женой привели в храм всех своих детей и слуг, и некоторое время они пребывали там. Потом Юн Тхон, сказавшись больным, прожил в храме несколько дней. А затем постепенно перевез сюда все свое имущество и окончательно поселился в этом здании. Когда прибыл монах, он не мог даже войти в помещение. И тогда он подал жалобу на Юн Тхона в управу. Однако в управе дело это долго откладывалось, решения по нему принято не было. Так дом этот и достался в конце концов Юн Тхону. В семье Юн Тхона никто никогда не болел, а сам он скончался в возрасте восьмидесяти лет.

ПРОКАЗЫ ХАНА

Корёский министр Хан Чонъю* в юности был завзятым безобразником. Он тогда сколотил шайку в несколько десятков человек из таких же шалопаев, как он сам. Излюбленным занятием этой шайки было совершать набеги на богатые дома, где как раз пел и плясал, бесновался шаман. Разогнав людей, эти мазурики выпивали в доме все вино, до отвала наедались и, громко хлопая в ладоши, начинали горланить песню «Тополевый цвет». Люди того времени так и прозвали эту шайку — «Тополевый цвет».

* Хан Чонъю (1287—1354) — государственный деятель и литератор, был наставником наследника престола.

Однажды Чонью вымазал себе обе руки черным лаком и ночью тайком пробрался в дом, где за пологом лежал в гробу умерший.

— Муженек, муженек! — плакала вдова. — Скажи, куда же ты ушел?

— Да здесь я, здесь! — слабеньким голоском ответил Чонью, высунув из-за полога черные руки.

Женщина в ужасе стремглав выбежала из дома, а Чонью забрал все фрукты, разложенные на жертвенном столе, и скрылся.

И подобных проделок много за ним было. Но потом-то блестящими делами в Государственном совете он, конечно, прославил свое имя. А на склоне лет Хан Чонью ушел на покой, поселился в глухой провинции.

В верховьях реки Ханган есть остров Чочжадо. Некогда Чонью сочинил там такое стихотворение:

*Дождь прошел
 совсем небольшой.
А вокруг тишина,
 тишина и покой.
Озера воды
 просторно легли
Под небом вокруг
 на десятки ли.
В этой дальней
 пустой глуши
Буйно травы растут,
 цветут камыши.
И слышится звуков
 дальний полет —
Это же флейта
 где-то поет.
Вот и бросил дела,
 и ушел на покой.
Сам похлебку варю
 я над вольной рекой.
На заре вечерком
 приготовлю уду
И один на косу
 порыбачить иду!*

И еще он сочинил такое стихотворение:

*Я в платье простом,
в повязке-тугон*.
По дамбе иду
над тихим прудом.
Ивы так густо
растут в стороне.
Ветер дует, лицо
освежает он мне.
А когда вечерком
возвращаюсь домой,
Горы вдали
уж лежат под луной.
Белых лилий в пруду
нежный запах стоит.
Даже посох сухой
аромат их хранит!*

БРАТЯ ЧХВЕ

Ученый конфуцианец Чхве Севон любил пошутить и порядочным был краснобаем.

Как-то приобрел он охотничьего сокола. Однако сокол этот не желал ловить фазанов, а предпочитал утром и вечером пожирать соседских кур. И вот, отъевшись на курином мясе, этот мошенник взмыл однажды под облака и улетел.

— Эй, соседи! — радостно закричал Севон. — Смотрите, смотрите! Смылся наконец-то этот куриный душегуб!

Был у Чхве Севона младший брат Юн, тоже шутник и остро слов. Юн страдал сахарной болезнью, постоянно пил настой китайского лимонника, отчего у него выпали все зубы. Юн, однако, отнюдь не пал духом. Уже в старости захотел он получить в управление одну область.

— Да у тебя же зубов нет, — сказал ему сосед-приятель, — как же ты управлять-то будешь?!

— Орехи грызть я, конечно, не могу, — отвечал Юн. — А управлять... Что ж, ведь и двор вана правит не зубами!

Все люди одобрительно расхохотались.

* Мужская головная повязка из конопляного холста.

ШУТНИК ЁН ТХЭ

Ён Тхэ был мелким чиновником во времена правления династии Корё*. Он любил шутку и умел смешить людей, как бродячие актеры квандэ.

Однажды зимой поймал он змею на берегу Ёнёна. Наболтал монаху из соседнего монастыря, что это, мол, детеныш дракона, и тот взял змею на воспитание. Через несколько дней Ён Тхэ разделся догола, пестро разрисовал свое тело под чешую дракона и явился к этому монаху.

— Не пугайтесь, святой отец, — сказал он, постучавшись в окно, — я дракон Ёнёна. Узнал я, что дитя мое вы очень любите и бережете. Очень вам благодарен. Скоро снова приду и приглашу вас в свой подводный дворец!

Сказал он так и скрылся. В назначенный день, разодетый во все новое, ожидал монах дракона. Пришел Ён Тхэ, посадил монаха себе на спину и принес на берег Ёнёна.

— Теперь вы за меня не держитесь, — сказал он монаху, — закройте глаза, и мы тотчас окажемся в моем дворце!

Монах крепко зажмурился, разжал руки. А Ён Тхэ просто сбросил его в воду и ушел. Промокший насквозь, весь в ссадинах, монах с трудом выполз на берег. Еле добрался он до монастыря и, укутавшись одеялом, уснул. На завтра Ён Тхэ пришел к нему.

— Что это с вами стряслось? — спросил он.

— Злой дух Ёнёна, старый сумасброд, жестоко подшутил надо мной! — мрачно ответил монах.

А однажды Ён Тхэ привелось участвовать в охоте государя. Как всегда, разыгрывал он веселые шутки. И вот государь Чхунхе** приказал для потехи бросить его в реку. Ён Тхэ с трудом выбрался на берег.

— Где был, что видел? — рассмеявшись, спросил ван.

— А был я под водой, — бодро ответил Ён Тхэ, — встретил Цюй Юаня***!

* Династия Корё правила в Корее с 918 по 1391 гг.

** Государь Чхунхе правил с 1331 по 1344 гг.

*** Цюй Юань (ок. 340–278 гг. до н. э.) — великий китайский поэт. Оклеветанный придворными, был сослан и покончил с собой, бросившись в реку. Его образ в дальневосточной литературе стал знаком несправедливо обиженного, гонимого мудреца.

— Ну и что же он тебе сказал?

— «Мой государь был человеком невежественным, — сказал Цюй Юань, — из-за него мне пришлось утопиться. Но почему в реке оказался ты? Ведь твой-то государь — просвещенный!»

Государю очень понравился ответ Ён Тхэ, и он подарил ему серебряную чашу. Увидя это, один из воинов взял да и сам плюхнулся в воду. Ван приказал вытащить его за волосы и спросил, зачем он прыгнул в реку. Воин ответил, что он тоже навестил Цюй Юаня.

— А что же он тебе-то сказал? — поинтересовался ван.

— «Что скажешь?» — спросил меня Цюй Юань. «А вы что скажете?» — ответил я ему.

Дружный хохот свиты вана потряс окрестности.

ЛИ ПАНСИЛЬ

В правление династии Корё жил полководец Ли Пансиль*. Смолоду он не имел себе равных в ловкости и отваге.

Однажды, когда он объезжал провинцию Сохэдо, перед ним на дороге появился некий мужчина. Ростом тот человек был огромен, имел при себе лук и стрелы. Он тут же загородил дорогу коню Ли Пансиля и сказал:

— Куда изволите следовать, господин? Рад буду сопровождать вас! — и он пошел рядом с конем Пансиля.

А Пансиль, хотя и понял сразу, что перед ним разбойник, нисколько не испугался. Так проследовали они вместе ли десять и вот заметили сидевших на поле пару голубей.

— Господин может попасть в этих птиц? — спросил разбойник.

Пансиль молча поднял лук и одной стрелой поразил обоих голубей. Смеркалось. Они остановились на постоялом дворе, где совсем не было гостей. Пансиль снял с себя лук и колчан со стрелами, отложил их в сторонку.

— Пойду коня посмотрю, — сказал он через некоторое время разбойнику, — а ты пока побудь здесь.

* Ли Пансиль (?—1362) — известный полководец.

И Пансиль вышел, оставив в комнате свое оружие. Потом Пансиль зашел в отхожее место, что было во дворе, присел. А разбойник схватил лук и стрелы, выскочил во двор и, изо всех сил натянув тетиву, выстрелил в Пансиля. Пансиль же спокойно поймал летящую стрелу рукой и воткнул ее в стенку отхожего места! Раз десять стрелял разбойник в Пансиля, а тот все ловил стрелы и втыкал их в стенки. И вот стрелы в колчане все кончились. Разбойник, потрясенный ловкостью и бесстрашием Пансиля, упал перед ним на колени, в раскаянии умолял пощадить его.

Во дворе неподалеку рос дуб высотой в несколько чанов. Пансиль подпрыгнул, ухватился одной рукой за сук и пригнул его. Затем другой рукой крепко привязал к суку волосы разбойника, ножом быстро надрезал кожу вокруг его головы и отпустил сук, который с силой взметнулся вверх, сорвав с головы разбойника все волосы. А тело его рухнуло на землю. Пансиль же ушел, даже головы не повернув в сторону разбойника.

Много позже, уже когда Пансиль состарился и был в больших чинах, случилось ему проезжать через ту же местность. На ночлег остановился он в одном крестьянском доме. Дом был большой и выглядел очень богато. Встречать Пансиля, опираясь на палку, вышел почтенный старец. Он выставил хорошее угощение — были поданы отличные вина и закуски. Когда они уже порядочно подвыпили, старик хозяин, роняя слезы, рассказал:

— В молодости, понадеявшись на свою лихость, занялся я разбоем. Убивал и грабил людей несчетно. Но однажды нарвался я на одного молодца беспримерной отваги. Хотел прикончить его, как и прочих, а в результате сам пострадал жестоко, чуть было не умер. С тех пор я глубоко раскаялся, людей не гублю, не граблю их. Все силы отдаю земледелию.

Хозяин снял шляпу и показал голову. Она была совершенно голой — ни единого волоска!

...Была у Ли Пансиля младшая сестра. Так она тоже славились ловкостью и смелостью. Еще в детстве брат и сестра любили, бывало, воткнуть в стену тоненькую жердочку и по очереди проходить по ней. Когда по жердочке проходил Пансиль, она все же качалась немного. Когда же по ней прошла его сестра, жердочка даже не шелохнулась!

Однажды сестра Ли Пансиля ехала с малым ребенком на выдохшейся лошади, и ей нужно было переправиться через реку. Перевозчики, желая побыстрее отделаться, грубо подхватили женщину под мышки и потащили на перевозную лодку. Сестра Пансиля страшно разозлилась, вырвалась у них из рук, схватила тяжелое весло и принялась как попало лупить перевозчиков. И похожа она была при этом на бесстрашного сокола!

ЖЕНИЛСЯ НА КИСЭН

В свое время, когда Ким Самун был направлен посланцем государя в Ённам и прибыл в Кёнчжу, местные власти предоставили ему для развлечения одну кисэн. И Самун отправился вместе с нею в монастырь Пульгакса. Однако девушка была совсем юной и не имела еще дела с мужчинами. Она изо всех сил сопротивлялась Самуну, среди ночи куда-то от него сбежала и пропала. «Уж не попалась ли она в когти дикому зверю?!» — беспокоились люди. Однако на завтра девушку разыскали. Оказывается, ночью, босая, добежала она аж до Никчжу!

Очень огорченный такой неудачей, Самун прибыл в Мильян. Здесь встретился он с местным чином военного ведомства Ким Лионом, пожаловался на свою беду.

— Да чего там переживать! — в утешение сказал ему военный. — Среди моих уездных кисэн есть женщины незаурядные. Я и сам не раз принимал их. Некоторые очень красивы и в любовных делах искусны. Я как правитель которую-нибудь непременно тебе сосватаю!

И вот однажды правитель устроил грандиозный пир в павильоне Ённамну. Все кисэн были в полном сборе. И была среди них примечательная девушка, хотя не очень-то и красивая. Самун спросил о ней.

— Да это ж и есть та самая кисэн, которую я тебе прочу! — воскликнул военный.

А Самун и глаз не отводил от нее, всей душой потянулся он к этой девушке. Столы ломились от изысканных яств, но Самуну все казалось невкусным. Хозяин и слуги подносили ему вино, выступал и он с ответными речами. И тут военный велел этой самой кисэн поднести чашу Самуну. Самун радостно принял

чашу, заговорил с девушкой, и похоже было, что страсть целиком им завладела. Этой же ночью они легли спать вместе на террасе Манходэ — «Вид на озеро».

С той поры Самун и кисэн страстно полюбили друг друга, не расставались и на короткое время. Даже средь бела дня запирали они дверь, опускали шторы и, обнявшись под одеялом, не вставали с постели. Хозяин, желая услужить им, приносил еду, но они и с ним не хотели видаться. Так провел Самун со своей кисэн много дней подряд.

Как-то военный чиновник, решив обуздать эту безумную страсть, вошел в комнату Самуна. И все, что он увидел, так это были только два тела, которые сплелись в тесном объятии.

— Я тобой недоволен! — сказал он.

После этого Самун вроде бы образумился, поклялся даже, что оставит девушку. Но, хотя он и отправился дальше инспектировать одну за другой округа, сердце его оставалось с ней.

Однажды возвращался он с правителем уезда Ё Кимуном из Кимхэ в Мильян. Кони их шли рядом — узда в узду. Самун нервничал. Завидя верстовой столб, он непременно посылал слугу узнать, сколько ли осталось до Мильяна, сменял лошадей, нахлестывал их плетью, будто опоздать боялся. Но вот, уже на подступах к городу, в отдалении неожиданно показались неясные очертания какого-то строения.

— Что там за дом? — спросил Самун у слуг.

— Да это же Ённамский павильон! — ответили ему.

Самун прямо-таки запрыгал в седле от радости и весело рассмеялся. А Кимун сложил парные строфы, в которых говорилось:

*Кони рысью идут легко,
минуя поля и пашню.
Облако там, далеко,
задело крылом за башню.
Близится встречи час,
сзади остались горы.
Дом ожидает нас,
в окнах — зеленые шторы.
О, как нам туда охота,
к женищинам в длинных халатах.
Но закрыты, увы, ворота
в тех высоких палатах!*

В Ённамском павильоне Мильяна Самун оставался дней десять. Однако он должен был возвратиться в столицу. Хозяин, сочувствуя Самуну, устроил для него прощальный пир в павильоне, всячески ублажал его, но тот был безутешен. А когда он расставался со своей кисэн в предместье города, крепко сжал ее руки, уехал, всхлипывая от огорчения.

Прибыв на почтовую станцию, до глубокой ночи не смог уснуть. Блуждал, маясь, по двору. Наконец со слезами на глазах сказал смотрителю:

— Уж лучше мне умереть, чем возвращаться в столицу. Если бы ты помог мне снова встретиться с возлюбленной, ей не пришлось бы оплакивать меня!

Смотритель сжалился над Самуном, дал ему свежих лошадей. Ночью проскакал Самун галопом несколько десятков ли и на восходе солнца был уже в Мильяне. Краснея от стыда, неожиданно для всех вошел он в управу. Свое чиновничье платье с серебряным поясом оставил Самун смотрителю и теперь одет был в простую гражданскую одежду. Пешим вышел он за бамбуковую изгородь управы. У старухи, которая доставала воду из колодца, Самун спросил:

— А где живет семья Тонби? (Тонби — было имя его кисэн, с которой он так жаждал встретиться.)

— Да вон пятый дом на той стороне их и есть, — ответила старуха.

— А меня ты знаешь?

Старуха долго и пристально разглядывала Самуна, потом сказала:

— Да, я вас знаю. Вы не иначе как тот самый начальник, который прошлой осенью запретил взимать незаконные подати!

— Да нет, — возразил Самун, — отвязывая кошелек с деньгами и отдавая его старухе, — вовсе я не тот человек. Я инспектор — посланец государя. Вот хочу увезти с собой Тонби.

— Тонби, — сказала старуха, — живет со своим законным мужем, Пак Сэном. Увезти вы ее не сможете.

— Встречаться с Пак Сэном у меня нет надобности. Рад был бы хоть весточку получить от Тонби. Если б могла ты передать ей от меня словечко, я бы щедро вознаградил тебя!

Старуха пришла в тот дом, передала слова Самуна. Кисэн, в сильном смущении воскликнула:

— Как обидно. Но ведь не могу же я решиться на такое!

— Да это же позор для меня! — закричал Пак Сэн, слышавший речи старухи. — Он человек ученый, да ведь и я не безграмотный. Какой стыд для меня, почтенного человека. Видеть его не хочу! — и он в негодовании ушел из дома.

А Самун водворился в доме родителей кисэн. В управе знали об этом и тайком снабжали его рисом. Несколько дней прожил здесь Самун. Родители женщины были очень недовольны этим и в конце концов выгнали из дома их обоих. И вот эти двое оказались в бамбуковой роще, обнялись крепко, навзрыд заплакали. А люди из соседней деревни слышали, как они голоса. Узнав, в чем дело, наперебой стали угощать их вином и закусками.

Самун страстно хотел уехать вместе с кисэн. У него было только три лошади. На одной он ездил сам, на другой — его телохранитель, а на третьей он возил короб с постельными принадлежностями. Телохранитель может идти и пешком, решил Самун. Он велел кисэн взять у того лук и стрелы, сесть верхом на его лошадь. Телохранитель же должен был следовать за ними. Однако сапоги у него были очень тяжелые, мешали ему идти быстро. Тогда он снял сапоги, связал их веревкой и повесил на шею лошади. Вот так они и возвратились на почтовую станцию. Смотритель принял у Самуна шляпу и пояс, бросил их на каменные ступени лестницы и воскликнул:

— Много здесь бывало людей, которые приезжали с инспекцией, но такого страстного мужчины мы еще не видывали!

Когда через несколько лун, отправив кисэн обратно в Мильян, возвратился Самун в столицу, оказалось, что жена его умерла. Он погрузил гроб с телом жены на повозку, вывез его за город и похоронил.

Вскоре после этого Самун снова отправился в Мильян, прибыл на почтовую станцию Ючхон — «У ивовой реки». Здесь он сложил такое стихотворение:

*Ветерок доносит в горы
ароматы слив.
Их цветущие уборы
вызывают чувств прилив.
Ароматы слив текут,
жадно их вдыхаю.*

*Думы светлые влекут,
сердцем отдыхаю.
Свет луны струится
на просторах вод.
Сердце к ней стремится,
лишь ее зовет.
Я тебе толкую:
все пройди края,
Где найдешь такую,
как кисэн моя?!*

А кисэн эта тем временем заслужила благоволение у губернатора Ким Сангука. Прослышав, что прибыл Самун, губернатор пожелал с ним встретиться. Потом Самун привез женщину в столицу. Вскоре он был назначен на должность чиновника в государственной канцелярии. Должность эта высокая, жалованье Самун получал большое. А кисэн со временем родила двоих сыновей и стала в конце концов женой Самуна.

ЧЕМ КОРМИТЬ СОКОЛА?

Цензор Чон Чаён* был однажды на приеме во дворце. В тот день государь по обычаю дарил высшим чиновникам соколов. Все по очереди брали птиц и отходили. А цензор Чон и понятия не имел, как надо брать сокола. Он схватил птицу как попало, обеими руками, отчего та стала беспорядочно бить крыльями, исцарапала ему все руки.

— А что сокол ест? — спросил Чаён у окружавших его чиновников.

— Кормить эту птицу, — ответили ему, — можно только сырым мясом.

— А у нас дома нет сырого мяса, — сказал Чаён. — Есть немного вяленой оленины. Нельзя ли ее размачивать и давать соколу?

Все чуть не лопнули от смеха.

* Чон Чаён (?–1474) — известный государственный деятель, литератор.

ТЩЕСЛАВНЫЙ СИН

Некто Син, придворный чиновник, по натуре своей был человеком пустым и очень любил похвастаться. Так, обожал он похвалиться своим богатством. Разбрасает горсть риса перед воротами, пригласит кого-нибудь в гости и, глянув на землю, начинает распекать слуг:

— Да разве можно так расшвыривать дар небесный?! Позавчера человек из Чхунчхондо привез три сотни сок риса, вчера — из Чолладо три сотни. Потому так и не бережете добро!

А то еще нравилось ему прихвастнуть красивыми наложницами. Вымажет, бывало, румянами да белилами стены комнаты и давай при гостях ругать слуг:

— А чего это стены да окна такие грязные? Приходила вчера такая-то кисэн и осталась на ночь. А утром она тут умывалась да прихорашивалась. Вот и напачкала!

Или еще даст служанке кусок парчи, и как раз в то время, когда гости сидят в зале, она, стоя под окном на коленях, должна была говорить:

— Буду на парчовых туфельках для вашей наложницы вышивку делать. Так какой прикажете рисунок сделать — цветы или облака?

— Да, пожалуй, вышей-ка облака покрупнее! — отвечал Син.

А женщины, имена которых назывались, были одно время очень известными кисэн.

Желая побахвалиться своими высокопоставленными друзьями, Син заранее готовил письмо с адресом какого-нибудь могущественного министра, которого якобы приглашал сейчас прийти к нему. При гостях он передавал конверт слуге. Испуганные гости вставали, чтобы уйти, но Син их удерживал:

— Да я же с ним коротко знаком. Не пугайтесь!

Через некоторое время слуга возвращался и докладывал, что не застал министра дома.

— Эх, жаль! — смеялся Син. — Давненько я с ним не виделся, вот и захотелось сегодня встретиться. А вы уж испугались и уходить собираетесь!

Люди же, которые хорошо знали Сина, только смеялись над его пустотой и тщеславием.

Цензор Хон Ирхю был человеком мужественным, однако не-сдержанным, а главное — безмерно нечистоплотным. Обычно он не умывал лицо и не расчесывал волосы. Крайне был неразборчив в еде и питье.

Как-то, еще в молодости, подвыпив в компании приятелей, ловил Ирхю на реке рыбу. Ножа у него не было, так он перекусывал червей зубами.

А в другой раз он тоже ловил рыбу с друзьями. За весь день они так ничего и не поймали. Зашли в трактир. Ирхю тут же разделся, залез на крышу и, разобрав черепицу, стал доставать птенцов. При этом он выбирал еще не оперившихся, совсем голых. Затем, нанизав несколько штук на заостренную абрикосовую палочку, Ирхю птенцов обжарил.

— Ах, вкуснятина! — то и дело восклицал он, попивая вино и закусывая птенцами. — Что там какие-то жалкие рыбешки!

Когда Хон Ирхю сопровождал государя Сечжо в императорскую столицу, он постоянно собирал конский навоз, разжигал из него костер и на нем жарил пирожки.

— Этот человек и понятия не имеет о чистоте, — любил пошутить Сечжо над Ирхю в присутствии многих сановников. — Ни в коем случае нельзя поручать ему совершать жертвоприношения!

Однако Хон Ирхю мог сочинять стихи, в которых воспевал силу и отвагу. Кроме того, он в совершенстве владел китайской речью, потому и ездил неоднократно в императорскую столицу.

Отправился однажды Хон Ирхю по служебным делам в южные провинции. И там, как-то вечером, он выпил так много вина, что умер.

Квиэ* так сказал о нем в своем стихотворении «На смерть Хон Ирхю»:

*Жажда была велика,
тысячью чаш тяготела.
А жизнь оказалась легка —
пушинкой одной улетела!*

* Квиэ (псевдоним Ким Соуна, 1409–1481) — государственный деятель, литератор.

Советник Судейской палаты Сон имел псевдоним Чхирхю-санса — «Отшельник Семь удовольствий». А это он взял да и соединил два известных выражения людей древности: «три удовольствия» и «четыре удовольствия»*. Человек Чхирхю был чистосердечный и прямой, а потому на службе своей — особенно если речь шла о нравственности, о правилах поведения — всегда глубоко вникал в суть дела и решения принимал, исходя только из закона и справедливости. Однако если случалось ему подвыпить, безмерно начинал похваляться своими талантами.

Однажды, когда он был еще губернатором провинции Канвондо, как раз во время созревания урожая случилась сильная засуха. И сколько ни устраивали молений о ниспослании дождя — дождя не было.

— Дождя нет потому, — объявил Чхирхю, — что чиновники округов и уездов молятся недостаточно горячо и искренно. Вот если бы они от всего сердца молили Небо, то оно непременно послало бы дождь!

Вслед за этим он сам совершил жертвоприношение и моление о дожде. И вот в полночь послышался шум дождя. Обрадованный, Чхирхю вскочил с постели и закричал:

— Я должен сейчас же вознести благодарение небесному владыке!

Облачившись в парадное платье, он встал посреди двора и стал истово класть несчетные поклоны Небу. А дождь тем временем понемногу все усиливался. Один чиновник раскрыл зонт и спрятался под ним.

— Да разве можно при таком важном молении удобненько закрываться зонтиком?! — возмутился Чхирхю и приказал чиновнику убрать зонт.

Все вымокли насквозь.

А вот тоже был такой случай, когда он стал губернатором Кёнсана. Надо сказать, что, проезжая мимо почетных арок по-

* В классической китайской литературе «три удовольствия» связаны с отдыхом после долгого пути, а «четыре удовольствия» — с приятными физическими ощущениями (например, насытиться, согреться в холоде, починить разбитую вещь и т. д.).

читительным сыновьям или добродетельным женщинам, Чхирхю непременно сходил с коня и дважды кланялся аркам. Прodelывал он это даже и в тех случаях, когда шел проливной дождь.

Однажды так же вот проезжал он во время дождя мимо почетной арки и увидел: чиновник низкого ранга Ли Чып сидит на поле, укрывшись травяной накидкой.

— Чего это ты в таком месте расселся?! — откланявшись арке, с осуждением спросил Чхирхю.

— А я уже раньше вашей светлости прибыл сюда поклониться! — невозмутимо ответил Чып.

Сопровождавшие Чхирхю люди только рты прикрывали, чтобы громко не рассмеяться.

Однажды, прибыв в Пхеньян, приехал Сон Чхирхю на могилу Кичжа*. Сойдя с коня, он поклонился до земли и произнес:

— Прибыл еще один кореец, дабы исполниться высокой нравственностью великого учителя!

А то раньше еще случилось Сон Чхирхю участвовать в охоте государя на перевале Чхоннён. Загонщики обложили огромного свирепого тигра. И вот Чхирхю — а был он тогда изрядно пьян, — зарядив свой лук простой палочкой, хлестнул коня и ринулся было на тигра. Еле-еле люди его удержали. Вообще, происшествий такого рода случалось с ним немало.

Являясь перед государем, Сон Чхирхю всегда имел при себе два написанных иероглифа — «верность» и «прощение». При этом он горячо толковал их истинное, глубокое значение.

— Да, этот человек предан династии! — говаривал ван Сечжон** и назначал его на высокие государственные посты.

И чем более высокую должность занимал Чхирхю, тем становился он все более скромным и бережливым. Встречая гостей, Чхирхю угощал их вином, а на закуску подавали лишь салаты из сосновых почек и латука да вареные черные бобы. И во всем-то он терпеть не мог роскоши и блеска.

* Кичжа (кит. Цзи-цзы) — китайский сановник, который, по преданию, ушел в Корею, когда пала династия Чжоу (XII в. до н. э.), и основал государство Чосон — первое государственное образование в Коре.

** Государь династии Ли Сечжон правил с 1419 по 1450 гг.

БЕРЕЖЛИВЫЙ ЧИ

В правление династии Корё первый министр Чи Пэ был известен как человек очень хозяйственный и бережливый. Так, каждый раз в первый день нового года и в день холодной пищи* отправлялся он один, без слуг, на кладбище, собирал все бумажные деньги и снова использовал их как бумагу. Если Чи находил пару брошенных соломенных сандалий, то непременно закапывал их на огороде, и польза от этого была немалая: он получал отменный урожай тыкв.

Когда Чи Пэ устраивал друзьям проводы за городскими воротами, он потчевал всех вином и закусками, сам же скромно прятал себе в рукав только маленькую чашечку с вином. Если же друзья подносили ему еще, предлагая выпить за его здоровье, он обычно отказывался.

— Невкусные тут всё у меня вещи, — скромно восклицал Чи, — даже в рот взять противно!

А то еще, когда совершались жертвоприношения Будде, Чи брал одну мерку риса и во главе десятка слуг являлся в храм. Здесь он давал им поесть да и на обратном пути потихоньку выдавал еще по одной ложечке.

Как-то один слуга застеснялся и не подал ему свою ложку. Чи спросил у него, почему это.

— Да у меня, ничтожного, нет ложки, — извиняясь, ответил слуга. — Есть только миска.

— Ха! Целую чашку съесть и я бы не отказался! — рассмеялся Чи.

ТРИ ЖЕНОНЕНАВИСТНИКА

Как к еде и питью, извечна великая тяга мужчин и женщин друг к другу. Однако есть в наше время трое мужчин, которые не испытывают ни малейшего влечения к женщине. Наоборот.

* День холодной пищи приходился на 5-й или 6-й день 4-го лунного месяца. Обычай связан с китайским преданием о гибели в огне Цзе Цзы-туя (VII в. до н. э.), обиженного на сына правителя княжества Цзинь. Люди из уважения к Цзе Цзы-тую отказываются разжигать огонь и едят только холодную пищу.

Так, князь Чеан* питает неодолимое отвращение к женской природе.

— Женщина грязна, — всегда говорит он, — ее и близко-то к себе подпускать невозможно! — и никогда с женщинами даже рядом не садится.

Есть еще сэнвон Хан Кёнги**, внук тестя государя. Тот полагает, что, подавляя чувства, сохраняешь в гармонии свою натуру. Поэтому он запирается в комнате один, даже с женой не разговаривает. А заслышит поблизости служанку, хватает палку и прогоняет женщину.

А у Ким Чаго единственный ребенок — сын. Да и тот так глуп, что, как говорится, не может отличить бобов от ячменя и ничего не смыслит в природе отношений мужчины и женщины. Чаго, опасаясь, что останется без внуков, попросил одну женщину лечь с сыном в постель да показать ему, что к чему. Так парень этот с перепугу даже под постель залез. И с тех пор лишь завидит женщину в красном наряде да с прической узлом, как тут же с воплями или хохотом убегает.

НЕДОТЕПА

Конфуцианец Ким Чоннён, очень начитанный, по характеру своему был, однако, человеком простоватым, недалеким.

В юности жил он под горой Чхонгесан. И вот однажды шайка грабителей неожиданно налетела на его дом. А Чоннён как раз стоял у ворот, и в руках у него случайно был заряженный лук. Разбойники опешили, не решались к нему приблизиться. А Чоннён взял да и пустил стрелу в воздух! Тут бандиты чуть не запрыгали от радости.

— Вот герой! — смеялись они. — Имея в руках лук со стрелой, не посмел все же встать нам поперек дороги!

Бандиты ворвались в комнаты, разграбили все имущество и скрылись. Да и сам Чоннён едва-едва спасся от гибели.

* Чеан (1238–1312) — великий князь. Отправившись с посольской миссией в Китай, получил там высокую должность.

** Хан Кёнги (1472–1529) — государственный деятель.

Государь Сечжо повелел впредь совершать жертвоприношения у подножия гор и на берегах рек. Жертвенные животные были очень тощими, и государь уволил чиновников, отвечавших за их откорм. Надзор за содержанием животных был поручен Сахонбу. А Чоннёна как раз только что назначили тамошним инспектором, и это он должен был отвечать за откорм жертвенных животных.

День и ночь сидел Чоннён на скотном дворе — следил, чтобы волы наедались досыта. Временами, глядя на какое-нибудь животное, он умолял его:

— О вол, вол! Почему же ты не ешь корм? Ты должен много есть, чтобы стать упитанным. Ну постарайся же еще покушать сена, и тогда ты избавишь меня от наказания!

Впоследствии Ким Чоннён был принят в ученую палату для составления избранных произведений литературы. Как-то ученые рассуждали о вкусной и невкусной пище. Кто-то сказал, что если человек съест рыбу-собаку, то непременно умрет. В полдень на обед всем сидевшим в зале был подан суп со свежей горбушей.

— Как вкусна эта рыба! — обратился один сослуживец к Чоннёну. — Отведайте ее непременно!

Однако Чоннён схватил чашку с рыбным супом и, с опаской поставив ее под стол, испуганно сказал:

— Почтенный, что вы меня дурачите? Человека отравить хотите?!

Весь зал грохнул хохотом.

СБЫЛОСЬ ПРЕДСКАЗАНИЕ

Мать правителя уезда Чхильвон Юн Чадана госпожа Нам овдовела еще в молодые годы. Проживала она в Хамъяне. Юну было всего семь лет, когда мать привела его к гадалке.

— Госпожа может не тревожиться за судьбу сына, — сказала та, вглядываясь в лицо мальчика. — Видно, что в будущем его ожидают большие почести. Только ему должен помочь младший брат!

— Да как же это у сына вдовы может появиться младший брат? — удивилась тогда госпожа Нам.

Однако впоследствии женщина эта вторым браком вышла замуж в семью Ли, родила сына, который и стал для Юна младшим братом. А Ли помогал государю Сечжону управлять государством, имел исключительные заслуги, пользовался большим влиянием в стране. Оказывал помощь правительству и Юн. Поэтому-то и пожалован был ему уезд в управление.

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ПАК ИЧХАНА*

Помощник главы палаты Пак Ичхан — сын высокопоставленного чиновника Пак Ансина**. С детства он имел характер вольный, независимый, отличался красноречием и любил шутку, был великодушен и прям. Этим он был похож на своего отца.

В юные годы Ичхан проживал в Санчжу. Учился он с ленцой, увещеваний отца с матерью не слушал. Он был дружен с сыновьями соседки-вдовы, которыми верховодил. Вместе они гуляли и развлекались. Когда подошел срок экзаменов, вдова попросила Ичхана:

— Мои сыновья тоже собираются пойти на провинциальный экзамен. Только они совсем ведь еще малолетки, трудно им одним будет. Не можешь ли ты пойти вместе с моими сыновьями да присмотреть за ними?

И вот Ичхан прибыл со своими друзьями на экзамен. Толпами пришедшие студенты, глубоко задумавшись, писали сочинения. «Я пришел со своими дружками за старшего, — подумал Ичхан, — и если не попаду в список, то люди надо мной ведь непременно смеяться станут!» Сделав над собой усилие, Ичхан взял кисть и написал сочинение. И вот объявили: он занял первое место! Ичхан быстро отправил письмо отцу. «На экзамен тучами слетелись студенты со всей провинции, — писал он. — Они волновались и гремели, как гром. А первое место, батюшка, занял ваш сын. Разве он не прославился?!»

* Пак Ичхан (?–1451) — государственный деятель. Его посольская миссия в Китай и самоубийство, о чем говорится в рассказе — исторические факты.

** Пак Ансин (1369–1447) — государственный деятель и ученый.

С тех пор воодушевленный Пак Ичхан употребил всю свою волю в служении государству и в результате достиг высоких степеней. Сначала Ичхан был принят на службу в Секретариат государя. По тогдашним обычаям вновь принятый в Секретариат назывался «синнэ» — «вновь прибывший». Сослуживцы требовали с него выпивку и угощения, всячески притесняли и издевались над ним. И только через пятьдесят дней новичку разрешалось занять место рядом с другими чиновниками. Его называли — «избавившийся новичок».

А Ичхан, будучи человеком несдержанным, совершил много прегрешений в глазах ученых чиновников, и по истечении «положенного» срока они ему так и не разрешили занять место рядом с ними. Ичхан же не мог справиться с охватившим его негодованием, взял да и самовольно уселся на свое место. Причем держался он так, будто рядом с ним никого не было. И тогдашние люди говорили о нем, что, мол, этот новичок сам избавил себя от мытарств и сам разрешил себе сесть в Секретариате.

Однажды, когда Пак Ичхан был уже чиновником в Секретариате, случилось ему сопровождать высочайший выезд. Вдоль дороги, по которой должен был проследовать государь, для знатных женщин, что тоже хотели полюбоваться выездом, было поставлено множество шатров. Увидев руку некой красавицы, приподнявшей полог шатра, Ичхан громко воскликнул:

— Какая прелесть! Вот взять бы эту красавицу за маленькие яшмовые ручки да и привлечь к себе!

— Да как вы можете говорить такое об этой женщине? — упрекнул его один из чиновников. — Ведь она же наверняка из знатной семьи!

— Пусть она из знатной семьи, — засмеялся Ичхан, — а я-то разве не из знатной?!

Вся свита государя громко расхохоталась. Вообще, Ичхан был очень красноречив и скор на остроумное словцо.

Когда высокие сановники отправлялись послами в китайскую императорскую столицу, продовольствием в дорогу их снабжали многие округа и уезды провинции Пхёнандо. И некоторые из них набирали столько добра, что становились настоящими богачами. А Пак Ичхан при докладах государю всегда резко осуждал эти злоупотребления.

Но вот случилось и ему самому отправиться послом к императорскому двору. Опасаясь, что в дальней дороге продуктов не хватит, Ичхан неожиданно для себя запас их больше, чем было нужно. Это стало широко известно, иные требовали произвести дознание. Уже на обратном пути, прибыв на почтовую станцию Синангван, Ичхан в отчаянии воскликнул:

— О! С каким лицом я покажусь при дворе?! — и покончил с собой.

НАГЛЫЕ БРАТЯ О

О Сегём*, который впоследствии стал правителем уезда Хамчжон, в юности отличался необыкновенной силой. Вместе со своим младшим братом, будущим правителем уезда Асон, сколотил Сегём шайку из таких же шалопаев, как он сам, и бесчинствовал, шляясь по деревням и поселкам. То они воровали кур средь бела дня, то затевали игру в хлопki, изо всех сил шлепая по ладоням друг друга. И считали это вполне достойным занятием.

Все эти юнцы, которые потом стали правителями уездов Кванчхон, Кванвон, Чхоннын, Хёнбо и известными конфуцианскими учеными, боялись Сегёма, ни в чем не смели ему прекословить. Все они вместе учились и жили в конфуцианском училище. Если Сегём просил у студента какую-нибудь вещь и не получал ее, то он просто не давал этому студенту заниматься. В спальнях помещений училища было очень холодно. Так Сегём приказывал студентам ложиться в его постель и греть ее. Только после этого сам ложился под теплое одеяло. У одного студента на всем теле появились гнойники, которые покрылись коростой. Сегём приказал другому студенту сковыривать эту коросту, засовывать ее в хлебец и есть. Больной при этом кричал от боли, а того, кто ел хлебец, вырвало. Сам же Сегём хлопал в ладоши и громко хохотал.

— Этот Сегём слишком уверен в своей силе, — как-то говорили студенты, — потому так и издевается над нами. Доколе

* О Сегём (1430–1500) — государственный деятель и литератор.

же мы терпеть от него будем? Давайте-ка все скопом неожиданно набросимся на него да и вздуем хорошенько. Небось сразу отстанет от нас!

Однажды Сегём сидел под окном. Один студент вцепился ему сзади в волосы, другие схватили за руки и за ноги, все вместе на него навалились. Однако Сегём, собрав все силы, сбросил с себя нападавших и вскочил на ноги. Студенты в страхе разбежались, а будущий правитель уезда Кванвон почтительно подхватил Сегёма под руки. Будущий правитель уезда Кванчхон, спрятавшись за колонну, крикнул, чтобы разжалобить Сегёма:

— Мой младший брат умирает!

Сегём всячески издевался над кванвонцем, позорил его. Если Сегём приказывал ему есть землю — он ел. Приказывал называть себя мужем его сестры — называл. В конце концов он велел кванвонцу величать себя его отцом!

Кванчхонец, который слышал этот разговор, издали с опаской закричал:

— Да потерпи ты еще немножко эти муки, только не смей называть его отцом!

В год пёнчжа* близился весенний экзамен. Сегём и еще четверо студентов жили в одной комнате и вовсю штудировали книги.

Как-то будущий чиновник расчетного ведомства Ю Чо, проснувшись, объявил:

— Видел нынче ночью сон — наполовину хороший, наполовину дурной!

— Что за сон? — спросил Сегём.

— Да вот, — ответил Ю, — будто из нашей комнаты воспарили в небо пять змеев, но один из них вдруг рухнул на землю!

— Нас тут пятеро, — возмутился Сегём. — Трудимся, не ленимся. Что ты еще болтаешь о дурных приметах? А ну-ка живо кричи: «Змей, упавший на землю, — это я»! — Ю Чо прокричал эти слова. — Да что это за имя — «я»?! — и Чо снова прокричал, что змей, упавший на землю, это он — Ю Чо.

На следующий год четверо из них успешно выдержали все экзамены, впоследствии стали крупными чиновниками, имели

* В циклическом летосчислении 13-й год в 60-летнем цикле.

заслуги. И только один Ю Чо до старости терпел невзгоды и, даже ступив на чиновничью стезю, высоко подняться не смог.

УПРЯМЕЦ СИН

Державший вместе со мной экзамены некто Син носил густую рыжую бороду, был мал ростом и горбат. При всем при этом был он человеком дотошным, обладал твердым, как косточка плода, характером и ни в чем, даже в самом малом, не уступал другим.

Когда он стал чиновником в Ведомстве ритуала, в его обязанности входил надзор за актерами-музыкантами и кисэн. Син обходился с ними очень жестоко, и кисэн слагали песни, в которых высмеивали его. А еще Син терпеть не мог съедобных трав и грибов.

— Ну что за вкус у этих вещей? — восклицал он. — И чего это люди их так любят?!

— Господин Син, — смеялись над ним сослуживцы, — конечно же, совсем не такой, как все люди!

Услышал Син как-то пение иволги и говорит:

— Вот красота! Поет птица-хохотун!

— Да ведь это же иволга, — возразили ему чиновники. — Как можно называть ее птица-хохотун?!

— Она поет «хо-хо», — упрямылся Син, — значит, она птица-хохотун, а никакая не иволга!

Все чиновники смеялись над упрямством Сина, и кто-то тогда сложил о нем такой стишок:

*Ходит с рыжей бородой
карлик-кривобок.
Угнетает всех кисэн,
с ними он жесток.
Трав съедобных он не ест
и грибов не хочет.
Да к тому же у него
иволга хохочет.*

СО ТАЛЬСОН* И ДОЧЬ ХОНА

Чхон-ги, дочь художника Палаты живописи Хона, красоты была бесподобной. Однажды пришла она по какому-то делу в ведомство. А Со Тальсона — был он молод тогда — после изрядной выпивки со своими сослуживцами как раз доставили туда же. Увидев девушку Хон, Тальсон подошел к ней, сел рядом, в упор уставился на нее и глаз отвести не мог.

А начальником ведомства в то время был первый министр Нам Чи**. Заметив Тальсона, разглядывавшего девушку, он сказал:

— Так ли уж велика провинность этого конфуцианца? Живо освободить его!

Тальсон нехотя вышел и сказал с досадой своим сослуживцам:

— Ну что за суд за такой поспешный? Преступнику надо было дать возможность оправдываться. Потом произвести дознание. А то не разобрались даже — прав я или виноват. Ну к чему такая спешка?!

Тальсону было обидно очень, что ему не дали вдоволь налюбоваться дочерью Хона. А приятели его всласть над ним посмеялись.

ЧО УНХЫЛЬ*** ПРИТВОРЯЕТСЯ

Было и такое, что в правление династии Корё первый министр Чо Унхыль притворился сумасшедшим. Тогда в стране назревала смута, и Унхыль хотел избежать беды.

А в то время, когда он был еще губернатором провинции Сохэдо, Унхыль постоянно произносил нараспев: «Амитабха-а-а!**** Амитабха-а-а!» Как-то к нему под окно пришел один правитель уезда, с которым Чо Унхыль был очень дружен.

* Со Тальсон — Тальсон — псевдоним Со Кочжона, первого автора рассказов в данном сборнике.

** Нам Чи (?) — видный сановник XV в.

*** Чо Унхыль (1331–1404) — государственный деятель и литератор. Под смутой здесь подразумевается мятеж Ли Сонге против правления династии Корё. В результате Ли Сонге стал в 1392 г. основателем новой династии Ли.

**** Амитабха — один из будд, который создал особое поле будды — рай сукхавати, где могли бы возродиться все существа, уверовавшие в Амитабху, и стал им управлять.

— Чо Унхы-ы-ыль! Чо Унхы-ы-ыль! — стал нараспев зывать правитель уезда.

— Ты почему это так зываешь ко мне? — удивился Унхыль.

— Вы, ваша светлость, — отвечал правитель, — постоянно зываете к будде Амитабхе, потому что сами хотите стать буддой. Я же зываю к вам потому, что сам хочу стать губернатором!

Приятели посмотрели друг на друга и громко расхохотались.

Случалось Чо Унхылю и слепым притворяться. Вдруг он отказался от должности и занялся домашними делами. А дело-то было в том, что наложница Унхыля вступила в тайную любовную связь с его сыном. Молодые люди частенько прямо перед ним любили. Достопочтенный же притворялся, что ничего этого не видит. Когда же смутные времена кончились, Унхыль потер глаза руками, сказал:

— Глаза мои исцелились, я снова вижу! — и он опять стал во главе семейства.

Обвинив наложницу в распутстве, Унхыль прогнал ее. Сам же поселился в своем сельском доме. Дом этот и поныне стоит ниже переправы Кван.

Потом Чо Унхыль испросил себе должность управляющего постоянным двором при почтовой станции Сапхёнвон. Там он завел знакомство со многими сельскими жителями. Нередко устраивал вместе с ними винопития, запросто садился среди селян, вовсю шутил с ними и развлекался.

Однажды сидел он в беседке. На почтовую станцию прибыло много уволенных чиновников двора, которые переправлялись через реку. Унхыль тогда сложил стихотворение:

*В полдень плетеную
дверь открыл.
Людей к переправе
я пригласил.
Выходят они из беседки,
молча сидят
На камнях замшелых,
на реку глядят.
Ветер в горах
шумел всю ночь —
Лепестки по воде
уплывают прочь.*

НЕИСПРАВИМЫЙ РАСПУТНИК

Ан Юльбо, правитель уезда Чичжунчху, по характеру был очень общительный и выпить любил. А напившись, имел привычку брать людей за руки и подшучивать над ними.

Как-то, когда Ан был еще секретарем Палаты ритуалов, решил он по служебным делам навестить начальника Палаты Хон Инсана. Хон Инсан угощал его вином. И хозяин, и гость — оба выпить были совсем не прочь. К концу дня, когда они уже порядочно напились, вошла красивая женщина. Это была возлюбленная Инсана. Она стала еще подносить им чашки с вином. И тут Юльбо неожиданно схватил ее за руку. Женщина испуганно отдернула руку, и при этом у нее порвался рукав. А Юльбо, совершенно пьяный, вышел во двор, в беспамятстве упал на землю и уснул.

Вскоре хлынул проливной дождь. Одежда Юльбо промокла насквозь, но Хон Инсан приказал слугам не трогать его. Вечером, когда Юльбо проснулся, вид у него был самый жалкий. Так он и возвратился домой.

Хон Инсан послал ему от себя одежду и велел передать: «Ты испортил свое платье только из-за того, что я напоил тебя. Посылаю тебе за это новое. Но и ты должен расплатиться за порванный рукав!»

Ан Юльбо, услышав это, очень испугался и просил передать: «Я совершил по отношению к начальнику очень грубый поступок. Разве могу я после этого занимать свою должность?» Но Хон Инсан, узнав, что Ан Юльбо хочет выйти в отставку, не разрешил ему это.

И вот Ан снова отправился к Инсану, чтобы попросить прощения. Случилось так, что он опять много выпил, сильно опьянел и снова схватил за рукав ту красавицу.

— Да ты неисправимый распутник! — громко рассмеявшись, воскликнул Хон Инсан.

КРАСАВЧИК КИМ

Ким Хёнбо был очень тощим и хилым, вид имел совсем неприглядный. Вышучивая Хёнбо, его приятель О Чагён* рассказывал: «Когда Ким был с посольством в Китае, получили ошибочное известие о том, что он умер в дороге. Вся семья горько его оплакивала. А один слуга так даже вышел за ворота и, колотя себя в грудь, вопил:

— О! О! Как жаль его! Ведь какой он был видный мужчина!

Только никому не известно, почему Хёнбо казался слуге таким красавцем».

А когда Хёнбо назначили помощником начальника Дворцового ведомства, Чагён опять не преминул пошутить:

«Однажды Ким Хёнбо по службе был на пиру у государя. Возвращается это он домой и говорит своей матушке:

— Сегодня случилось очень счастливое событие!

— Что за событие? — спрашивает матушка. А Хёнбо:

— Я стал помощником начальника Дворцового ведомства!

— А что это за должность?

— Я, — вещает Хёнбо, — отвечаю за устройство пиров государя, подношу ему еду и питье. На такую должность назначают только самых красивых и мужественных людей!

— Ну это у тебя, конечно, наследственное, — радуется матушка. — Недаром вчера видела во сне твоего батюшку. Это и было знамение счастливого события!»

А замечу, что батюшка Кима тоже был с виду очень страшеньким. Потому Чагён и издевался так над Кимом.

А когда Ким Хёнбо стал старшим хранителем указов государя, государь подарил ему пояс, отделанный золотом и бараньим рогом. Правда, пояс был ему слишком уж широк в талии. Так Чагён и тут не удержался:

— Ты, — говорит он Киму, — это драгоценное сокровище непременно должен передавать по наследству своим детям и внукам. Последующие поколения ведь тебя не увидят и, конечно же, без конца говорить будут: «Если нашему предку государь подарил такой пояс, то он уж наверняка был писанным красавцем!»

* О Чагён (1414—1478) — известный военачальник, окончил жизнь в изгнании.

ДУРНОЙ ПОЧЕРК

У Ли Чонбо был очень плохой почерк, не мог он правильно и красиво писать иероглифы. Однако его назначили старшим чиновником канцелярии государя.

Как-то под перечнем документов, представленных на высочайшее обозрение, он поставил всего два знака — имя государя. Государь Сончжон*, увидя эти иероглифы, велел передать:

— Если высокие чиновники нашей канцелярии сами не умеют хорошо писать, то как же они могут учить младших чиновников?!

— Это писал сам старший чиновник канцелярии, — доложили служащие. — Это не мы вместо него писали!

— Странно, — удивился Сончжон. — И дед его, и отец — оба писали прекрасно. Отчего же сам он пишет так коряво?

Сончжон приказал Ли Чонбо сложить стихотворение, аккуратно переписать и показать ему. А когда Чонбо написал и показал чиновникам канцелярии, они только рассмеялись.

КНЯЗЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

В годы правления династии Корё жил князь Синъу**, который по натуре своей был человеком пустым и развратным.

Однажды на прогулке в горах встретился он с неким молодым дровосеком. Дровосек был в плетеной шляпе, на макушке которой красовалась сосновая шишка. А на шее юноши висело ожерелье из желудей. Синъу, как только увидел эти украшения, пришел в совершенный восторг. Сойдя с коня, сорвал он с себя шляпу с кораллами и обменял ее на скромные украшения дровосека. Тут же он надел приобретенную шляпу себе на голову, едва не прыгая от радости, вскочил на коня и погнал его плетью. А парень тот долго еще стоял на глухой дороге, опасаясь, нет ли тут

* Государь Сончжон правил с 1470 по 1494 гг.

** Принято считать, что Синъу был сыном первого министра государя Конмина (1352–1374), который его усыновил. Когда государь Конмин был убит, на престол возвели десятилетнего Синъу, но затем его сместили, отправили в ссылку и там убили.

какой-нибудь ловушки. В конце концов он так испугался, что вернул драгоценную шляпу во дворец.

В доме у нас была одна старая женщина, ей перевалило уже за девятый десяток. Так вот, она рассказывала, что в молодости жила в Сондо и видела там Синъю. Лицом он был светел, любил носить алые одежды. Иногда же одевался в белое и выезжал верхом. Впереди него шли воины, вооруженные палками. Синъю врывался в дома — не пропуская ни большого дома, ни малого — и если обнаруживал там красивых девушек, то непременно насиловал их. Поэтому в каждом доме, где были девушки или молодые женщины, обычно держали большой деревянный короб. И как только разносился слух, что Синъю выехал гулять, женщины моментально прятались в эти ящики.

Однажды Синъю явился в дом Чон Лянсэна, правителя Понвона. Здесь принялся он вовсю развлекаться — громко пел и дебоширил.

— В каком же это доме стоит такой гвалт? — спрашивали одни горожане, стоя у своих ворот.

— Да это же у правителя Чона! — усмехаясь, отвечали другие.

А Синъю как раз уже покидал дом Чона. Трогая коня, он удивленно восклицал:

— И чего это люди так пугаются? Ну чего они боятся?! — Уж очень ему хотелось показать, что он человек порядочный и не способен совершить преступление.

А старая женщина, что жила в нашем доме, и была как раз дочерью правителя Понвона. От нее-то я и узнал все это.

НАСМЕШНИК ЯННЁН*

Великий князь Яннён хотя подмочил свою репутацию и был лишен наследственного права на престол, однако до самой смерти всегда пользовался расположением государя. Как-то государь Сечжо беседовал с ним.

* Яннён (1394—1462) — великий князь, сын государя Тхэчжона (правил с 1401 по 1418 гг.), старший брат государя Сечжона (правил с 1419 по 1450 гг.). За предосудительное поведение был лишен права наследования престола и отправлен в изгнание.

— Ведь я могуществен, как ханьский Гао-цзу*. Не так ли? — спросил ван.

— Да, конечно же, вы могущественны, ваше величество, — отвечал Яннён. — Но помочиться-то на шляпу скромного ученого все-таки не можете!

— Я очень почитаю Будду, — продолжал Сечжо. — Не похож ли я этим на лянского У-ди**?

— Каким бы ревностным буддистом вы, ваше величество, ни были, однако не убивать жертвенных животных опять же не можете!

— Я пренебрегаю советами своих министров, — еще спросил государь. — Не так же ли я поступаю, как танские государи***?

— Пусть похожи вы этим на танских императоров, — сказал Яннён, — но умертвить министра Чжан Юньгу**** уж никак не можете!

Яннён так всегда в шутливой форме выражал свое неодобрительное отношение к некоторым людям. Однако государю Сечжо нравилась эта его манера, и он любил с ним побеседовать.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ

Государь Сечжон учредил школу для обучения чтению детей и родственников государевых.

Великий князь Сунпхён, которому перевалило уже за сорок и который не знал ни одного иероглифа, впервые явился в эту школу. Учитель показал и объяснил семь знаков из «Почитания предков» — первой главы «Книги о сыновней почтительности». Однако Сунпхён и тех никак запомнить не смог.

* Ханьский Гао-цзу (Лю Бан, правил с 202 по 195 гг. до н. э.) — основатель китайской династии Хань. Символ грозного и могучего правителя.

** Лянский У-ди (Сяо Янь, 464–549) — китайский император династии Лян (502–556). Прославился своей приверженностью буддизму.

*** Танские государи — императоры китайской династии Тан (618–907).

**** Чжан Юнь-гу — китайский государственный деятель, советник императора Тай-цзуна (правил с 627 по 649 гг.). Император очень ценил Чжан Юнь-гу, однако последний позволил себе критиковать действия императора, за что и был казнен.

— Стар я уже ныне, — сказал он, — да и талантов у меня нет. Если даже выучу только два иероглифа из этого «Почитания предков», то и того мне хватит вполне!

Даже верхом на коне твердил он эти два слова, а слуге своему наказал:

— Ты не смей забывать эти два слова из «Почитания предков»: напомнишь мне, если я забуду!

А умирая, Сунпхён призвал жену и детей, сказал:

— Жизнь, конечно, дело великое, но ведь и смерть — тоже. Уж как я рад, что умираю и навеки вечные расстанусь с «Почитанием предков»!

ПОМОГ СТАТЬ ГОСУДАРЕМ

Когда Ха Хочжон служил губернатором провинции Чхунчхондо, будущий государь Тхэчжон был еще только великим князем Чонъаном. Чонъан путешествовал по провинции и собирался вернуться в столицу. Ха Хочжон устроил ему у себя дома прощальный прием. Все гости были в полном сборе, Чонъан подносил им заздравные чаши. И вдруг Хочжон, притворившись совсем пьяным, опрокинул поднос с чашками и забрызгал вином платье великого князя. Разгневанный, Чонъан тут же покинул дом Хочжона.

— Сын государев отбыл во гневе, — обратился Хочжон к гостям, — я непременно должен попросить у него прощения!

С этими словами Хочжон быстро вышел из дома, вскочил в седло и последовал за Чонъаном.

— Ваше высочество, губернатор следует за вами! — доложили слуги Чонъану, но тот не обратил на это внимания.

Прибыв к дому, в котором он остановился, Чонъан въехал в главные ворота, сошел с коня. Хочжон въехал вслед за ним и тоже спешился. Чонъан прошел вторые ворота, вошел во вторые ворота и Хочжон. Чонъан вошел в дом, Хочжон — за ним. Тут только Чонъан встревожился, обернувшись к Хочжону, гневно спросил:

— Что это значит?!

— Ваше высочество, опасный заговор! — открылся наконец Хочжон. — Я нарочно опрокинул поднос с вином, о чем весьма сожалею. Однако должен втайне сообщить вам нечто важное!

Тогда Чонъан увлек Хочжона в глубину покоев, в свою спальню, велел доложить о заговоре. Хочжон обо всем рассказал ему. Великий князь спросил, что он думает предпринять.

— Я, ваше высочество, служу моему государю и не мог долго оставаться в бездействии. Правитель уезда Асангун Ли Сукпон* по моему приказу под охраной уездного войска должен отправиться в столицу вместе со Священной гробницей**. Я тоже явлюсь в назначенное место и готов буду оказать помощь в великом деле. Поскольку время опасное, прошу вызвать меня немедленно!

И с тем Ха Хочжон удалился. А Чонъан вызвал Ли Сукпона, велел доложить о предпринятых им мерах.

— Все это сделать так же просто, — сказал Сукпон, — как ладонь перевернуть. Какие могут быть препятствия?

Явившись в столицу вместе с Чонъаном, он при поддержке слуг великого князя и своего уездного войска прежде всего занял Оружейную палату и приказал воинам, одетым в кольчуги, окружить дворец Кёнбоккун. По приказу Чонъана за Южными воротами столицы были воздвигнуты два шатра. В одном поместился сам великий князь, другой занял Ха Хочжон, когда по вызову Чонъана прибыл в столицу. Люди не знали, кто находится во втором шатре, но не сомневались, что человек этот скоро станет первым министром.

Так оно и вышло. Когда Чонъан занял престол, он высоко оценил заслуги Ха Хочжона и Ли Сукпона.

ВОЗЛЮБЛЕННАЯ ГОСУДАРЯ

Государь Чхунсон*** долго жил в Китае во времена династии Юань****. Была там у него женщина, которую он очень любил. Когда пришло время возвращаться ему на родину, женщина вы-

* Ли Сукпон (1373–?) — государственный деятель, руководил подавлением мятежа в 1400 г.

** Священная гробница — саркофаг государыни Синдок (?–1396), второй жены основателя династии Ли.

*** Государь Чхунсон — правил с 1309 по 1313 гг. (династия Корё).

**** Династия Юань — монгольская династия в Китае, правила с 1279 по 1368 гг. Китай этого периода называли Юань

шла проводить его. Государь сорвал цветок лотоса и подарил ей в знак разлуки.

Но забыть эту женщину он не мог, тосковал по ней с утра до вечера. И в конце концов ван послал Икче* разыскать ее. Икче нашел женщину. Она лежала посреди комнаты и уже несколько дней отказывалась от еды. Язык ее не слушался, она с трудом подняла кисть и написала:

*Лотос, чистый цветок,
оставили вы в привет.
Он и ныне еще не увял,
хранит нежно-алый цвет.
Сколько дней миновало
с нашей печальной разлуки?
Скоро увянет цветок,
погибну и я от муки!*

— Эта женщина, — возвратившись, доложил Икче, — пьет вино в кабачке с молодым мужчиной. Я даже не смог встретиться с нею!

Ван так огорчился, что даже плюнул в сердцах. А на следующий год, в день рождения государя, когда настал черед Икче поднести государю чашу с вином, он низко поклонился и сказал, что совершил преступление, за которое достоин смерти. Государь спросил, в чем дело. И тогда Икче подал ему стихотворение его возлюбленной, рассказал, как все было на самом деле.

— Если бы ты показал мне это стихотворение тогда, — обронив слезу, молвил государь, — я бросил бы все и вернулся к ней. Ты любишь меня, потому и обманул. Вот истинная верность!

МУДРЫЙ ТЕСТЬ

По соседству со мной проживал конфуцианец, некий Пак. Он был принят зятем в семейство Лю и поселился в его доме. Прошло какое-то время, и завел там этот Пак любовь сразу с двумя служанками. О том в семье, конечно, ничего не знали.

* Икче — псевдоним известного корейского государственного деятеля и литератора Ли Чехёна (1287–1367).

Но вот один слуга однажды ночью заметил — кто-то осторожно пробрался во флигель к этим служанкам. Слуге показалось это подозрительным, он заглянул в щелку и увидел в комнате мужчину.

— Вор забрался в дом! — тут же доложил слуга старику Лю.

Тесть Пака рассвирепел и с криком выскочил во двор. А соседи, услышав, что в дом Лю забрался вор, спешно похватали луки и дубинки, в один миг толпой окружили дом Лю.

Зять попробовал открыть дверь, но она оказалась запертой снаружи. Он ударил ногой в стену, однако она была крепкой, и проломить ее он не смог. Паку нужно было во что бы то ни стало выбраться из флигеля служанок, а сделать это ему никак не удавалось. Он изранил себе все руки и ноги, обливался потом. И тут еще в оконную щель он увидел: при ярком свете факелов у дома столпились все соседи! Зять громко застонал от стыда и страха, однако толпа так галдела, что стонов его не слышала. А тесть-то сразу узнал голос зятя.

— Вор украл суший пустяк и сбежал, — сказал он соседям. — Не стоит и ловить его!

Потом тесть со смехом вошел во флигель служанок и незаметно освободил зятя. А соседи стали расходиться. Зять же этого Лю испытал такой жгучий стыд, что несколько лун не выходил за порог своей комнаты.

ПАРА ЧОНОВ

Был некий ученый человек, не занимавший государственной должности, по фамилии Чон. Жена его умерла, и прослышал он, что в Намвоне в богатой семье проживает овдовевшая женщина. Решив жениться на ней вторым браком, Чон выбрал счастливый день и направил в Намвон сваху. Явился туда и сам и, зайдя в управу, одарил тамошних чиновников, попросил их помочь с женитьбой.

А вдова-то, проведав, что Чон находится в управе, послала туда свою служанку — подсмотреть незаметно, каков же из себя этот Чон.

— Усы и борода у него длинные и густые, — воротясь, доложила служанка, — носит он волосяную шляпу. Но, по правде сказать, стар он очень да и болен, видно!

— А мне нужен муж молодой да сильный, — заявила вдова. — Чтоб до старости доставлял радость. Зачем это мне такая развалина?!

В назначенный день явился Чон к дому вдовы. Его окружала толпа чиновников с горящими факелами. А вдова-то приказала запереть ворота и никого не впускать. Так Чон и остался за воротами, ни с чем домой воротился.

Был и еще один Чон, чиновник Музыкальной палаты. У него тоже умерла жена, и он тоже посватался в богатом доме к одной женщине: хотел взять ее в наложницы. Вот явился он однажды к той женщине. Она сидела на подушке, накрытой богатым парчовым покрывалом. Подушки были огорожены ширмой, украшенной рисунками. Всюду было полно великолепных ковров. Чон подсел поближе к ширме, полагая, что чаяния его сбылись. А женщина поглядела на него из-за ширмы и говорит:

— Ему если не семьдесят, то уж наверняка за шестьдесят перевалило!

И от досады лицо ее сделалось очень недовольным. Когда стемнело, Чон поспешно вошел к женщине в комнату.

— Откуда только взялась эта рухлядь?! — с бранью закричала та. — Да еще врывается ко мне в комнату. И лицо-то у него противное, и голос неприятный!

И Чон, распахнув среди ночи окно, выскочил на улицу. Не знал, куда и бежать.

Некий конфуцианец по этому поводу сложил насмешливые стихи:

*Старики забылись,
ножками сучат.
Наскоро умылись,
у ворот стучат.
Держатся негоже
эти Чона два.
Так они похожи —
отличишь едва.
Захотела пара
взять богатых жен.*

*Их постигла кара —
каждый пристыжен.
Надо б знать заране,
не позорить лиц:
Не уйти от брани
этаких вдовиц!*

ЕЕ ОТВЕТ

А еще жила в стародавние времена одна девственница. И была она так хороша собой, что сваты толпами осаждали ее дом. Одни говорили, что их жених — юноша, мол, очень талантливый, что со временем он, дескать, прекрасные сочинения написать сможет. Другие убеждали, что их жених-де в совершенстве владеет луком и лихо на коне скачет. Третьи уверяли, что их-то жених даже на дне пруда великолепный большой огород разбить может. Ну а четвертые только и сказали: а у нашего, мол, такой, что он им тяжелые камни запросто через голову перебрасывает.

И дала дева ответ сватам в стихах:

*Пока талант того дойдет,
немало времени пройдет.
Тот с луком скачет на коне —
ему погибнуть на войне.
Посеет тот на дне пруда —
его посев пожнет вода.
Того сердечко одобряет,
кто камни чрез себя швыряет!*

ЛЮБОВЬ И ГИБЕЛЬ АНА

Некто Ан происходил из знатного столичного рода. По службе он состоял при конфуцианском училище, однако все время проводил в праздности и развлечениях. Разодетый в великолепные одежды, всюду разъезжал он в роскошном экипаже. Рано овдовев, Ан жил совсем один.

Но вот однажды прослышал он, что в восточной части города в доме государева родственника, где много слуг и богатства,

есть красивая девушка. Стал посылать Ан свадебные подарки с просьбой отдать за него девушку, но неизменно получал отказ. В конце концов он даже заболел от досады. Тогда вокруг стали говорить, что он, мол, заболел от несчастной любви, и тем самым вынудили семью девушки согласиться на этот брак.

Девушка, лет семнадцати-восемнадцати, была мила и благо- нравна, и Ану, который тоже был молод и хорош собой, она пришлась по сердцу. Любовь их крепла день ото дня. Соседям Ан понравился, а родители девушки и вовсе души в нем не чаяли: постоянно о нем заботились и даже решили выделить ему большую часть своего состояния. Однако другим зятьям это не понравилось. Они улучили момент и пожаловались государеву родственнику:

— Как пришел в дом новый зять, стала наша семья разоряться. Жить становится все труднее и труднее!

— А не говорил ли я, что нельзя брать в семью такого непутевого зятя? — рассердился министр. — Я накажу его, чтобы и другим неповадно было!

Тут же послал он троих здоровенных слуг схватить и привести к нему зятя и дочь. Мирно обедал Ан со своей женой, когда в дом ворвались слуги и объявили волю государева родственника. Испуганные, удрученные предстоящей разлукой, супруги только молча заплакали.

И с того дня молодая женщина была заперта в доме государева родственника. Ограда здесь высокая, ворота снаружи и изнутри крепко заперты. Положение сначала казалось безвыходным. Однако Ану и родителям жены удалось подкупить слуг и привратников, и Ан однажды ночью перелез через ограду и встретился со своей женой. А потом он купил маленький домик, что был по соседству с домом родственника государя, там они стали встречаться постоянно.

Прислали однажды родители своей дочери пару красных туфельек. Туфельки так ей понравились, что она не расставалась с ними, любуясь, то и дело трогала их руками.

— Для кого это ты нарядилась в такие красивые туфельки? — пошутил Ан.

— Не забыла я своей клятвы о супружеской верности, — изменившись в лице, ответила женщина. — Зачем вы так говорите?

Тут же схватила она нож и на мелкие кусочки изрезала одну туфельку.

А то еще сшила она как-то себе белую кофточку, и Ан опять стал подшучивать над нею. Закрыв от смущения лицо руками, жена его заплакала:

— Я никогда, никогда не изменю вам! А сами-то вы, наверно, мне изменяете! — Она сорвала с себя кофту и бросила в канаву.

Ана радовала и трогала преданность жены, он любил ее все сильнее. Каждый вечер встречались они и расставались только на рассвете. Но вот через несколько лун узнал об этом родственник государя. В гневе решил он выдать замуж молодую женщину за неженатого торговца мясом, что жил неподалеку от конфуцианского училища.

— Ну что ж, — с притворной покорностью сказала жена Ана, — придется снова выходить замуж!

«А я все-таки сохраню верность моему супругу!» — про себя решила она. Своими руками приготовила приданое, состряпала вкусное угощение для гостей. Все, конечно, поверили, что она пойдет за другого. А когда настал вечер и нужно было отправляться к новому мужу, женщина незаметно вышла в другую комнату и повесилась.

Ан ничего не знал. Утром он был у себя дома, когда прибежала девочка-служанка и доложила:

— Пожаловала молодая госпожа!

Радостно выбежал Ан к воротам встречать свою супругу, но служанка неожиданно объявила:

— Молодая госпожа вчера вечером умерла!

Ан не поверил ей, засмеялся. Бегом побежал он в домик, где они всегда встречались с женой. Посреди комнаты был установлен стол, а на столе под покрывалом лежала женщина. Ан бил себя в грудь, он рыдал так горестно, что не могли удержаться от слез и все соседи.

В ту пору шли сильные дожди, вода разлилась, и ее родственники не могли пройти в их домик. Ан все, что положено было для похорон, приготовил своими руками, установил на специальном месте гроб, утром и вечером ставил перед ним еду и питье. По ночам он совсем не мог спать, а когда чуть-чуть задремал однажды, к нему вошла женщина — точь-в-точь его жена. Ан вышел ей навстречу и заговорил было, но вдруг проснулся. Безмолвны

двери и окна, только бумажный полог, за которым стоит гроб, слегка колышется от ветра, угас одинокий светильник. И опять плачет он, теряет сознание и снова приходит в себя.

Дня через три тучи рассеялись, дождь перестал. При свете луны Ан отправился, наконец, домой. В одиночестве дошел он до восточных ворот дворца Сугангун. Была глубокая ночь. И вдруг он заметил какую-то женщину. Она неотступно следовала за ним, то чуть обгоняя его, то отставая на несколько шагов. Лицо ее было красиво подкрашено и припудрено, волосы собраны в высокий изящный узел. Вот он приблизился к ней. Это покашливание, эти вздохи он ведь слышал уже прежде! Она... Ан пронзительно закричал и бросился прочь. Добежав до какой-то канавы, он обернулся — женщина была рядом! Не оглядываясь, быстро пошел он дальше и, когда подходил к своему дому, заметил, что она сидит у ворот. Ан громко позвал слуг, но женщина вдруг бесшумно исчезла между камнями, на которых отбивают белье, не оставив никаких следов.

Душа Ана пришла в смятение, он стал похож на безумца. Прошло немногим более одной луны, над женой его совершили погребальный обряд и похоронили. А некоторое время спустя умер и сам Ан.

УГНАЛИ ЛОШАДЕЙ

В юности я очень дружил с Паньоном. Мы вместе учились и жили вдвоем в скромном домишке. По соседству, в нескольких ли, жил наш приятель Чо Хве, у которого были яблони.

— Все время клонит ко сну, — сказал мне однажды Паньон. — Давай-ка сходим к Чо да хоть яблочко поедим!

Мы подошли к дому Чо Хве и увидели, что деревья ломаются под тяжестью совсем уже спелых ярко-красных плодов. Однако ворота оказались наглухо запертыми, и войти в сад не было никакой возможности. Мы окликнули хозяина, никто нам не ответил, и лишь слышно было, как шумят за воротами подвыпившие слуги. А тут еще хлынул проливной дождь. У ясеня, что рос перед самыми воротами, мы заметили привязанных лошадей — одну большую и три-четыре поменьше. Вокруг не было ни души.

— Хозяин не желает встречать гостей, — воскликнул Панъон, — так мы угоним его лошадей!

Я кивнул головой. Мы быстро выбрали себе по лошадке, вскочили на них верхом, сначала поскакали на берег реки, а затем вернулись к себе домой и привязали лошадей в сарае.

— Сейчас я пристукну эту лошадку, — сказал Панъон, — и мы полакомимся ее мясом!

— Да что ты! Ведь тогда мы окажемся настоящими грабителями! — возразил я.

— Всякий знает, что Чо Хве не пойдет жаловаться в управу! — Панъон тут же схватил тяжелый пест и хотел было уже ударить лошадь по голове, но я удержал его.

На другой день явился Чо Хве. Глаза ввалились, лицо осунулось.

— Ты чего это так в лице переменился? — спросил у него Панъон.

— Вчера пошли мы все к жениной тетке в деревню Кимпхо, — рассказал Чо Хве, — лошадей привязали за воротами, а ворье проклятое их угнало! Домашние прямо-таки наизнанку выворачиваются от злости, поделили между собой всю округу и ищут лошадей. А сам я сейчас иду из дальних мест — аж из Кёха, что в уезде Коян. И все без толку. Ну как тут не горевать?!

Он побыл у нас самую малость. Неожиданно в сарае заржала лошадь. Панъон улыбнулся, а Чо Хве кинулся к сараю и видит: да это же его собственные лошади! Уж он и сердился, и радовался, осыпая нас упреками, от которых не мог удержаться. А все, кто видел это, покатывались со смеху.

ПОРОЧНАЯ ОУДОН

Оудон была дочерью члена Государевой коллегии литераторов господина Пака. Дом их был богатым, девушка изящной и прелестной, однако по натуре своей — необыкновенно развратной. И даже когда она стала женой Тхэ Кансу, родственника государя по мужской линии, тот не смог ее образумить.

Как-то в дом пригласили мастера изготовить серебряную посуду. Мастер был молод и хорош собой. Женщина этому обрадовалась. Всякий раз, когда уходил муж, переодевалась она в

платье служанки, садилась подле мастера, расхваливала красоту и изящество сработанной посуды. В конце концов она сумела тайком завлечь его к себе в спальню и средь бела дня предалась разнузданным любовным забавам. Увидя однажды, что возвращается муж, она успела спрятаться. Однако тот обо всем узнал и прогнал ее.

Служанка Оудон тоже была красивой. Каждый раз в сумерки она наряжалась, завлекала на улице какого-нибудь красивого юношу и приводила его в комнату госпожи. Затем приводила другого юношу для себя, и они все вместе проводили ночь. Это стало для них обычным. Утром ли, когда благоухают цветы, ночью ли, когда сияет луна, обе женщины, испытывая неодолимую похоть, блуждали по городу в поисках развлечений. Им был бы только мужчина, а кто он родом, они и знать не хотели. Возвращались они домой на рассвете.

Однажды они зашли в какую-то придорожную харчевню. Указывая пальцами на входящих и выходящих мужчин, они обменивались впечатлениями.

— Этот молод, — говорила служанка, — и у него большой нос. Он бы вам подошел, госпожа!

— Да, от него бы я не отказалась, — вторила ей хозяйка, — а того вон, пожалуй, уступила бы тебе!

Не проходило дня, чтобы они не развлекались подобным образом. Потом Оудон вступила в недозволенную связь с Пан Сансу. Сансу был молод и красив, знал толк в поэзии. Как-то Сансу пришел к ней домой, а она еще не вернулась с очередного любовного свидания. Лишь ее фиолетовая кофточка висела на ограде. И тогда Сансу написал такое стихотворение:

*Мерно часы капли роняют,
воздух ночной мир освежает.
Белое облако в небе застыло,
ярко луна все осветила.
Уж звуки стихли в ночи,
но горит огарок свечи.
И печально пишу об одном —
любовь была только сном.*

А разве не предавалась она сверх меры гульбе и разврату, пользуясь слабостью и других молодых придворных? Двору, конечно, стало известно об этом, и было произведено дознание.

Одни предлагали казнить ее, другие — выразить порицание, третьи — сослать в отдаленные места. Были, правда, и такие, кто ничего не сказал, а некоторые даже стояли за ее оправдание. Глава сыскного ведомства объявил о ее преступлениях и приказал вынести приговор. Было принято решение: «По закону смертной казни не подлежит. Заслуживает ссылки в отдаленные края». И государь повелел наказать ее согласно закону и обычаю.

Когда Оудон взяли под стражу и увозили, служанка взобралась на повозку.

— Госпожа, не теряйте присутствия духа! — обняв Оудон за талию, воскликнула она. — Ведь могло быть что-нибудь и похуже ссылки!

И те, кто слышал ее, рассмеялись. Но женщина, которую так строго наказали за дурные наклонности и постыдное поведение, была ведь из хорошей семьи. И поэтому некоторые плакали.

ПОВЕЗЛО

В год кабин* в правление государя Сечжона состоялся особый экзамен. В тот день, когда должны были вывесить список выдержавших экзамен, почтенный Пак Чхун сидел на постоянном дворе, от страха втянув голову, как черепаха. Послал слугу посмотреть, попал ли он в список. К вечеру слуга воротился, еле передвигая ноги, и, ни слова не говоря, стал резать сено для лошадей. У Пака аж сердце упало. Медленно повернув голову к слуге, он спросил:

— Ну так что, нет меня в списке?

— Есть-то есть, — нехотя ответил слуга, — да только место у вас не ахти какое.

— Да говори же ты толком!

— Господин Чхве Хан** занял первое место, — доложил слуга, — а вы, господин, — самое последнее!

— Ах ты, дурак старый! — побагровев, заорал Пак Чхун. — Да я всю жизнь мечтал выдержать этот экзамен!

* В циклическом летосчислении 51-й год в 60-летнем цикле.

** Чхве Хан (1409–1474) — ученый и государственный деятель. Принимал участие в создании корейской национальной письменности.

Надо сказать, что Чхве был молодым ученым, а Пак — почтенным ученым в больших годах. Даже слуга его стыдился, что он занял на экзамене последнее место. А сам Пак Чхун был просто счастлив.

ОБЗАВЕЛСЯ ЛЮБОВНИЦЕЙ

С юных лет генерал Ли отличался талантами. И собой был хорош, как яшма. Однажды, бросив поводья, ехал он верхом по большой дороге. И вдруг увидел женщину годков этак двадцати двух — двадцати трех. Красоты она была необыкновенной, ее сопровождали служанки и мальчики. Красавица стояла возле слепца, который гадал ей. Генерал окинул ее взглядом, но не остановился. Женщине он очень понравился, и она тоже пристально на него посмотрела.

Ли тут же приказал сопровождавшему его воину пойти за женщиной следом и разузнать, где она живет. Воин доложил, что после гадания в окружении служанок и мальчиков красавица верхом на лошади въехала в Южные ворота и направилась в квартал Сачжедон. Живет она в центре Сачжедона, на самом высоком месте, в большом доме.

На следующий день Ли приехал в Сачжедон. Побродив по улицам, он обнаружил здесь лучших дел мастера. А Ли ведь как раз был военным. Поэтому он каждый день стал приезжать к лучнику, беседовать с ним, расспрашивать обо всех, кто здесь живет. Однажды не успел мастер сказать и двух слов, как генерал вдруг спросил, кому принадлежит тот большой дом, что стоит на горе.

— Там живет дочь первого министра, — сказал мастер. — Она недавно овдовела.

И генерал, встречая людей, постоянно заходивших к лучнику, непременно спрашивал, в котором доме они живут. Однажды зашла молодая женщина попросить огня.

— Это служанка из дома той вдовы, о которой я уже говорил вам, — сказал лучник, когда женщина ушла.

— Я полюбил ту женщину, — пылко сказал генерал Ли мастеру на следующий день, — и не могу забыть о ней. Если ты сможешь мне, до самой смерти буду я тебе благодарен!

Лучник позвал служанку, которая тогда приходила за огнем. Он передал ей слова генерала, подарил деньги и ткани, принесенные Ли с собой. И служанка согласилась помочь генералу Ли.

— Ты мне очень нравишься, — сказал ей Ли. — Если поможешь, кроме этих подарков получишь еще!

— Хорошо, — ответила женщина, — только не забывайте про свое обещание!

— На днях увидел твою госпожу на дороге и влюбился. Дух мой в смятении, и невкусной кажется еда, — сказал Ли.

— Так это же очень легко поправить! — улыбнулась женщина.

— Но как? — спросил Ли.

— Завтра в сумерки приходите к воротам нашего дома, — ответила служанка, — я непременно вас встречу!

Генерал Ли явился в назначенный час. Служанка приветливо встретила его, провела в свою комнату.

— Хозяйка скоро придет, спрячьтесь здесь и подождите! — закрыла она дверь на цепь.

Генерал Ли уже стал опасаться, нет ли здесь какого-нибудь подвоха. Вдруг он услышал, как на женской половине дома зажгли светильник, раздались громкие голоса. Вскоре вошла служанка, взяла генерала за руку и отвела в спальню госпожи.

— Спрячьтесь здесь и не шевелитесь, прошу вас, — сказала она. — Если вы обнаружите себя, то расстроите весь мой замысел!

И служанка оставила генерала в темной комнате. Вдруг снова зажгли светильник, слышались голоса. Вошла хозяйка. Служанки разбежались, а она скинула платье, умыла лицо, наумянилась и напудрилась. Она была прелестна, как яшма! «Меня принимать готовится!» — решил Ли. Закончив умываться и причесываться, женщина разожгла жаровню, обжарила на углях мясо, подогрела вино в серебряной чаше. «Меня будет угощать!» — опять подумал генерал Ли и, загоровшись желанием, хотел уж было выйти, но вспомнил о предостережении служанки.

А хозяйка села и стала чего-то ждать. Вдруг слышался торопливый, резкий стук в окно. Хозяйка встала, открыла окно и приветливо пригласила гостя в дом. Вошел какой-то кривой и хромой мужчина. Он сразу же облапал хозяйку и принялся

ласкать ее. У генерала Ли аж дух захватило! Теперь он хотел бы уйти отсюда совсем, да никак не мог.

Немного погодя хозяйка и гость сели рядышком, принялись есть мясо и пить вино. А когда мужчина снял шляпу, оказалось, что он ко всему еще и омерзительный бритоголовый! Тут уж генерал Ли не стерпел. Осмотревшись вокруг, он заметил большой моток веревки. Когда монах с хозяйкой легли, Ли вбежал к ним, схватил горбуна, прикрутил его веревкой к колонне и стал бить палкой по чему попало. Монах жалобно завопил от боли, а хозяйка неожиданно обрадовалась.

— Хочу произвести новую брачную церемонию, по-военному. Это тебе ясно?! — крикнул генерал Ли монаху.

— Извольте только приказать, умоляю вас, — ответил тот.

Тогда они прогнали монаха и устроили новый пир. С тех пор генерал Ли стал часто бывать у этой женщины. Она полюбила его, и многие годы они не изменяли друг другу.

ПОГУБИЛА БРЕЗГЛИВОСТЬ

Жил некий ученый конфуцианец по фамилии Ли. Был это человек недалекий, сути вещей не понимал. Характером Ли отличался очень беспокойным, к тому же чрезвычайно был чистоплотен и брезглив. Если подавалась ему еда, приготовленная хоть чуточку неаккуратно, он непременно от нее отказывался.

Вот пришел этот Ли однажды в дом своей наложницы и как раз застал ее в постели с мужчиной. Силы тут же оставили беднягу, и он брякнулся на пол. У него отнялся язык, он тяжело заболел и умер скоростижно.

ГРУБЫЙ СИН

Министр Син по натуре был очень груб. Однажды в его чашку с едой неожиданно села муха. Как Син ни отгонял ее, она прилетала снова и снова. Тогда, сильно разгневанный, министр швырнул чашку на землю.

— Зачем это вы изволите так гневаться на несчастное насекомое? — сказала ему супруга. — Оно ведь ничего не понимает!

— Да что ты заступаешься за муху? — вытаращив глаза, заорал министр. — Она твой муж, что ли?!

КИСЭН ВОЗМУЩАЕТСЯ

В Сувоне одной кисэн приказали развлечь гостя. А когда потом она ему отказала, ее побили палками.

— Оудон наказали за разврат, — с возмущением говорила кисэн, — а меня — за отказ развратничать. Ну как это в одной стране могут быть такие противоречивые законы?!

И все, кто слышал эту кисэн, согласились с ней.

ЮН ПОУЧАЕТ ДОЧЕРЕЙ

У первого министра Юна было несколько дочерей. Однажды, когда в нашу страну прибыло китайское посольство, все чиновники столицы, приготовившись к церемониалу, вышли встречать его. Желали полюбоваться красочным зрелищем и их жены.

Дочерям Юна тоже захотелось посмотреть встречу послов. Они засуетились, стали тщательно наряжаться. Однако Юн кликнул дочерей, велел им встать перед собой и сказал:

— Конечно, вы очень любите подобные зрелища. Но вот хочу я вам кое-что рассказать. А вы слушайте да соображайте!

И министр Юн рассказал своим дочерям такую притчу.

В древности в некоем царстве государь посадил у себя во дворе дерево высотой в восемь ча* и объявил: тому, кто сможет вырвать это дерево, он пожалует тысячу золотых монет. Все самые сильные люди из придворных пробовали вырвать дерево, но никому сделать этого не удалось. И тогда выступил некий прорицатель.

— Это дерево сможет вырвать, — сказал он, — только совершенно чистая, целомудренная женщина!

И вот на двор государев явилась целая толпа женщин со всей столицы. Однако женщины либо только смотрели на дерево издали, либо, потрогав его руками, отходили в сторонку.

* Ча (чхок) — мера длины, равная 32 см.

Но вот одна из них заявила, что она целомудренна, совершенно чиста телом и душой. Эта женщина подошла к дереву, обхватила его руками и потянула вверх. А дерево только закачалось, но не выдернулось.

— Всю жизнь блюла я свою честь, — возведя глаза к небу, поклялась женщина, — и ты, Небо, должно бы знать это. А теперь вот мне не остается ничего другого, как только умереть! — она не могла сдержать слезы.

— Ты хоть и не совершала греховных дел, — молвил тогда прорицатель, — однако не забывай, что позарилась на чужого мужчину!

— А ведь и верно! — вспомнила вдруг женщина. — Однажды стояла я у ворот, и неожиданно на лихом коне мимо промчался какой-то чиновник. Глаза у него узкие, брови длинные, на поясе — лук и стрелы. Ну просто красавец-мужчина. Вот я тогда и подумала: «Как должна быть счастлива та женщина, чей он муж!» Только и всего. А вожделения к тому мужчине у меня ну ни капельки не было!

— Достаточно и мысли такой, — изрек прорицатель, — чтобы дерево вырвать было трудно!

Тогда женщина горячо поклялась, что даже мыслей дурных у нее не было, снова взялась за дерево и, говорят, наконец вырвала его.

— Вот так же и вы, — продолжал Юн. — Пойдете сейчас глазеть на китайских послов. Увидите там много красивых мужчин. А ну как появятся у вас распутные мысли?!

И дочери его, смутившись очень, не пошли смотреть на встречу китайского посольства.

МНИМЫЙ ТИГР СТРАШНЕЕ НАСТОЯЩЕГО

Хан Поннён был очень хорошим охотником. Он в совершенстве владел луком и тем известен был даже самому государю Сечжо*. Хотя убойная сила его лука была невелика, однако, встретившись со свирепым тигром, он смело бросался вперед,

* Государь Сечжо — правил с 1456 по 1468 гг.

до отказа натягивал тетиву и первой же стрелой убивал зверя. И сколько он за свою жизнь добыл тигров, просто не счесть!

Однажды во дворце вана совершался обряд изгнания злых духов. И вот один из участников-актеров, обряженный в тигровую шкуру, неожиданно выбежал из-за укрытия. Поннён должен был сделать вид, что убивает тигра. Он был вооружен маленьким ритуальным луком и имел единственную стрелу, сделанную из стебля полыни. И вот при виде «тигра» Поннён в ужасе стремглав выскочил из помещения. При этом он вывихнул ногу и, свалившись с лестницы, сломал руку!

— Против настоящего тигра герой, — смеялись люди, — а против чучела — трус!

Как-то в доме великого князя Ёнсуна был устроен пир. Присутствовали все придворные чины и литераторы. Государь Сечжо велел позвать и Поннёна, пожаловал ему чарку вина.

— Ты хотя и низкого звания, — говорили Поннёну гости, — однако служишь государю, отмечен его милостью!

Охотника усадили на одно из почетных мест. Красивые кнээн, изящно одетые и подкрашенные, окружали его со всех сторон. Их песни, казалось, будоражили даже небо! И Поннён так застеснялся, что не мог вымолвить ни слова, сидел, низко опустив голову. Однако гости наперебой угощали его вином, и в конце концов он совсем захмелел. Сидя на складном китайском стуле, он стал размахивать руками, грозно вытаращил глаза и истошно орал, изображая, как он убивает тигров из лука. А все вокруг едва не лопались от смеха!

ВЕРНОСТЬ ЖЕНЩИНЫ

Многие государи династии Корё охотно брали в жены монгольских принцесс. В свою очередь из Юань* направляли послов, которые выбирали корейских девушек в наложницы императорам. Если же девушки не становились императорскими наложницами, то их отдавали министрам или высокопоставленным чиновникам.

* Юань — монгольская династия в Китае. Правила с 1271 по 1368 гг.

Была отправлена в Юань и сестра достопочтенного Чо Пана*. Она стала супругой министра, и князь — был он тогда молод — поехал в Юань вместе с сестрой. А в семье сестры была девочка-служанка, красоты в те времена невиданной. Она и грамоте хорошо знала. Князь Чо Пан взял ее в наложницы да так и остался жить в Юаньском государстве. Любовь этой неразлучной пары была беспредельна. Чо Пан и его наложница были как две сплетенные ветви, как родные брат и сестра.

Однажды спали они вместе во флигеле. И вдруг среди ночи во всем доме министра произошел сильный переполох. Однако Чо Пан с наложницей крепко спали и не ведали, что случилось. А утром они встали и видят: в доме нет ни одного человека!

— Император, спасаясь от мятежной армии, сбежал в Шаньду, — сообщили Чо Пану соседи. — Министр с супругой поехали вслед за ним. Крупные силы мятежников находятся уже на подступах к столице. Горожане мечутся в страхе, бегут вместе с женами и детьми и на юг, и на север!

Чо Пан с наложницей тоже оказались в трудном положении, не знали, что делать. И тут вдруг примчался евнух, бывший у министра на побегушках.

— Почему вы вслед за министром не последовали за поездом императора? — обливаясь потом, спросил он.

— Шаньду слишком далеко отсюда, — ответил князь, — нам туда не успеть. Земли нашей страны ближе. Вот мы втроем туда и направимся. Быстрее доберемся, чем до Шаньду!

Затем они обшарили пустой дом, нашли небольшой мешок риса и прихватили его с собой. На одной лошади должен был ехать князь с наложницей, на другой — евнух. Когда они уже собирались тронуться в путь, евнух сказал:

— Небезопасно во время смуты иметь при себе такую красавицу. Если встретятся разбойники, вам в живых не бывать. Умоляю вас, господин, превозмогите свою привязанность, оставьте наложницу здесь!

— Хочу и жить вместе с вами, господин мой, и умереть вместе! — сотрясаясь всем телом, горько заплакала женщина.

* Чо Пан (1341–1401) — государственный деятель, имевший заслуги в деле возведения на престол государей династии Ли. Хорошо знал китайский и монгольский языки.

И князь не имел сил расстаться со своей наложницей. Она держала Чо Пана за рукав, и вырвать у нее этот рукав было невероятно тяжело. Горькие слезы увлажнили ворот одежды князя. Не могли удержаться от слез и все люди, которые около них были. Однако Чо Пан, поразмыслив о своем положении, все же оторвался от женщины и поехал. А наложница его, плача, пошла вслед за ним.

Когда вечерело и Чо Пан останавливался на постоялом дворе, женщина непременно нагоняла его. Целых три дня и три ночи шла она за Чо Паном. Ноги ее были изранены, они покрылись язвами, и казалось, она больше не сможет сделать ни одного шага. Однако, собрав последние силы, женщина все шла и шла.

Но вот всадники проехали одно место, где над рекой стояла высокая беседка. Оглянувшись, Чо Пан увидел — его наложница решительно поднялась вверх. «Наверно, поднялась повыше, — подумал Чо Пан, — чтобы посмотреть на меня!» А когда оглянулся он на беседку еще раз, увидел: женщина вдруг бросилась с высоты в пучину и исчезла в волнах! Чо Пан полюбил эту женщину за красоту и таланты. Теперь же он был глубоко потрясен ее верностью.

Вместе с евнухом Чо Пан благополучно вернулся на родину. И до самой старости не мог он без душевной боли рассказывать о том времени.

ЧХВЕ СЕВОН ШУТИТ

Когда Чхве Севон в молодые годы состоял на службе в расчетном ведомстве, его коллегами были Ким Вонсин, который не умел аккуратно повязать мангон — головную повязку, и Ким Пэкхён, страдавший косоглазием. Дурачась, Севон сложил такой стишок:

*Ему место на лбу —
он висит на носу.
Где же в мире найдешь
ты такую красу?
А теперь угадай —
это что за фасон?*

*Да, конечно же, то
Ким Вонсина мангон!
Он смотрит на запад,
а видит восток.
Смотрит на небо,
а видит лесок.
Кто же даром
таким наделен?
Да, конечно же, то
наш коллега Пэкхён!*

Служил вместе с Чхве Севонем еще и чиновник невысокого ранга Квак Сынчжин, по прозвищу Бес. И Севон сложил стихотворение «Квак-Бес», в котором подсмеялся над сослуживцем:

*«Ты чего боишься, Бес?»
«Персиковых веток.
А еще боюсь Небес
да шаманских меток!»
«А служить пришел зачем?»
«Бичевать пороки.
Чтоб их вытравить совсем,
я даю уроки».
«Прискакал за сотни ли,
удержу не знаешь
И народу сей земли
“нравы исправляешь”.
Ставишь всех на верный путь
(благо есть указы),
Не вникая даже в суть,
ты твердишь их фразы!»*

А еще Севон дружил с Кан Чинсаном. На экзаменах Чинсан занял первое место, а Севон провалился.

— Этот Кан — человек, конечно, очень талантливый, — досадливо сказал Севон. — О, как мне хотелось бы самому занять первое место! Да еще чтоб Кан оказался на последнем! Ведь теперь, если я даже и займу первое место на будущий год, радости будет мало: этот Кан мне завидовать не станет. Хоть бы все эти три дня дождь из дерьма хлестал!

СОПРОВОЖДАЮ ПОСЛОВ

Когда прибыли послами в нашу страну глава императорского кабинета Дун и цензор Ван, я был губернатором Пхёнани и получил приказ встретить их в Анчжу. Приехали в Пхеньян. Дун посетил храм Совершенномудрого* при конфуцианском училище.

— У нас в Китае имеется точно такая же, — сказал он, увидев глиняную статую Конфуция.

— Эта статуя сделана из хрупкого материала, — заметил сопровождавший вместе со мной послов Хо Янчхон, — ее легко разбить. Поэтому в столице в конфуцианском училище не установлено такое изображение, а используется поминальная дощечка.

— Что ж, это весьма разумно! — одобрил Дун.

Прибыли в храм Тангуна**. Заметив поминальную дощечку вана Тонмёна***, Дун сказал:

— Он был китайцем!

А когда добрались до храма Кичжа****, и посол увидел полированную стелу, установленную в честь Кичжа, он громким голосом прочел надпись.

— Настоящий шедевр, — воскликнул Дун, — жаль только, что надпись не укрыта от непогоды!

Он обошел также место захоронения Кичжа, осмотрел его могилу и пожелал сказать надгробное слово. Был Дун очень взволнован, говорил без передышки.

А еще Дун участвовал в прогулке на лодке по реке Тэдонган. С восхищением говорил он о прекрасном пейзаже в Янчжу. Тут пошел небольшой дождь. Я просил Дуна еще побыть здесь, но он сказал:

— Дела государевы ждут меня, поэтому задерживаться не могу!

А его помощник Ван продекламировал:

* Имеется в виду Конфуций.

** Тангун — легендарный основатель древнего корейского государства Чосон.

*** Тонмён — основатель корейского древнего государства Когурё.

**** См. примеч. к с. 57.

Окрашены бледно

восточные склоны.

Сумрак и хмарь

друг другу под стать!

— Вот место, где встарь любили погулять достойные люди, — указывая на беседку Пубённу, сказал я. — Не соблаговолите ли, достопочтенный, составить компанию и подняться туда вместе?

Дун с радостью согласился. Мы поднялись в беседку, я огляделся по сторонам, сказал:

— Вид действительно несравненный. Здесь и дождь переждать можно!

— Хозяин хочет удержать гостя из-за дождя, — улыбнулся Дун, — гость же должен был бы уйти в вёдро. А желания и хозяина, и гостя — в воле Неба! — мы взаимно раскланялись и покинули беседку.

Когда завершена была посольская миссия, я провожал обоих послов. Ниже по течению реки мы увидели: рыбак поймал сетью рыбу. Рыба сильно трепыхалась, а послы обрадовались, пожелали набрать рыбы в глиняный таз и приказали приготовить ее.

— Свежая рыба на вкус бесподобна! — воскликнул Дун.

Потом главный ловчий поймал и принес фазана. Дун погладил фазана рукой, зачем-то понюхал его и сказал:

— Я приветствую то, чему Конфуций научил Цзы Лу*! — и, выпустив фазана в рощу, добавил: — Лети себе спокойно!

Прибыли в Намхо и поднялись в маленькую беседку отдохнуть. Ловчий опять поймал — на этот раз сайгу и привел ее. Дун велел привязать сайгу в ста шагах к дереву, приказал воину выстрелить в нее из лука и, когда тот поразил сайгу, захопал в ладоши, громко рассмеялся.

— Благородный муж должен быть далек от кухни, — с упреком сказал ему Ван. — Да и как могли вы, достопочтенный, допустить подобное убийство?!

* Цзы-лу (572–480 гг. до н. э.) — ученик Конфуция. Конфуций давал ему советы, как вести себя с людьми и осуждал ловлю птиц силками, рыбы — сетями, считая это безнравственным.

— Волы да лошади идут ведь человеку в пищу, — возразил Дун. — Если же не убивать их, то, конечно, и сайги, и олени окажутся без пользы для человека. Какой же вред от такого убийства?!

— А это что за местность? — увидя «колодцы»*, спросил меня Дун.

— Да тут ведь недалеко холм, в котором захоронен Кичжа, — засмеялся я. — И здесь все еще действует введенный им закон о колодезной системе землепользования!

Я тайком приказал играть в деревне на музыкальных инструментах.

— Это что за звуки? — спросил Дун.

— С тех пор, как Кичжа прибыл сюда и начал править, — снова засмеялся я, — заведенные им обычаи не исчезли, и в каждом доме люди превыше всего ставят ритуальную музыку!

— Поистине, ваша страна отличается высокой нравственностью! — воскликнул Дун. — А кто эта женщина? — спросил он, увидя на дороге женщину, глядевшую на нас. — Не иначе как супруга начальника округа!

— Ну что вы, достопочтенный! — засмеялся переводчик. — Это ж городская гетера! Начальники округов — все люди из знатных родов. И у них в обычае содержать своих женщин только на женской половине дома. Разве можно допустить, чтобы жены и наложницы знатных выходили на улицу?!

— Знай мы об этом раньше, — заметил Ван, — и сами бы поняли, что это незнатная женщина!

Добрались до беседки Пхунвольлу. Приблизившись к пруду, Дун восхищенно воскликнул:

— Вот это — самое красивое место в Корее! И в Китае есть очень красивые места, но такие, как это, встречаются редко!

Я пригласил послов в беседку, чтобы они сделали памятную запись. Затем Дун сказал:

— Если вы, хозяин, намерены провожать меня и дальше, то непременно должны испросить разрешение у государя!

* Колодезная система землепользования — древняя система распределения земель, когда в середине находится общий участок с колодцем и алтарем, а по периметру располагаются восемь полей частного пользования.

Я такого разрешения не имел, поэтому решил следовать с послами только до Анчжу и там распрощаться с ними. Дун по этому поводу сочинил памятную запись и преподнес ее мне.

Оба посла в дороге любовались горными вершинами и пиками, спрашивали их названия. Что же касается встречавшихся причудливых скал и примечательных деревьев, то послы непременно около них останавливали коней и находили удовольствие в декламировании стихов. Если же попадались хоть немного красивые цветы и травы, они обязательно составляли букеты и любовались ими.

Сопровождавшие китайских послов корейцы обходились с ними тепло и почтительно и, если спрашивали о Китае, послы подробно обо всем рассказывали, ничего не скрывая. Дун сделал ясный и беспристрастный обзор китайской поэзии и прозы, основываясь на сохранившихся аж со времени династии Цзинь сочинениях. Помощник посла Ван тоже был человеком очень сведущим и в поэзии, и в прозе. Поистине, эти двое были светлы как солнце и луна!

УЧЕНИК НЕРАДИВЫЙ

Великий князь Яннён, наследник престола, горазд был на всяческие проказы, чрезмерно увлекался музыкой и женщинами, а в учении усердия не проявлял.

Однажды сидел он в комнате для занятий напротив своего учителя. А перед тем на каменной лестнице дворца им были поставлены силки для ловли птиц. Учителя Яннён, конечно, совсем не слушал, следил за силками, зевал по сторонам. Вдруг в силки попала птица. Яннён опрометью выскочил на лестницу, схватил пойманную птицу и принес ее в комнату.

Одно время учителем Яннёна был правитель уезда Хаксон-гун Ли Е*. Как-то подошел Ли Е к воротам дворца и услышал — во дворце человек клекочет по-соколиному. Он сразу понял, что это наследник.

* Ли Е (1419–1480) — ученый и государственный деятель. Воспитатель великого князя Яннёна.

— Я слышал, сын государев подражает соколиному клекоту, — войдя в комнату для занятий, укоризненно сказал Ли Е. — Занятие это — недостойно наследника престола. Ему следовало бы сосредоточиться на учении. Впредь не извольте так поступать, прошу вас!

— Да я в жизни не видел соколов, — притворно испугался Яннён, — как же могу подражать их клекоту?!

— А ведь при охоте на зайцев, — возразил Ли Е, — используются именно соколы. Разве наследник не видел этого?

И так, при малейшем проступке наследника престола, Ли Е не упускал случая пожуричь и наставить его. Яннёну это ужасно не нравилось, и он смотрел на учителя как на врага.

— Как только встречусь с этим Ли Е, — пожаловался однажды Яннён некоему человеку, — так и начинается голова болеть и мучительно на душе становится. А увижу его во сне — днем непременно схвачу простуду!

Государь Сечжон посадил в дворцовом парке хурму и пошел как-то полюбоваться ее плодами. Тут он увидел, что откуда-то налетели вороны и вовсю клюют хурму. Сечжон приказал быстро найти хорошего стрелка из лука.

— Среди военных двора, — доложили ему приближенные, — сейчас нет хороших стрелков. Только вот один наследник престола и сможет сбить ворон!

Сечжон велел найти Яннёна. Яннён выпустил несколько стрел и сбил всех ворон одну за другой. Придворные пришли в восхищение, а Сечжон, не любивший наследника за его предосудительное поведение и не желавший с ним встречаться, в тот день впервые был им доволен и даже улыбнулся.

ЛЕКАРЬ-БЕДНЯК

Пэк Квирин лекарем был незаурядным. И если звали его к больному, он никогда не отказывал в помощи, лечил со всем усердием. Причем Квирин никогда ничего не брал за лечение. Оттого дом его был беден, едва-едва хватало средств на одежду и пропитание.

Однако Квирин строго хранил душевную чистоту.

— Что за человек этот старый чиновник, — увидя Квирина, спросил китайский посол, прибывший в нашу страну. — Отчего и платье, и шляпа у него такие изношенные?

— Да это лекарь, — ответили ему. — Он отказывается от платы за лечение, люди и не дают ему ничего. А свою одежду и шляпу он постоянно держит в закладе в харчевне. Потому и ходит в таком отрепье!

Посол переменился в лице и выразил Квиринау свое уважение.

ВСТРЕТИЛСЯ С ГОСУДАРЕМ

Чиновник Чхве Чи, после того как выдержал экзамены, много служил на провинциальных должностях.

На одиннадцатом году своего правления государь Сечжо собрал у беседки Кёнхвену литераторов и проверял, кто из них на что способен. Чи, декламируя стихи, долго бродил около беседки и в конце концов неожиданно для себя попал в парк, расположенный позади дворца. А Сечжо, в простой одежде, вышел как раз в этот парк прогуляться. Чхве Чи же, никогда не видевший государя, не поклонился ему в пояс, как следовало бы при встрече.

— Ты кто такой? — спросил Сечжо. — Как посмел самовольно явиться в дворцовый парк и не кланяешься мне, как положено?!

— Я литератор, — ответил Чхве Чи. — А низко кланяться полагается только государю. А вы-то кто такой, что требуете особых поклонов?!

Чхве Чи в душе знал, конечно, что перед ним не простой человек, но думал, что это, пожалуй, сын государев или кто-нибудь из придворных. Он прошел немного вперед и присел на обочине дорожки.

— Послушай-ка, нахал, — возмутился государь, — ты часом не Юань Жан*? Ну, чего тут расселся?!

* Юань Жан (конец VII в.) — китайский сановник, тяготившийся службой при наследнике престола. При первой возможности он ушел со службы и поселился в деревне.

Немного погодя явились придворные чиновники и фрейлины, стали почтительно прислуживать Сечжо. Тут только Чхве Чи и догадался, что судьба свела его с государем. Он очень испугался, низко кланяясь, умолял простить его. А Сечжо вошел в беседку Сохёнчжон, велел позвать Чхве Чи, завел с ним разговор о конфуцианских канонах и исторических книгах. На все вопросы вана Чи отвечал обстоятельно, подробно, выказав глубокое понимание смысла обсуждаемых вопросов. Государь остался очень доволен, велел поднести ему вина. Потом Чхве Чи подносили чарки еще и еще, и он каждый раз выпивал все до дна. Однако сколько ни пил, совсем не пьянел, цвет лица у него оставался обычным.

— Да, этот конфуцианец хорошо разбирается в законах природы и разума! — воскликнул Сечжо и тут же назначил Чхве Чи на должность чиновника в конфуцианском училище.

ТЕСТЬ ГОСУДАРЯ

Тесть государя, почтенный Мин Ёхын, каждый день, закончив казенные дела во дворце и возвращаясь домой, заходил к соседу в сад поиграть в шахматы.

Однажды он так же вот зашел к соседу в простой одежде. А старика соседа дома не было. Ёхын ожидал хозяина, одиноко сидя в беседке. Но вот в дом явился и второй гость — некий писарь. Он спросил у мальчика-слуги, где хозяин.

— Хозяин изволил выйти, а куда — не знаю! — ответил слуга.

А писарь этот служил как раз в подчинении у почтенного Мина, но совсем недавно и даже в лицо не знал своего начальника. Не знал он и того, что Мин сейчас находится здесь. Писарь вошел в беседку, снял обувь и спросил у Мина:

— Вы где проживаете, почтенный?

— Да здесь, по соседству, — ответил Мин.

— А чего это лицо у вас такое сморщенное? Все в складках!

— Да уж какое есть. Что тут поделаешь?

— А вы, почтенный, грамоте знаете?

— Немного знаю. Свою фамилию и имя написать могу, — слукавил Мин.

Заметив рядом шахматы, писарь еще спросил:

— Ну а в шахматы играть умеете?

— Ходить фигурами умею.

— Тогда, может быть, сыграем одну партию?

И они стали играть. Во время игры достопочтенный спросил:

— А вы по какому делу пришли в этот дом?

— Да вот пришел представиться самому государеву тестю. Знаю, что он бывает здесь каждый день.

— А если я и есть тот самый тесть?

— Да уж не курице кукарекать по-петушину! — воскликнул писарь.

Не прошло много времени, как появился старик хозяин. Он повалился в ноги Мину и, прося прощения, сказал:

— Ваша светлость! Я-то ведь не думал, что вы и сегодня изволите ко мне зайти!

И хозяин принялся бесконечно извиняться, умоляя простить его, а писарь схватил свои сапоги и в ужасе выскочил из беседки.

— Этот новый писарь хоть и провинциал, — сказал достопочтенный Мин, — однако человек он толковый. Старателен, неглуп!

После этого случая Мин обратил внимание на писаря, стал обходиться с ним весьма великодушно.

БРАТ БОДХИСАТТВЫ

Великий князь Хорён, второй старший брат государя Сечжона, был ревностным буддистом. По любому малейшему поводу отправлялся он в храм, совершал большое моление с жертвоприношениями, целый день клал глубокие поклоны, вознося горячие молитвы Будде.

Однажды великий князь Яннён, который тоже был старшим братом Сечжона, явился в храм вслед за Хорёном вместе с несколькими своими наложницами, с собаками и соколами. Он кучей свалил на каменные ступени храма битых зайцев и фазанов, принялся тут же жарить мясо, подогревать вино. Затем, напившись и наевшись до отвала, Яннён с женщинами вошел

в храм и продолжал там безобразничать так, как будто вокруг никого не было.

— Ах, старший братец! — переменившись в лице, воскликнул Хорён. — Как недостойно вы себя ведете. Не боитесь разве, что попадете в ад в будущей жизни?!

— Да ведь говорят же, — усмехнулся Яннён, — что все родственники высоконравственного и добродетельного человека вместе с ним попадают прямо в рай. А я ведь твой родной брат да еще и брат самого государя. Так почему же мне не погулять вволю при жизни? А умру — прямехонько попаду в рай как брат бодхисаттвы. Нет, братец, в аду мне не бывать!

ГРАНИЧИТ ЛИ КОРЕЯ С ЯПОНИЕЙ?

Государь Сечжо на закате жизни часто хворал, постоянно мучила его бессонница. Поэтому он собирал у себя многих литераторов и ученых, устраивал диспуты по конфуцианским канонам и историческим книгам. А то еще призывал людей остроумных и веселых, умевших разогнать тоску, рассмешить человека.

Чхве Ховон и Ан Хёре были геомантами. Оба очень упрямые, они ни в чем не соглашались друг с другом, всячески старались поддеть один другого.

— Земли нашей страны, — сказал однажды на собрании у вана Хёре, — соприкасаются с землями Японии.

— Да ведь Японию отделяет от Кореи безбрежное море в тысячи ли! — засучив рукава, закричал на него Ховон. — Как можно говорить, что эти страны граничат?!

— Так море-то ведь сверху, — спокойно возразил Хёре, — а под водой — земля же. А если это так, то разве земли Кореи и Японии не соприкасаются?!

А Чхве Ховон и слова вымолвить не смог. Эти два человека и во всем так старались провести один другого. Особенно же силен в этом был Ан Хёре. Он порывался подкапываться даже под буддизм, однако буддийские книги знал плохо и если встречался с тонким знатоком, то и рта раскрыть не смел.

ДВА МИНИСТРА

Министр Ким Покчхан от природы был человеком простым, бесшабашным. Хозяйства своего он не имел и даже дом всегда снимал у чужих людей.

— Вы ведь занимаете высокий пост министра, — сказал ему однажды министр Сон Ёсон, — отчего же дома-то у вас своего нет? Пользуетесь чужим!

— Но вы-то ведь тоже занимаете высокий пост министра, — быстро и в тон ему ответил Покчхан. — Отчего же сына-то своего не имеете? Взяли напрокат чужого ребенка!

Соль ответа заключалась в том, что Сон Ёсон детей не имел и взял в качестве приемного сына своего племянника.

ПРЕПОДОБНЫЙ ОТЕЦ

Слепцы-гадальщики, как и монахи, обычно наголо бреют головы и читают сутры. Поэтому в мире их называют «преподобными отцами».

Слепой старик Ким Ыльбу проживал со своей женой у моста Квантхонгё. Кормился он гаданьем. Люди наперебой обращались к нему с просьбой погадать, однако предсказания его не сбывались, а добрые нередко оборачивались злыми.

— Если хочешь добра, — с осуждением стали говорить женщины, — то лучше уж не ходи к преподобному отцу, что гадает у моста Квантхонгё!

Сын Ким Хёнбо, помощника главы палаты, собирался держать экзамен.

— Твое сочинение совсем никуда не годится, — прочитав после экзамена черновик сына, воскликнул Хёнбо. — И не думай, что ты выдержал экзамен!

Когда же вывесили список выдержавших экзамен, оказалось, что сын его занял одно из первых мест.

— Да ведь это как раз потому, — смеялись сослуживцы Кима, — что сын ваш не обращался к гадальщику у моста Квантхонгё!

ОТРАВИЛИСЬ ГРИБАМИ

К западу от нашего дома находится гора, на южном склоне которой расположен женский монастырь. В пятнадцатый день седьмой луны года капсуль* в храме происходила заупокойная служба по предкам, и для участия в ней собралось множество женщин со всей округи. Были даже из знатных семей.

Спасаясь от жары, женщины поднялись на затененный склон горы. А там, меж сосен, в изобилии росли грибы. Грибы эти имели приятный запах и казались вполне съедобными. Женщины их насобирали, хорошо проварили и полакомились ими. И тут же многие из них, потеряв сознание, повалились на землю. А те женщины, которые съели грибов немного, стали бесновато метаться, либо петь песни и танцевать, либо горестно рыдать. А иные, придя в ярость, принялись избивать друг дружку. У тех же, что только попробовали немного бульона или только понюхали грибы, лишь кружилась голова.

Родственники отравившихся, услышав о такой беде, распустили от горя волосы, во множестве с воплями примчались в храм, так что там и повернуться негде стало. Люди метались по склонам горы и в поле, отыскивали своих родных, пытались помочь им. Да еще на дороге столпилось множество зевак. Шум и гам стоял, как на базаре! Родичи пострадавших наперебой призывали знахарей и шаманок, которые на скорую руку совершали свои обряды для изгнания болезни. А иные родственницы хорошенькими женскими ручками наполняли серебряные чаши испражнениями, разводили их водой и вливали в рот болящим! Старые и малые, благородные и подлые суетились целый день и едва-едва привели в чувство отравившихся. А были и такие, у кого от такого лечения самочувствие еще больше ухудшилось.

* Капсуль — 14-й год в 60-летнем цикле.

ИЗГНАЛ ТИГРОВ

Рассказывают, что, во времена правления династии Корё, когда помощник главы палаты Кан Камчхан* был назначен начальником уезда в Ханъян, случилось вот что.

Тогда в тех краях водилось множество тигров, которые убивали и чиновников, и простой народ. Правитель округа был очень встревожен, а Камчхан сказал ему:

— Да дело-то совсем простое. Дайте мне три-четыре дня, и я покончу с тиграми!

Затем он написал что-то на бумаге и, придав ей вид официального документа, приказал одному из своих подчиненных:

— Завтра на рассвете пойдешь в северное ущелье. Там на камне будет сидеть старый монах. Позовешь его ко мне!

Чиновник отправился в ущелье и действительно нашел там старого монаха в поношенной одежде, с повязкой из белого холста на голове. Спасаясь от утреннего инея, монах сидел на камне. Он прочитал казенную бумагу и вместе с чиновником явился в управу, отвесил земной поклон Камчхану.

— Ты хотя и зверь, — строго сказал Камчхан, — однако от обычных зверей отличаешься — душу имеешь. Так почему же ты так беспощадно губишь людей?! Даю тебе сроку пять дней. За это время вместе со своими сородичами убирайся куда-нибудь в другое место. Если же ты этого не сделаешь, то я всех вас перебью из своего арбалета!

Монах стал низко кланяться, умолял простить его. А правитель с хохотом обратился к Камчхану:

— Что за чушь? Почему монаха называешь тигром?!

— А ну-ка оборотись! — приказал Камчхан монаху.

Издав страшный рык, монах вдруг превратился в огромного тигра и прыгнул через перила. Рык тот был слышен за несколько ли. А правитель округа от страха без чувств рухнул наземь.

— Хватит! — приказал Камчхан, и тигр снова стал монахом, который, благодаря и низко кланяясь, удалился.

На другой день правитель послал чиновника на восточную окраину города — посмотреть, что будет. И чиновник увидел,

* Кан Камчхан (948–1031) — корейский военачальник, который прославился в войне с киданями (государство Лян, 916–1201).

как во главе с огромным старым тигром несколько десятков тигров поменьше переправляются через реку.

С тех пор, говорят, в окрестностях Ханъяна тигров не стало.

Первое имя Камчхана было Ынчхон. Росту он был маленького, и уши у него были небольшие. Однако на экзамене Камчхан занял первое место и дослужился до министерского поста.

Однажды в Корё прибыл посол сунского Китая*, Впереди толпы встречавших его стояли люди бедные и незначительные, одетые, однако, очень хорошо. Кан Камчхан же в скромной, поношенной одежде стоял в середине толпы. Глядя на толпу, посол подумал, что стоящие впереди люди хотя и выглядят представительно, однако все они люди заурядные. Заметив же Кан Камчхана, он поклонился ему и сказал:

— Над Срединной империей давно уже не появлялась звезда Ляньчжэнсин**. А ныне вот она — взошла над Восточной страной!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ЧХВЕ ЁН***

Еще в детстве отец говорил военачальнику Чхве Ёну, прозванному Чхольсоном — «Железной крепостью», что и золотой самородок должен быть чистым и прозрачным, как кристалл. До конца дней своих носил Чхве Ён эти четыре иероглифа записанными на поясе, и никогда не грешил против их смысла. И хотя он имел огромную власть в государстве — и в столице, и в провинции, — не тронул и волоска из чужого имущества, довольствовался только тем, что нужно было ему для пропитания.

В те времена у высоких министров было в обычае приглашать друг друга в гости — поиграть от скуки в шашки-падук.

* Сунский Китай — Китай периода правления династии Сун (960–1279).

** Звезда Ляньчжэнсин — одна из девяти звезд китайской астрологии — «Звезда честности и бескорыстия». Появление этой звезды свидетельствует о приходе выдающегося человека.

*** Чхве Ён (1316–1388) — известный военачальник и литератор.

При этом во множестве выставлялись великолепные вина, подавались роскошные закуски. И только один Чхве-Железная крепость, позвав гостей, целый день не угощал их ни выпивкой, ни едой. Лишь к вечеру подавался вареный рис, смешанный с просом, да салат из разных овощей. Совсем изголодавшиеся гости с жадностью набрасывались и на рис, и на салат, мгновенно съедали все без остатка.

— Ну до чего же вкусна еда в доме Чхольсона! — то и дело восклицали гости.

— То-то же, — смеялся Чхольсон, — это моя военная хитрость!

Государь Тхэчжо* пожаловал Чхве Ёну самую высокую должность. Как-то государь изволил задать первую фразу двустишия:

— Держится мир остриями мечей.

И никто из присутствовавших тогда литераторов не смог сказать вторую фразу. А Чхве Ён тут же произнес:

— Порядок во всем — на хвостах плетей!

Приближенные вана все были восхищены его быстрым и точным ответом.

Чхве-Железная Крепость терпеть не мог Ём Хынбана и Лим Кёнми** из-за их преступного поведения. И он приказал казнить не только их самих, но и всех их родичей. После казни Чхольсон сказал:

— В жизни своей никогда не делал я зла людям. А вот казнив Ёма и Лима, преступил грань. Но если был я не прав, корыстен в этом, то пускай густо зарастет травой моя могила. Если же я поступил справедливо — да не вырастет на ней ни одна травинка!

Похоронен Чхве Чхольсон в уезде Коян. И до сих пор на его могиле совсем не растет трава — ни единого пучочка! А в народе могилу Чхве Чхольсона называют — Красная могила.

* Государь Тхэчжо — основатель династии Ли. Правил с 1392 по 1398 гг.

** Ём Хынбан (?–1388) и Лим Кёнми (?–1388) — государственные деятели, выступавшие против власти государя Конмина (1352–1374), который был убит в результате дворцового переворота в 1374 г. Оба сановника были казнены в 1388 г.

СМЕРТЬ ЧОН МОНЧЖУ*

Пхоын Чон Мончжу в совершенстве овладел науками и в написании сочинений был превосходен. На рубеже правления династий Корё и Ли он был главой государственного совета, а служение своему государю считал святой обязанностью. А тогда как раз была низложена династия Корё, и все люди признали волю Неба. Только Пхоын решительно не мог изменить прежней династии. Как-то один монах, давний его знакомый, спросил:

— Ведь ясно уже, как пойдут дела дальше. Почему же вы продолжаете хранить верность династии?

— Мой государь, — отвечал князь, — поручил мне радеть о благе его государства. Так посмею ли я стать двоедушным?!

Однажды к Пхоыну с визитом заехал Мэхон**, а достопочтенный как раз куда-то собирался по своим делам. Вместе они выехали верхом на лошадях из деревни. И вдруг несколько воинов, вооруженных луками, преградили им дорогу. Слуги Пхоына крикнули воинам, чтобы они убирались прочь, но воины не подчинились.

— Быстро возвращайтесь назад! — повернувшись к Мэхону, сказал достопочтенный. — Оставьте меня одного! — Однако Мэхон его не послушался. — Почему не делаете, как я говорю? — гневно воскликнул Пхоын.

Тогда Мэхон повернул коня и поскакал обратно к дому Пхоына. Вскоре неожиданно явился некий человек и доложил:

— Сановник Чон варварски убит!

РАСКАЯНИЕ

Первый председатель Государственного совета Мэн Сасон*** и судья Верховного суда Пак Ансин**** вели дознание по делу

* Чон Мончжу (1337–1392) — государственный деятель и философ, который отказался служить новой династии Ли и за это был убит. Пхоын — его псевдоним.

** Мэхон (Ли Квану, 1363–1419) — ученый-конфуцианец, служил в секретариате государя, обучал истории будущего государя Сечжона.

*** Мэн Сасон (1360–1438) — государственный деятель и литератор.

**** Пак Ансин (1369–1447) — государственный деятель и ученый.

правителя уезда Пхёньян Чо Тэрима и, не доложив государю, подвергли его жестоким пыткам. Тэрим скончался. Государь очень разгневался, приказал отвезти этих двоих людей в повозке на базарную площадь и немедленно обезглавить.

Когда их везли на казнь, лицо Мэна было серым от страха, он не мог вымолвить ни слова. А Пак не потерял присутствия духа, смерти он не боялся.

— Послушай-ка, — обратился Пак к Мэну, называя его просто по имени, — вот ты был высшим чиновником, я — гораздо ниже тебя по должности. А теперь оба мы с тобой смертники. Кто из нас выше, кто ниже — какая разница? О тебе говорили, что ты человек принципиальный и справедливый. А с нами ведь поступили по закону. Чего же ты сегодня так страдаешь? Ты, наверно, не слышишь даже, как скрипят колеса нашей повозки!

— Эй, ты! — крикнул Пак одному из конвойных. — Поддай-ка мне с дороги осколок черепицы!

Конвойный оставил его слова без внимания.

— Если ты сейчас же не подашь мне осколок черепицы, — страшно вытаращив глаза, заорал на конвойного Пак Ансин, — то после смерти я непременно стану злым духом и в первую голову изведу тебя!!

И голос Ансина, и выражение лица его были такими свирепыми, что конвойный в испуге поднял с земли осколок черепицы, подал его Ансину. А тот сложил стихотворение и нацарапал его на этом осколке. В стихотворении говорилось:

*Был в дознании жесток,
ныне горько каюсь.
Долг нарушил, потому
смерти не страшусь!*

— Бегом во дворец! Передашь кому следует! — вручив черепицу конвойному, приказал Ансин.

Конвойный перечить не посмел, схватил черепицу и быстро доставил ее по назначению.

А помощником председателя Государственного совета стал тем временем Токкок*. Несмотря на болезнь, Токкок отправился

* Токкок (Сон Соннин, 1338—1442) — государственный деятель и литератор.

во дворец, очень просил государя помиловать провинившихся. Да и у государя к этому времени гнев уже прошел. Он отменил казнь.

ОТВАЖНЫЙ ХА КЁНДЫК

Министр Ха Кёндых обычно рассказывал, что в молодости ему удалось трижды избежать верной смерти только благодаря своему мужеству.

Когда государь Тхэчжон боролся в стране с мятежниками, один из моих приятелей заступил на дежурство во дворце. Я же, горя желанием по душам поболтать с этим приятелем, увязался вместе с ним. И мы так заговорились, что, когда я отправился наконец домой, дворцовые ворота уже закрыли на ночь. Выйти на улицу не было никакой возможности. В растерянности озирался я по сторонам, ища выхода, как вдруг на меня набросились несколько примчавшихся дворцовых стражников. Они крепко схватили меня и хотели тут же прикончить: в стране-то была смута! Однако, рванувшись изо всех сил, я выскользнул из рук стражников, помчался во дворец и вбежал прямо в покои самого государя.

— Какой прок от того, — крикнул я, увидя Тхэчжона, — что убьют такого молодца, как я?!

Государь Тхэчжон выслушал меня и приказал отпустить. Если бы я тогда не сохранил присутствия духа, не проявил мужества, то погиб бы непременно.

А вот еще. Как-то в юности отправился я с несколькими людьми на охоту в одно глухое ущелье. И вдруг носом к носу встретился со свирепым тигром! Бежать было поздно. Я крепко схватил тигра за загривок, пригнул его голову к земле. Все люди, которые были со мной, в ужасе разбежались, и как ни кричал я, чтобы мне помогли, никто не явился. А я с голыми руками — даже маленького ножичка не было. Глянув по сторонам, я увидел под скалой впадину, заполненную водой, и медленно, шаг за шагом, стал подтаскивать к ней тигра. И я, и зверь от неимоверного напряжения были изнурены до крайности. Обильный пот заливал тело, и все же мне удалось дотащить сиволобого до впадины, сунуть мордой в воду. И тигру ничего не

оставалось, как только пить и пить без конца. Вскоре брюхо у него раздулось до отказа, он ослабел совершенно. Тогда я стал хватать камни и палки, изо всех сил бить тигра, пока не забил его до смерти. И опять же, растеряйся я, прояви трусость — не бывать бы мне в живых.

А был еще и такой случай. Наше войско отражало нашествие врага, и я отправился на границу. Однажды конники варваров лавиной хлынули на нашу землю и обрушили на наших воинов дождь стрел. Впереди стояло несколько десятков больших деревьев. Исход сражения зависел от того, кто раньше до них доскачет и укроется за ними. Во что бы то ни стало я со своим отрядом должен был опередить варваров. В бешеной скачке мы домчались раньше врага до деревьев, укрылись среди них. А вражеские конники доскакать не успели и были уничтожены. Победа досталась нам. Вот и тогда, не прояви я расторопности, не прими смелого решения, и гибель моего отряда вместе со мной была бы неизбежна.

Ха Кёндых по службе дошел до чина главы палаты и в свое время прославился как самый доблестный полководец.

ДОМИК ЖИЗНИ

Сангок дружил с Киу, достопочтенным Ли Хэньа. Ли жил у южной стены города, а Сангок — у подножия западной горы, и расстояние между их домами было немногим более пяти ли*. Нередко, взяв в руки посошки, они навещали друг друга либо обменивались письмами со стихами.

Сангок построил у себя в саду маленький флигель — кабинет для занятий — и назвал его «Висэндан» — «Домик жизни». Собрав всех домашних мальчишек, он целыми днями занимался тем, что приготавливал всевозможные лекарства. А достопочтенный Ли сложил о «Домике жизни» такое стихотворение:

*Белы, ровны и плоски
нового домика доски.
Бамбуки, картин искусство
будят большое чувство.*

* Ли — мера длины, равная 0,5 км.

*На ограде ласкает взор
нежная зелень софор.
Ухо ласкает чудесно
иволги звонкая песня!*

Зашел как-то достопочтенный Ли в «Домик жизни». Сангок, выказывая ему всяческое почтение, приказал заварить чай и подать гостю. А в чайнике еще оставалась прежняя вода, и ее долили другой.

— Этот чай заварен на двух разных водах! — едва попробовав напиток, воскликнул Ли.

Оказывается, Ли Киу мог хорошо различать вкус воды. Самой вкусной он считал воду из речки Тальчхон, что протекает в Чхунчжу. На второе место Ли ставил воду реки Учжун, притока Хангана, стекающей с гор Кымгансан. А на третьем у него была вода речки Самтха, бегущей со склона горы Соннисан.

ГАДАЛЬЩИК МОРОЧИТ ГЕОМАНТА

Существует ныне предрассудок, будто шаманы и гадальщики могут слышать с неба голоса, вещающие о делах прошлого и предсказывающие будущее. Таких прорицателей в народе называют «тхэчжа» — «наследники».

Шел в мире слух, что есть один такой тхэчжа по имени Чандык, у которого будто бы имеется книга «Чистейшее зеркало судьбы», по которой он хорошо гадает. Наконец двор потребовал у слепца представить эту книгу. Однако Чандык заявил, что никакой книги у него нет. Слепца посадили в тюрьму, с пристрастием допрашивали, но ничего не добились. Тогда взялся за Чандыка геомант Ан Хёре, и ему только открылся слепец:

— Да, есть у меня книга «Чистейшее зеркало судьбы», — сказал он. — Только хранится она в доме моих родственников-простолюдинов в уезде Убонхён. В ограде того дома с восточной стороны имеется калитка, а перед домом растёт большое дерево. В самом доме находится большой глиняный кувшин, который накрыт маленьким блюдом. Если снять это блюдо и заглянуть в кувшин, то там и можно обнаружить книгу «Чистейшее зеркало судьбы». Если ты туда наведаешься и, встав перед тем большим деревом, выкрикнешь мое имя, то я непременно тебе отвечу!

Хёре поспрашивал у людей о семье Чандыка и выяснил, что у того действительно есть родственники в Убонхёне. Обрадованный Хёре помчался во дворец. Государь приказал Хёре немедленно отправиться в Убонхён в повозке в сопровождении нескольких конных охранников. Проскакав целую ночь, Хёре примчался к описанному Чандыком дому. В самом деле, в ограде имелась калитка, обращенная на восток, а перед домом — большое дерево. Ворвавшись в дом, Хёре увидел большой глиняный кувшин, сбросил с него блюдо и заглянул внутрь. Кувшин оказался совершенно пустым, абсолютно ничего там не было! Хёре кинулся к дереву, выкрикнул имя слепца, но никто ему не ответил!

Очень расстроенный и рассерженный, возвратился Хёре в тюрьму к Чандыку, гневно на него напустился. А тот только и сказал:

— Вечно ты дурачишь людей своими геомантическими вычислениями. А теперь вот и я тебя одурачил!

КИМ АЛЛО

(1481–1533)

Из собрания

«БОЛТОВНЯ ЁНЧОНА, ЗАПИСАННАЯ ОТ СКУКИ»

СТУДЕНТ ЧХЭ И НЕЗНАКОМКА

Недавно неподалеку от сеульских казарм жил некий студент, по фамилии Чхэ. Однажды в сумерки прогуливался он по улицам. Прохожих становилось все меньше. Взошла тусклая луна, осветив окрестности призрачным светом. Разглядеть лицо на расстоянии было трудно, угадывались лишь смутные очертания человека.

И вот на другой стороне улицы Чхэ заметил какую-то женщину. Она стояла неподвижно. Некоторое время они вглядывались друг в друга, а потом Чхэ медленно направился к ней. Ее искусно подкрашенное лицо, изящный узел прически и стройный стан волновали душу. Чхэ, совершенно очарованный, заморгал глазами, руки у него задрожали, и он невольно приблизился к женщине.

— Этой тихой ночью, — заговорил он, — я случайно встретился с вами. Не могу совладать со своим сердцем и потому так недостойно веду себя. Уповаю только на то, что вы вспомните старинную историю о секретаре Хане* и простите мою бесцеремонность!

* История секретаря Ханя — китайское предание о любви юноши Хань Шоу и девушки Цзя У. Хань Шоу в конце III в. служил секретарем у Цзя

При этих словах женщина слегка покраснела. Потом тихо и скромно ответила:

— Кто вы? И почему так пылко разговариваете с женщиной, которую встретили впервые? Право же, мне очень стыдно, но если вы хотите... пожалуйста, проводите меня!

— Конечно, я очень хочу! — безмерно обрадовался студент. — Но что скажут ваши родные? Как осмелюсь я, чужой человек, проникнуть в глубину женских покоев?

— Раз уж я сама позвала, стоит ли вам беспокоиться? — возразила женщина.

И они пошли рядом, касаясь плечами друг друга. Покружив по какому-то извилистому переулку, перешли ручей и подошли к высоким воротам большого, крытого черепицей дома, обнесенного каменной оградой. Женщина велела Чхэ подождать немного снаружи, а сама вошла в дом.

Безлюдно. Из глубины дома не слышно ни звука, и вокруг тишина. Чхэ молча переминался с ноги на ногу, пристально вглядываясь в сумрачные ворота, будто что-то оставил за ними. На душе у него было беспокойно. Через некоторое время появилась молоденькая служанка и, приоткрыв ворота, позвала Чхэ. Следуя за ней, Чхэ прошел через восемь тяжелых ворот. Дом с башенкой наверху поддерживали каменные колонны. Вид его был великолепен. Право, не скажешь, что это творение рук человеческих! В стороне виднелся флигель. Его окна с зелеными рамами и красными, унизанными бисером шторами были чисты и прозрачны и привлекали взор. В дверях флигеля, чуть отступив в сторону, встретила его та женщина.

— Я выжидала, когда в доме уснут, и заставила вас слишком долго ждать. Право, мне очень неловко. Вы, уж верно, подумали, что я испугалась?

Потянув Чхэ за рукав, женщина ввела его в комнату и предложила сесть. Дивные рисунки на ширме и свитках, престные, изящные вышивки на мате и украшения на цинов-

Чуна, сановника государства Цзинь (265—420), и влюбился в его дочь. Молодые люди встречались тайно. В доме Цзя Чуна хранились пожалованные императором благовонные курения для вручения будущему мужу дочери. Цзя У похитила курения, передала их Хань Шоу и Цзя Чуну пришлось выдать за него дочь.

ках — такое он видел впервые. Косметические принадлежности и домашняя утварь — все было необычным. Чхэ был потрясен. Конечно, это не мир людей! Уж не обитель ли это бес-
смертных?

Невольно съежившись от страха, Чхэ не решался даже поше-
велиться. А женщина велела служанке подать вино и закуски. Впервые увидел он столь редкостные яства! Наполнив вином чашу из белой яшмы с ручкой в виде пары драконов, женщина поднесла его студенту, скромно сказала:

— Доля моя — несчастная. Еще ребенком потеряла родите-
лей, а стала взрослой — не имею супруга. С детства меня вос-
питывала только кормилица, и поэтому я не могла как следует
научиться правилам поведения женщины. Когда расцветают цве-
ты и луна становится ясной, погружаюсь я в бесконечную грусть
наедине со своей тенью. А сегодня случайно вышла с подругами
на улицу. Вдруг с грохотом промчалась повозка, запряженная бе-
шено скачущей лошадью. И, спасаясь от нее, я укрылась в пере-
улке. Подруги куда-то пропали, быстро стемнело. Я в растерян-
ности стояла одна, и тут, к счастью, увидела вас. Если бы вы не
сочли для себя зазорным, то, кажется, я могла бы прожить с
вами всю жизнь!

Студент принял чашу и выпил. Он даже не находил слов для
выражения благодарности.

— И за что только Небо послало мне такое счастье! — едва
смог проговорить он.

А женщина все подносила ему вино. Чхэ не отказывался и
пил беспрестанно. Счастливый, он снова и снова повторял, как
ему повезло.

Когда настала третья стража*, Чхэ совсем опьянел и умолк.
Служанка почтительно приняла его пояс и шляпу, повесила на
вешалку, приготовила постель и унесла свечу. Студент сразу же
обнял женщину, и сердца их слились в радости. Будто встрети-
лись влюбленные пчелка с мотыльком и утолили наконец свое
желание! Разве с этим могла сравниться даже та встреча, когда,

* Третья стража — ночное время в старой Корее (с 7 ч вечера до 5 ч утра)
делилось на пять страж. Каждая стража состояла из одного часа (один корей-
ский час был равен двум европейским). Таким образом, третья стража —
время с 11 ч вечера до 1 ч ночи.

как говорится, играли на флейте под луной*? И хотя по водяным часам наступил уже рассвет, их сладостный сон не прерывался.

Но вот над головой вдруг грянул гром, и студент в испуге открыл глаза. Что это?! Он лежит под каменным мостом, вместо подушки — камень. Укрыт он старой рогожкой, а одежда его засунута между опорами моста. Да еще в нос ударяет мерзкий запах!

Всходило солнце. На улице появились люди. Вдруг две телеги, нагруженные дровами, с грохотом въехали на мост. Студент испугался и как помешанный бросился прочь от этого места! Только через несколько дней Чхэ кое-как пришел в себя. Однако покоя он не находил и страстно хотел снова встретить ту женщину. «Это чары злого духа», — догадалась его семья и позвала шамана, который прочел заклинание. Затем попросили лекаря сделать студенту прижигание, перепробовали все и еле-еле сняли с него чары.

А мост, под которым проснулся Чхэ, был Тхэнхёнгё, что находится в нижнем течении реки Кэчхон, в самом центре Сеула. Об этом случае со студентом люди подробно рассказали Тхэчже**.

— Увы! Подобное случается, — вздохнув, молвил Тхэчже. — Это злой дух в образе женщины соблазнял человека. Уродливость он являет как красоту, ложь выдает за правду, зловоние — за аромат, грязную пустошь — за великолепный дворец. Всячески стремится он застать человека глаза, смутить его душу, пробудить похоть. А не имея твердого характера, разве устоишь против его соблазнов?

Если бы даже со студентом, когда он встретил красавицу и влюбился в нее, был рядом человек, который объяснил бы ему, в чем дело, он все равно не поверил бы. А если бы ему захотели помочь против его воли, он рассердился бы и даже мог причинить зло при помощи нечистой силы.

Тогда над мостом был, конечно, не гром, а грохот, сопровождавший превращение злого духа. Однако под небом немало и людей вредных и лживых, не лучше злых духов в образе женщин.

* ...играли на флейте под луной — имеется в виду китайское предание о супругах Сяо Ши и Лун-юй — дочери правителя удела Цинь Мугуна (1001–947 гг. до н. э.). Сяо Ши научил Лун-юй играть на флейте. Однажды, когда они играли вместе, прилетели фениксы и унесли их на небо.

** Тхэчже — псевдоним автора Ким Алло.

А разве мало таких, которые поддаются соблазнам? Поэтому нужно не только освобождать людей от бесовского наваждения и не позволять демонам разных мастей безобразничать среди бела дня, но и не допускать до соблазна таких студентов, как Чхэ, которых много на свете.

СПАС ДЕВУШКУ

Была в провинции Чхунчхондо одна заброшенная кумирня. Постепенно она превратилась в руины. Какой-то старый монах решил починить кумирню и провел там однажды целый день, осматривая ее со всех сторон и прикидывая, сколько понадобится труда и материалов.

Место здесь было глухое. Уже смеркалось, и монаху пришлось остаться на ночь в пустой кумирне. Наступила полночь, в горах было тихо, светила луна и мерцали звезды. Вдруг какой-то мохнатый зверь, держа что-то в зубах, перемахнул через ограду и положил свою ношу посреди двора. Отодвинувшись немного, он сел, съежившись и искоса поглядывая на принесенный им предмет. Затем вытянул хвост, подполз к нему и обнюхал. И вдруг, вскочив на ноги, принялся то носиться вокруг, то лениво кружить около, то перепрыгивать через этот предмет. Он будто забавлялся им, будто любовался. Играл с ним, как ворон с крысой!

Монах, наблюдавший за зверем в оконную щель, догадался, что это был большой тигр, который утащил человека. Тогда он быстро сорвал оконную раму и швырнул ее в тигра. В пустынной горной лощине раздался грохот, будто грянул гром. Тигр испуганно отпрянул и исчез. Вокруг было тихо. Монах спустился во двор, стал разглядывать и ощупывать лежащего перед ним человека. Оказалось, что это была молоденькая девушка, лет шестнадцати. Она уже не дышала, но на теле ран не было. Монах подумал, что девушку, пожалуй, еще можно спасти. Он внес ее в помещение и положил на пол. Затем расстегнул на себе и на девушке одежду, прижался грудью к груди и стал согревать, стараясь вдохнуть в нее жизнь. В таком положении они пробыли с рассвета до полудня. Мало-помалу тепло стало возвращаться в тело девушки, а на закате солнца она уже дышала. Монах

радовался от всей души. Он напоил ее рисовым отваром и принялся лечить всеми средствами.

Через несколько дней девушка пришла в себя, рассказала, откуда она и чья родом. Оказалось, что дом ее находится в провинции Чолладо — более чем за сто ли от этой кумирни. Тигр унес ее вечером, прямо со свадьбы, а сюда притащил около полуночи. Можно себе представить, как быстро он бежал!

Монах привел девушку в ее деревню, оставил у околицы, а сам, под видом нищего, постучался к ней в дом. А там уже пригласили шаманку, чтобы призвать душу девушки, которую считали погибшей. Шаманка печально пробормотала, что душа умершей девушки уже здесь и ведет себя так, будто ищет свое тело. Значит, объявила она, девушка была съедена тигром! Родители и родственники девушки огласили дом горестными воплями.

А в это время девушка тихонько вошла в ворота. Родители сначала даже не узнали ее. Не сразу поняли, что это их родная дочь. А затем со слезами бросились к ней, стали обнимать и ласкать ее. Уж потом только услышали от нее все подробности. Много и горячо благодарили они монаха за спасение дочери. Девушка оказалась из хорошей семьи. Вести хозяйство ей не приходилось. Она, как говорится, не тратила время на колодец и ступку. Люди в округе восхищались ее красотой и благовоспитанностью.

Монах спас ее потому, что усердно лечил, потому что был добр и чист душой. Он не постыдился прижаться к голой груди девушки. Должно сказать, что такой монах был поистине милосерден и, освободившись от мирских страстей, свято исполнял буддийские заповеди.

ЛИ ЧЕСИН

(1536—1583)

Из собрания

«ПУСТЯКОВЫЕ ИСТОРИИ ЧХОНГАНА»

ЖЕНИТЬБА ПХУНСАНА

У правителя уезда Пиан родился сын-уродец. Имя ему дали Пхунсан. Ростом он был так мал — ну, просто карлик, что выступает на представлениях уличных актеров! И хотя правитель Пиана был царского рода Ли, где бы он ни сватал девушку для сына, неизменно получал отказ.

Он не мог женить сына обычным путем и однажды устроил помолвку с девушкой из одной семьи обманом. Обрядив Пхунсана в костюм жениха, отец отправил его в дом невесты со свадебными подарками. Там обман, конечно, обнаружили и хотели было прогнать Пхунсана. Но тот сразу же снял свое жениховское платье и твердо решил не уходить.

В доме невесты ломали головы, как бы снова заставить его надеть свадебный наряд и выставить вон. Собралась вся семья. Но, как ни старались, ничего придумать не могли. И вот один родич-хитрец стал вдруг хвалить Пхунсана, что он-де человек благовоспитанный и порядочный, из благородной семьи и знает правила этикета. Смутив этими похвалами наивную душу Пхунсана, родич привел его на женскую половину дома.

— Экое счастье семье привалило, — сказал он Пхунсану, — такого прекрасного зятя заполучили! Но вот какое дело. Бабушке нашей восемьдесят лет. Солнце ее жизни садится уж за горы

на западе. Не много дней осталось ей пользоваться всеобщим почетом. Как раз в то время, когда ты пришел, и вся семья восхищалась твоим видом и манерами, бабушка выходила по своей надобности. И только она одна, к сожалению, не видела твоего великолепия. Не наденешь ли ты для нее снова то платье, в котором пришел?

Юный карлик от неожиданных похвал так возгордился и обрадовался, что тут же снова облачился в свой жениховский наряд. Тогда, не теряя времени, один здоровяк посадил Пхунсана себе на плечи, вынес его со двора и сбросил на большой дороге. Затем крепко запер ворота. Обратно Пхунсана уже не впустили.

Карлику ничего не оставалось делать, как темной ночью возвращаться к себе домой. Усталый, он подошел к своим воротам. Старый слуга шил в людской, прибавив огонь в светильнике.

— Вот настал день, — бормотал он себе под нос, — когда и господин Пхунсан оженился!

— Я пришел обратно, — прерывающимся голосом сказал карлик, услышав под окном эти слова.

Старый слуга вышел со свечой за ворота и видит: да это же сам Пхунсан!

Поэтому теперь, если какое-нибудь дело не удастся, люди говорят: «Это как женитьба Пхунсана!»

О СУККВОН

(XVI в.)

Из собрания

«РАЗНЫЕ ИСТОРИИ В СТИЛЕ БАЙГУАНЬ*»

БЕССЕРДЕЧНЫЙ КАБАН

У буддистов за большую добродетель почитается милосердие. Они никогда не убивают животных.

Однажды некий монах, побиравшийся в провинции Хванхэ-до, столкнулся с диким кабаном, которого преследовали охотники. Разъяренный кабан выскочил неожиданно, а монах тут же подошел к нему и, тыча посохом на юг, воскликнул:

— Ай, беда! Ай, беда! Скорее беги в ту сторону!

Но кабан набросился на него и прикончил на месте.

КИМ СИСЫП** РУГАЕТ СТИХИ

Однажды, гуляя в уезде Ёндон, Ким Сисып добрался до Янъяна. Там в беседке увидел он чьи-то стихи, написанные по-китайски.

* Байгуань — в Китае так назывались чиновники низкого ранга. В обязанности этих чиновников входило собирать сведения о нравах и обычаях простого народа, «беседовать на улицах и слушать на дорогах», а затем записывать. Собрания этих записей впоследствии легли в основу литературного жанра, который так и назывался «байгуань вэньсюэ» — литература мелких чиновников. Корейские литераторы использовали в названиях своих сочинений уже готовый китайский термин.

** Ким Сисып (1435–1493) — известный корейский поэт и прозаик.

— Какой щенок написал тут эти дрянные стихи? — сердито выругался он.

Дочитав до середины, промолвил:

— Впрочем, здесь есть кое-какой смысл!

А дочитав до конца и заметив имя поэта, воскликнул:

— Да ведь эти стихи написаны самим Квидалем!

А Квидаль — это Хамхо Хон*.

КРУГЛЫЙ ДУРАК

Великий князь Чеан, сын короля Йечжона**, был очень глуп. Как-то сидел он у своих ворот и увидел нищего, который просил проса.

— У него нет проса, — сказал Чеан своему слуге, — но ведь он мог бы поесть медовых блинчиков!

По его словам выходило, будто у нищего есть все, кроме проса.

Опять же он оскандалился однажды с женщиной. Это случилось оттого, что за всю жизнь он так и не познал человеческого дао. Сонмё***, сетуя на то, что у Йеджона не будет потомков, как-то сказал:

— Если бы кто-нибудь помог Чеану познать, как говорится, «путь естественности», то он заслуживал бы награды!

Одна фрейлина решила попытаться и отправилась к Чеану в дом. В полночь, когда Чеан крепко уснул, она сумела сделать так, что они соединились. Но тут Чеан вдруг проснулся, вскочил с испуганным воплем и принялся тщательно умываться. При этом он кричал, что его осквернили.

А в годы правления под девизом Чжэн-дэ**** Ведомство царских одеяний ввело для ношения пояс, украшенный пластинками из рога носорога. Пояс был изумительно красив, и Чеан, при-

* Хон Хамхо (псевд. Квидаль, 1438–1504) — известный поэт и государственный деятель.

** Йечжон — корейский государь, правил в 1469 г.

*** Сонмё — посмертное имя государя Сончжона. Правил с 1470 по 1494 гг.

**** Чжэн-дэ — девиз правления китайского императора У-цзуна (1506–1521) династии Мин. Китайские императоры, а также корейские государи годам своего правления давали названия — девизы правления.

сутствуя однажды на приеме в государевом дворце, надел его себе на талию.

— Очень прошу пожаловать мне этот пояс! — взмолился он после приема.

Государь Чунмё* рассмеялся и пожаловал. Кое-кто может сказать: неправда, мол, что Чеан был глупцом. Но если слынешь умным и добродетельным только потому, что производишь из государева рода, то — хоть и говорили в древности, что человек всегда скрывает свои недостатки, — твоя слава не будет долговечной.

Что же касается отношений между мужчиной и женщиной, то они — от природы. Нельзя подавлять это человеческое чувство. И если кто-то не сближается с женщиной, считая это страшным грехом, разве он не настоящий дурак?

* Чунмё — посмертное имя корейского государя Чунчжона. Правил с 1506 по 1544 гг.

КВОН ЫНИН

(XVI в.)

Из собрания «ЗАМЕТКИ СОНГЕ»

ОСТАЛСЯ В ДУРАКАХ

В конфуцианском училище, что находилось в южном округе столицы, был один ученый. Всякий раз, как встречал он какого-нибудь студента, прибывшего учиться из провинции, презрительно обзывал его пхосоном.

И вот встретил он однажды некоего студента из Хансана, который только что поступил в школу.

— Эй, пхосон! Ты откуда взялся? — спросил у него этот ученый.

А студент вдруг поспешно распростерся на земле перед ним и воскликнул:

— Ой, что вы говорите? Я этого не вынесу!

— А что ты так удивляешься? Почему не вынесешь-то? — спросил тот.

— Да ведь у нас в деревне, — ответил студент, — внебрачные дети так называли своих отцов!

Ученому стало так стыдно, что он убежал.

Я и сам не знаю толком значения слова «пхосон». Пожалуй, это жаргонное словечко, которым дразнят провинциальных студентов.

НА ПЕРЕПРАВЕ ПЁННАНДО

Когда лодка пересекает реку на переправе Пённандо, ее трясет на жестоких волнах, будто корзину для веяния риса, и, кажется, она вот-вот перевернется. Однажды в лодке раздались испуганные голоса:

— О всемогущий Будда! — закричал монах.

— Изыди, изыди, нечистый! — завопил слепец.

— Да здравствует государь! — пропищала гадалка.

— Личжунтан, личжунтан! — забормотал китайский лекарь.

Лодка, к счастью, не потерпела крушения и благополучно пристала к противоположному берегу. Какой-то почтенный человек на берегу спросил:

— Ну, монах, слепец и гадалка прокричали то, что они кричат всегда, когда чего-нибудь просят. Но почему китайский лекарь воскликнул «личжунтан»?

— Да потому, — ответил сам лекарь, — что личжунтан — лучшее средство при поносе!

Проняла-таки лодка живот человеческий! Все, кто слышал это, схватились за животы и принялись хохотать.

ЛИ КИ

(1522—1600)

Из собрания

«РАЗНЫЕ ИСТОРИИ СОНВА»

ЧО ПОПАДАЕТ В БЕДУ

В окрестностях горы Пёнсан, что в провинции Хонам, жил Чо, сдавший экзамен на чин. Один сосед-корзинщик занял у него деньги и долго не мог отдать их. Однажды корзинщик пошел к подножию горы нарезать ивовых прутьев. Вдруг он увидел огромного тигра, который лежал под скалой, вытянув все четыре лапы. Обычно, когда тигр съедает собаку, он будто пьянеет и мирно спит. Корзинщик тут же вернулся и сказал Чо:

— Я только что нашел в горах убитого тигра. Так вы возьмите его, пожалуйста, в счет долга, который я не могу вернуть!

— Ах! — засуетился обрадованный Чо. — Скажи, если его потащат волоком, не попортят ли шкуру?

По совету корзинщика он велел сделать большие носилки и, прихватив с собой пять-шесть слуг, отправился в указанное место. Приблизившись, Чо на четвереньках взобрался на скалу, под которой спал тигр. Он сел, перегнулся вниз и стал глядеть на зверя. А слуги подошли прямо к тигру и с грохотом сбросили носилки на землю. Тигр вскочил, как ужаленный, огласил долину гневным рыком, взметнул песок и, ломая ветви, умчался в горы. А Чо в беспамятстве рухнул вниз со скалы, изранив себе все лицо и руки!

Оказалось, что он даже не может сесть на лошадь. В конце концов ему пришлось лечь на носилки, которые он приготовил для тигра! Таким манером он и возвращался домой. Стояла уже весна, и Чо был одет в желтое холщовое платье. Его сыновья, выйдя за ворота, увидели эту процессию издали и приняли своего собственного батюшку за тигра! Они указывали на него пальцами, радостно переглядывались, кричали даже, что тигр, оказывается, не полосатый, а весь желтый. Они побежали навстречу и тут только обнаружили, что на носилках лежит не тигр, а их отец, стонущий от ушибов!

Весь дом переполошился, а Чо заперся у себя и только через несколько лун, перепробовав все лекарства, поднялся на ноги. Разве это не хороший урок жадному человеку?

НЕЧИСТАЯ СИЛА

В Сеуле, у Малых Южных ворот, в семье одного ученого конфуцианца жила вдова. В особом деревянном сундуке у нее было припрятано огромное богатство, сохранившееся еще от предков: драгоценности, шелка — тонкие, атласные, узорные, украшения из раковин и еще много всякой всячины. Сундук этот, емкостью в десять сом*, был окован железом, закрыт на замок и крепко обвязан веревками. Закрывать надежнее его было уже невозможно. Стоял он на верхнем этаже, в самом дальнем углу.

Прослышали об этом сундуке воры и задумали украсть его. Но такой тяжелый сундук ведь не унесешь, можно похитить только его содержимое. А открыть — тоже никак нельзя. Ничего придумать не могли воры, только переглядывались да слюнки пускали.

Но вот некий вор смастерил более десятка больших и малых ключей. Выбрав время, когда вдова и вся челядь крепко уснули, он с несколькими своими подручными перелез через ограду и проник в дом. Перебрав все ключи, воры в конце концов открыли драгоценный сундук и вытащили оттуда все. Затем главарь шайки надел на себя медвежью шкуру, влез в сундук, приказал своим

* Сом — мера сыпучих тел, равная 80 кг.

подручным снова замкнуть его и обвязать веревками. Словом, сделать все как было, а самим уйти.

Сидя в сундуке, вор стал царапать ключом — будто скребется или грызет что-то крыса. Слуги слышали эти звуки, доложили хозяйке. Когда зажгли свечи и открыли сундук, оттуда вдруг с рычанием выскочил медведь! Слуги, бросив светильники, попадали на землю. А вор в медвежьей шкуре, подражая зверю, носился всюду, размахивая лапами. Он то спускался во двор, то снова заходил в дом и при этом рычал не переставая. Все в доме были полумертвыми от страха. А вор, побродив так еще немного, выпрыгнул в окно и сбежал.

Когда рассвело, снова заглянули в сундук. Он был совершенно пуст. «Наверно, мое добро превратилось в злого духа!» — подумала вдова. Она призвала шаманку и слепца и попросила их прочесть заклинание. Она хотела только отвести от своего дома новую беду и совсем не догадывалась, что это проделка воров. А они, как видно, были не простые воришки, а настоящие, хитроумные воры.

НЕ УСТУПИЛА ТИГРУ

Если пройти примерно десятка три ли на юго-запад от города Вончжу, что в провинции Канвондо, можно попасть в деревушку Купха. Несколько лет назад откуда-то забрела и поселилась здесь некая супружеская пара. Однажды ночью, в одиннадцатую луну года кабин* при государе Мёнчжоне**, тигр разломал дверь и ворвался к ним в дом. Он убил хозяина и пытался утащить его тело. Жена выскочила вслед за тигром, громко закричала. Но вокруг была тишина, ни один человек не отозвался. А тигр все тащил ее мужа. Тогда женщина крепко обхватила мужа за поясницу, и тигру пришлось протаскивать через дыру в изгороди их обоих.

— Ты убил моего супруга, — кричала женщина, изо всех сил колотя тигра кулаком, — но тело его я тебе не отдам!

* Кабин — по циклическому летосчислению 51-й год 60-летнего цикла.

** Государь Мёнчжон правил с 1546 по 1567 гг.

До самого рассвета боролась она с тигром. То тигр перетягивал ее, то она перетягивала тигра. А когда настал день, зверю ничего не оставалось, как бросить свою жертву и скрыться. Женщина позвала соседей, похоронила мужа и, распродав хозяйство, совершила жертвоприношение. После этого жила наедине со своей тенью, храня верность мужу. Из деревни не сообщили в управу о подвиге этой женщины, достойной сравнения с добродетельными женами древности. Поэтому она не была удостоена награды. Никто не знал, откуда она пришла и куда скрылась.

ЛИ ТОКХЁН

(1561–1613)

Из собрания

«БЕСЕДЫ НА ДОСУГЕ У БАМБУКОВОГО ОКНА»

ОПОЗОРИЛСЯ

Сок Кёниль служил гражданским чиновником в Ённаме. Это был человек недалекий и простоватый. С детства он ушел с головой в учение. Решил каждый день выучивать по сотне иероглифов и прекращал занятия только после того, как повторит их тысячу раз. Так провел Кёниль более десяти лет. Иероглиф за иероглифом прошел он от начала до конца «Четырехкнижие» и «Три канона»*, свободно мог прочесть их и понять. В результате он выдержал экзамен по китайским классическим сочинениям. Успешно продвигаясь по службе, Кёниль вскоре стал секретарем в конфуцианском училище и одновременно занимал должность учителя. Однажды на рассвете убежала его лошадь. Кёниль испуганно вскочил с постели. Лошадь надо было быстро поймать. Впопыхах он набросил на голое тело красный халат своей жены, нахлобучил на голову ее ночной чепец и помчался вдогонку за лошадью. А лошадь прискакала на двор училища.

Когда Кёниль добежал до училища, уже совсем рассвело. В таком виде он не мог ни войти туда, ни вернуться домой. Его

* «Четырехкнижие» и «Три канона» — названия книг конфуцианского канона.

ждал позор. В замешательстве стоял Кёниль перед воротами, как вдруг вышел школьный писарь. Глянул он — да это учитель Сок!

— Господин наставник, — воскликнул писарь, пораженный непристойным видом Кёниля, — да что же это такое! Среда бела-то дня! Люди ведь смеяться будут. Извольте подождать немного, я принесу из дома чиновничье платье, и вы сможете вернуться к себе!

И Кёниль остался на улице в женском халате и ночном чепце, даже без штанов и босой. Помереть со стыда можно! «О! О!» — стонал он, не подымая глаз. А его уже окружили зеваки. «Сумасшедший! Сумасшедший!» — кричали они и показывали на него пальцами.

Наконец явился писарь, обрядил Кёниля в чиновничью одежду и отправил домой. Об этом случае, конечно, узнали все служившие в училище. Они стали всюду о нем рассказывать, рисовать Кёниля в непристойном виде, сделали его посмешищем. И карьера его была испорчена.

ГНЕВ БУДДЫ

Ха Кёнчхон происходил из семьи, не имевшей ни должностей, ни большого достатка. Однако был он силен духом, во всяком деле проявлял смелость и упорство. Кёнчхон дружил с ныне уже покойным Сон Ку. Они выросли в одной деревне. Когда дед Сон Ку был назначен правителем в Анджу, он взял с собой и его, и Кёнчхона. Вскоре юноши отправились в Ёнбён для обучения в буддийском монастыре. В этом большом и знаменитом в провинции Квансо монастыре было очень много монахов.

У одного ёнбёнского чиновника из управы, несметно богатого, не было сына. Решив сына вымолить, он объявил, что намерен произвести большое моление перед Буддой и сделать богатые жертвоприношения. Все монахи провинции — мужчины, и женщины, старые и молодые, даже из соседних уездов, — услышав эту новость, захотели во что бы то ни стало полюбоваться великим зрелищем. Наперегонки устремились они к месту моления. Вся округа была наводнена людьми.

Настала ночь, когда должно было совершиться моление. Делались последние приготовления. И вот Кёнчхон, этот юнец, взял да и спрятался под изваянием Будды. Когда совсем стемнело и стихли человеческие шаги, он осторожно вышел из своего убежища, исцарапал и изрезал ножом лицо Будды, выковырял ему глаза. Затем вернулся к себе и, как ни в чем не бывало, лег спать. Сон Ку был рядом, но даже он ничего не заметил.

Была, пожалуй, уже полночь. Молельщик и монахи хлопотали вовсю. Они совершили омовение и переоделись. Вот уж звон колокола и песнь «Хвала Будде» сотрясли горную долину. Ярко запылали факелы и свечи. Стало светло, как в полдень! И тут все увидели изваяние Будды. Изрезанное, изуродованное, вид оно имело ужасный. Уши, глаза, рот и нос были обезображены, на туловище зияли дыры. Торчал лишь бесформенный ком глины, глядя на который невозможно было понять, что это такое!

Монахи переглянулись и зарыдали от страха. У супругов-молельщиков перехватило дыхание. Они тоже горько рыдали, не в силах уразуметь, что случилось.

— Большая беда для храма, — сказал старый монах. — Ясно, что это сделал разгневанный Будда!

Монахи посетовали, что супруги-молельщики зря потратились на такие богатые жертвоприношения, убрали изображение Будды и моление отменили совсем.

Более десяти лун прожили юноши в Анджу, а Кёнчхон не сказал даже Сон Ку о своем поступке. Рассказал он ему об этом, только когда они отправились в Сеул. Вот каковы были его смелость и выдержка!

ЗМЕЙ МОНАСТЫРЯ ХВАЧЖАНСА

В большой скале за монастырем Хвачжанса была пещера. Никто не знал ее глубины. В пасмурные дни из пещеры вырывались клубы синего пара и медленно таяли в воздухе. По словам старых монахов, то дышал большой змей, свернувшийся в глубине пещеры. Сначала люди им не верили. Но однажды, когда кончился затяжной дождь, и вовсю палили горячие лучи солнца, из пещеры осторожно высунуло голову какое-то существо и

стало осматриваться. По виду голова напоминала кошачью, но была покрыта поблескивающей чешуей. К пещере слетелись сойки и другие птицы. Кружа в воздухе, они подняли гвалт. Перепуганные монахи не решались подойти поближе и рассмотреть это странное существо. И только когда из пасти этого необычайного создания высунулся тонкий извивающийся язык, все поняли, что это огромный змей!

С тех пор монахи, заболевшие лихорадкой, подавив страх, стали подходить к пещере. Удивительно, что, посидев немного у входа в пещеру, они выздоравливали. И люди поверили, что этот змей — чудотворный. Новость распространялась все шире, доверчивые жители из ближних и дальних мест приходили сюда вымаливать исцеление. Всегда приносили они с собой хлеб и хорошую еду. Били в барабан, змей выползал и все съедал. Для людей это стало обычным делом. Так прошло лет пятьдесят.

И вот как-то раз начальник военного гарнизона Пак из Чандана проезжал это место на своем резвом скакуне. Он увидел одну деревенскую старушку с больным ребенком на руках, которая поклонялась змею. Змей высунул голову и сожрал принесенную ему еду. Пак очень удивился и почувствовал отвращение. Он выхватил стрелу с белым оперением, прицелился в голову змея, выстрелил и убил его. Монахи страшно перепугались. Они подошла к мертвому змею, стали в растерянности ему кланяться. А начальник гарнизона, ничуть даже и в лице не переменившись, вскочил на коня, взмахнул плетью и ускакал. Так искоренил он зло в монастыре Хвачжанса.

Прошло после того более десятка лет. Пак, послужив во многих уездах и состарившись, возвращался домой с несколькими сопровождающими. По пути он снова заехал в монастырь Хвачжанса. Седые волосы его развевались, вид он имел величавый. Приглядевшись к Паку, монахи спросили у его слуг:

— Этот старец не тот ли самый начальник военного гарнизона, который когда-то убил змея?

И, услышав в ответ, что это он самый, монахи переглянулись. Они с жаром заговорили о нем, восхищаясь его былым подвигом.

— Около этого храма, — сказал Пак, оглядев сидящих людей, — некогда жил прожорливый змей. Я убил его с одного выстрела. Монахи думали, что со мной непременно стрясется беда.

Но я жив-здоров и чины имею большие. Разве может такое ничтожное существо, как змей, давать человеку счастье или несчастье? Наоборот, как видите, счастлив тот, кто убил вредного змея. А страх глупых монахов был поистине смешон!

Все — и гости и монахи — с одобрением слушали его. Кто такой был гарнизонный начальник Пак, какова его история — неизвестно. Но был он, конечно, человеком многомудрым и выдающимся. Он не поддавался суевериям своего времени. Слышал я, что сыновья и внуки его процветают, что сейчас у них большие семьи.

ЧХА ЧХОЛЛО

(1556—1615)

Из собрания

«ЛЕС РАССКАЗОВ ОСАНА»

ДВЕ ЖЕНЫ ЮНСОНА*

Хон Юнсон был назначен главнокомандующим в Хонам. И вот прослышал он, что в городе Чонджу у некоего богатого и знатного горожанина — три дочери-красавицы, Юнсон сразу загорелся желанием сделать одну из них своей наложницей и написал об этом губернатору Хонама. Правитель Чонджу, узнав от губернатора о замысле Юнсона, приказал приготовить для него помещение в своем доме. Затем губернатор и правитель уезда вызвали отца девушек и, сообщив ему о письме Хон Юнсона, сказали:

— Если ты откажешь ему, твоя семья лишится состояния и погибнет. Да и нам не поздоровится. Живо возвращайся домой и приготовь все для брачной церемонии!

Горожанину ничего не оставалось делать, и он ушел.

— Вот нарожали дочерей, — плакали они с женой, — а теперь от них семье только вред один.

Младшая дочь спросила, о чем они так тужат. Но отец ответил, что это, мол, не ее ума дело.

* Хон Юнсон (1390—1440) — корейский военачальник и государственный деятель. Известен необычайной жестокостью.

— Если дело касается всей семьи, — возразила девушка, — то почему же сыновья и дочери не должны о нем знать?

И тогда отец с горечью рассказал ей, что случилось.

— Так это же легко уладить, — сказала дочь. — Я знаю, что ответить Хон Юнсону. Пожалуйста, не тревожьтесь!

К приходу Юнсона девушка надела свои лучшие украшения и встала у внутренних ворот. Вошел Юнсон, одетый в военные доспехи. Девушка приветствовала его, сложив руки. Глянул Юнсон — ну и красавица!

— Вы, достопочтенный, — с поклоном сказала она, — были министром, а теперь вот стали главнокомандующим. Но и я происхожу из семьи, очень уважаемой в уезде. Слышала, будто хотите сделать меня своей наложницей. Разве это не унижительно для меня? Другое дело — стать вашей женой. Тут бы я не задумалась. А наложницей не стану, хоть убейте! Не захотите же вы стать виновником моей смерти?

— Чисто женские речи! — засмеялся Юнсон и с поклоном удалился.

Вскоре он отправил секретное письмо государю Кванмё*, в котором говорилось: «У меня, вашего верного слуги, жена очень глупая и жадная. Давно уже хотелось бы ее заменить. А ныне прибыл в Чонджу, встретил девушку умную и красивую. Прошу позволения взять ее в жены. Почтительно жду решения вашего величества». Государь ответил: «Поступай как хочешь. Почему ты непременно должен спрашивать у меня?»

Юнсон подготовился к брачной церемонии и женился.

После смерти Юнсона первая и вторая жены стали спорить, кто — законная жена, кто — наложница, и долго не могли разобраться.

— Однажды, — заявила как-то вторая жена, — прежний государь во время высочайшего выезда остановился в нашем доме и велел мне принести вина. В государевой канцелярии непременно имеется подневная запись, и там, конечно, сказано, что вино приносила именно супруга! Разве там речь идет о наложнице?

Она просила показать ей этот документ, и там действительно было написано: «В такой-то год, луну и день государь во время

* Кванмё — посмертное имя государя Кванхэгуна. Правил с 1609 по 1623 гг.

высочайшего выезда остановился в доме Хон Юнсона, где был устроен прием, и во время угощения государь велел послать супругу Юнсона за вином».

Так было и доложено здравствующему государю. Государь повелел: «Вторую жену считать законной!»

Рассказ об этом я слышал от посыльного южного гарнизона Сип Нипа.

ДЕВИЧЬЯ ЧЕСТЬ

Во время правления государя Сонмё один придворный женился вторым браком на дочери некоего сановника.

— Невеста оказалась не девственницей! — три дня спустя доложил он государю и просил разрешения прогнать ее.

Сонмё, однако, усомнился и приказал старой лекарке осмотреть девушку.

— Раздела девицу, осмотрела ее, — доложила лекарка. — Золотое девство у нее не нарушено, куриный глазок должным образом цельный. За это ручаюсь!

Сонмё остался глубоко удовлетворен, богато одарил старуху и повелел:

— Так вот. Мужу и жене жить вместе. Что же касается виноватого, то девушка очень молода, а мужчина был пьян и не разобрал, что к чему!

Как хорошо, что Сонмё усомнился в словах придворного и призвал лекарку: семья девушки избежала дурной славы!

ЛЮ МОНИН

(1559—1625)

Из собрания

«ПРОСТЫЕ ИСТОРИИ, ЗАПИСАННЫЕ ОУ»

ЛИМ ЧЕ ЯВИЛСЯ НА ЧУЖОЙ ПРАЗДНИК

Известно, что Лим Че был весьма благовоспитанным человеком. Но однажды в юности с ним произошел такой случай. Он шел со своим другом по улице и заметил, что в доме некоего министра происходит большое празднество. Лим Че был совсем не знаком с хозяином дома, даже в лицо его ни разу не видел. И вдруг он говорит своему приятелю:

— Я еще с давних пор дружен с хозяином этого дома. Нельзя же пройти мимо. Не хочешь ли и ты зайти вместе со мной?

— Да, конечно, хочу! — ответил приятель.

— Только ты подожди немного у ворот. Сначала войду я, а потом позову тебя!

Приятель остался стоять у ворот, а Че спокойно вошел в дом, поздоровался с хозяином и гостями и молча сел с краю. Когда чарка с вином обошла три-четыре раза по кругу, один из гостей шепотом спросил хозяина:

— А что, этот человек — ваш друг?

— Нет, — ответил хозяин и также шепотом стал спрашивать у гостей: — Это ваш друг? Это вы привели его?

— Нет, нет, — отвечали один за другим гости.

Так, пошептавшись друг с другом, хозяин и гости выяснили наконец, что Че — человек совсем посторонний. Переглядываясь

между собой, они стали над ним подсмеиваться. И тогда только Че открыл рот:

— Господа! Вот вы надо мной смеетесь, а ведь есть человек, который находится в еще более смешном положении. Он давно уже стоит за воротами, глядит с завистью мне в рот да только и мечтает, как бы поскорее выпить и закусить!

При этих словах и хозяин, и гости громко расхохотались. Тут пошли рассказывать разные истории, а узнав, что перед ними знаменитый ученый муж, пригласили и его приятеля. До глубокой ночи все весело развлекались. А приятель, который так долго прождал за воротами, так никогда и не узнал, что был обманут.

СУДЬБА ЧИНБОК

Чинбок была дочерью наложницы первого министра. Она сбилась с пути, и теперь уж вряд ли кто-нибудь знает, чья она дочь и как ее звали. Когда Чинбок была еще грудным ребенком, мать нежно любила ее, просто с рук не спускала. Очень любил девочку и отец, первый министр.

Однажды позвал он гадалку и попросил предсказать судьбу дочери.

— Если девочка останется у родителей, — заявила гадалка, — то с ней произойдет несчастье. Нужно отдать ее кому-нибудь на воспитание!

А в те времена в Сеуле, в переулке Чикчжори, жила одна богатая старуха. Она была дружна с матерью Чинбок, по праздникам посылала ей в подарок разные вещицы, и виделись они часто. Детей у старухи не было. И вот рассказала ей как-то наложница министра о предсказании гадалки и попросила взять Чинбок на воспитание. Старуха с радостью согласилась. Она сказала даже, что будет считать девочку своей приемной дочерью и оставит ей все свое состояние. И очень довольная, что так обернулось дело, женщина отдала этой старухе свою Чинбок.

Прошло время, Чинбок исполнилось шестнадцать лет. Личико ее, словно цветок, было прелестно, гибко и строен был стан. Старуха любила ее как родную дочь. Однако многочисленные родственники старухи вознегодовали. Каждый из них тайно на-

деялся, что богатая бездетная старуха примет на воспитание его ребенка. А она взяла совершенно чужую девочку! Злобно кривили они губы, исподволь строили всякие козни, стараясь нарушить доброе согласие между Чинбок и старухой. Уж они пытались повлиять на старуху лестью, сладкими ублажали речами, но та и слышать ничего не хотела.

И вот тогда замыслили они погубить Чинбок. Как-то зашел к ней один из них, самый велеречивый.

— Некий молодой чиновник, — сказал он Чинбок потихоньку, — чиновник из государственной канцелярии, проходил на днях перед домом барышни, заметил ее у ворот и потерял сердце. «Чья же это красавица? — в восторге говорил он. — Вот уж ничего не пожалел бы, чтобы назвать ее своей второй женой. Если бы она согласилась, то в самом скором времени прислал бы я за ней лошадей!» Другой такой случай не представится. Старуха-то ведь жадна до денег. Она и не собирается выбрать в мужа для барышни образованного юношу. Хочет выдать ее за сына купчихи и всю ведет переговоры о браке. Но может ли дочь первого министра стать женой торговца? Миновал уже год шпилек, и пора барышне хорошенько подумать о своем будущем!

А Чинбок очень смутилась и ничего не ответила. Однако эти слова запали в ее наивную девичью душу. К тому же родственник старухи с тех пор стал часто заходить к ней и искушать ее снова и снова. Юная душа Чинбок пришла в смятение. Видя, что ее родная мать, наложница первого министра, богата и пользуется почетом, она подумала, что не лучше ли и ей выбрать тот же путь. В конце концов эта мысль овладела ею, и она поддавалась уговорам.

И вот однажды Чинбок сказали, что лошадь чиновника ждет ее в переулке. Чинбок тщательно подкрасилась и припудрилась, нарядилась в новое платье. Дождавшись темноты, она вышла из дома и села на лошадь. Вместе с провожатым по извилистому переулку выбрались они на широкую улицу и вскоре подъехали к какому-то дому. Высокие ворота были распахнуты настежь.

Чинбок спешила у деревянной ограды и в сопровождении своего спутника прошла через широкий двор. Здесь в большом пруду зеленели лотосы. На берегу стояла беседка, обнесенная красной оградой. Она была пуста. На верхней площадке виднелась ширма. Провожатый отвел девушку за ширму и скрылся.

А через некоторое время в беседку ворвался какой-то мужчина. Был он бос и одет в холщовую одежду. Волосы его были всклокочены, а огромная бородаща развевалась, что лошадиная грива. Грубо набросившись на Чинбок, он вволю натешился ею и ушел. Как ни отбивалась она от него, как ни звала на помощь — все было напрасно!

Чинбок выросла в глубине девичьих покоев и никогда не уходила дальше ворот своего дома. Откуда и куда ведут тысячи улиц и переулков столицы? Сама она не могла отыскать свой дом, а спросить было не у кого. Долго плутала Чинбок по городу, потом остановилась на обочине дороги и заплакала. Когда настал наконец день, она спросила у какого-то человека, кому принадлежит тот дом, где ее обесчестили. Оказалось, что это Верховный суд, а негодяй с растрепанными волосами — тамошний служитель.

Солнце уже садилось, когда она вернулась домой.

— Что же ты скажешь нашему министру? — в отчаянии спросила у нее старуха.

А министр, узнав, что случилось, от Чинбок отказался. Опозоренная, всеми отвергнутая, она попала в безвыходное положение. Ну, что делать? Ведь в конце концов нельзя же исправить того, что с нею случилось! И Чинбок стала кисэн, всю жизнь не имела мужа, скиталась то здесь, то там и умерла в нищете.

Увы! Ведь не всегда же Чинбок была падшей! Как несправедливо, что из-за одной ошибки женщина должна терпеть позор и бедствия всю жизнь. Жестокие нравы, зависть и ложь делают человека бесконечно несчастным. Разве это не страшно?

«ВЕРНОЙ ЖЕНЕ»

Некий сеульский военный сановник имел усадьбу в Мильсоне и часто разъезжал между уездами Сонджу и Санджу. Но в пути он всегда останавливался на ночлег в доме одного почтенного ученого, с которым был очень дружен. Но вот случилось так, что в течение четырех-пяти лет сановник не смог ни разу съездить в Мильсон из-за неотложных дел. Когда ему наконец удалось туда отправиться, он поспешил к своему старо-

му другу. Однако оказалось, что тот уже три года как умер. Было поздно, другого места для ночлега сановник не знал, и, развязав свой дорожный мешок, он решил хоть немного отдохнуть здесь.

А жена ученого, как только услышала у себя в покоях, что прибыл друг ее покойного мужа, горько расплакалась. Она приказала слуге прибрать флигель для гостей и предложила ему переночевать.

Сановник вспоминал о своем друге, его одолевали разные думы, и он не мог уснуть до глубокой ночи. С северной стороны флигеля возвышалась ограда, во дворе густо разросся бамбук, образовав небольшую рощицу. Тускло светила луна. Вдруг он услышал шорох и заметил, что меж деревьев кто-то ползет. «Либо тигр, либо барсук!» — подумал он и, притаившись, стал наблюдать. И тут, к своему великому изумлению, он увидел: какой-то монах воровато высунул голову из-за деревьев, внимательно огляделся, потом вдруг вскочил на ноги и вбежал прямо в женскую половину дома!

Стараясь не шуметь, сановник последовал за ним. За окном ярко горело пламя светильника. Он послюнявил палец, проткнул оконную бумагу и заглянул в комнату. Молодая вдова, накрашенная и напудренная, была одета в красивое платье. Она обжарила на углях сверкающей бронзовой жаровни мясо, подогрела вино и, кокетничая, стала угощать монаха. Тот поел и принялся слишком уж вольно заигрывать со вдовой.

Не в силах побороть справедливого негодования, сановник вынул стрелу и, зарядив лук, выстрелил в окно. Испустив душевраздирающий крик, монах замертво повалился на пол. А сановник возвратился во флигель и, притворившись спящим, захрапел. Немного погодя из женских покоев донеслись вопли хозяйки, которая звала слуг. В доме поднялся переполох, сбежались соседи. Сановник, притворно удивившись, спросил, что случилось.

— Хозяин наш умер, — доложили ему слуги, — и госпожа хранит ему верность. А сейчас в дом ворвался какой-то сумасшедший монах — хотел ее обесчестить. Но госпожа убила мечом этого негодяя и в гневе порубила его тело на куски. Она порывалась даже покончить с собой от обиды, еле-еле ее удержали!

Сановник подавил улыбку, вздохнул и покинул этот дом. А на следующий год, когда он снова проезжал через эту деревню, там уже гордо высилась арка — «Верной жене»*.

НЕ МНЕ — ТАК ВНУКАМ МОИМ

Хван Нин был старшим братом министра Лима. Он не смог выдержать экзаменов, хотя и отличился тем, что написал хорошее сочинение, как говорится, под навесом экзаменационного двора. Когда около своего дома в уезде Янджу он построил маленький флигель и во дворе его сам посеял кедровые семена, ему было уже за пятьдесят.

— Кедр растет очень долго, — говорили ему люди, — пройдет десять лет, а орехов еще не увидишь. Зачем же вам, старику, сажать их? Бросьте это занятие!

— В древние времена, — возразил Нин, — наставник То выточил иголку из железного песта, а Юй-гун** голыми руками сдвинул горы. Эти люди были старыми, но думали о далеком будущем и к делу относились серьезно. К тому же нельзя знать пределов жизни человеческой. Неверно это, что раз человек состарился, он должен бездельничать целыми днями. Пусть сам я не дождусь орехов, но разве плохо подумать о внуках моих?

Когда ему было уже за восемьдесят, кедры выросли, на них стали созревать орехи, и он ел их каждый год. А нынешние люди начинают трястись еще до наступления настоящей старости. Они не только не стараются продлить свою жизнь, но, почувствовав некоторую усталость, теряются и перестают трудиться. Так пусть же этот факт из жизни Хван Нина послужит им уроком!

* Арка «Верной жене» — в традиционной Корее поощрялась женская добродетель: жена до конца своих дней соблюдающая траур по умершему супругу, получала почетные звания, в ее честь строили специальные арки с надписями «Верной жене».

** Юй-гун — герой китайского предания. У него перед домом высились две горы, которые ему приходилось обходить. Юй-гун решил их снести. Когда он с сыновьями приступил к работе, люди стали над ним смеяться, называя его глупцом, затеявшим невозможное. Юй ответил, что его потомство будет расти бесконечно, а горы расти не будут и в конце концов будут скрыты.

ЧЕРЕПАХОВЫЙ СУП

Ли Чесин* по прозвищу Чхонган с юных лет дружил с братьями Ким — Хэном и Тогёном. Все вместе они учились, вместе держали экзамены и вместе, собрав сочинения по управлению государством, составили книгу, которая известна под названием «Сжигая корабли, на циновке держать экзамены по принципам управления страной».

Будучи столь близкими, они вместе и развлекались, нередко весело подшучивая друг над другом. Братья Ким очень любили черепаховый суп и частенько им лакомились. Однажды Ли Чесин, увидя, как они едят этот суп, сплюнул и воскликнул:

— И как это вы, образованные люди, можете брать в рот такую гадость? Да разве кто-нибудь, кроме варваров, питается черепахами? Никогда не ешьте эту дрянь, как бы ни были вы голодны!

— Вечно он про это, — перемигнулись братья. — Попробуем-ка накормить его черепахой. Посмотрим, что он скажет! — тайком сговорились они.

Дом Тогёна стоял особняком над озером Сонсанхо. Однажды друзья договорились все втроем:

— Давайте-ка половим рыбу в Сонсанхо да полюбуемся цветами лотосов. Проведем хорошо денек!

Собрались в тот же день. Пригласили и гостей, народу пришло много. Тогён угощал обедом. Под видом куриного был подан отлично приготовленный черепаховый суп. Суп был заправлен имбирем, черным перцем и другими необходимыми специями. Он распространял такой чудесный аромат, что не отведать его было невозможно! И все трое незаметно съели по полной большой чашке.

— Мой дом беден, — обратился затем Тогён к Чесину, — никаких деликатесов нет. Последнее время питались все больше просом, а нынче вот зарезали эту жирную курицу. Нам с братом суп понравился. Мы поели с удовольствием. А что скажет дорогой гость?

— Никогда в жизни не ел такого вкусного куриного супа! — воскликнул Чесин. И на вопрос Тогёна, не хочет ли он еще, от-

* Ли Чесин (1536–1583) — военачальник и литератор.

ветил: — Честное слово, на редкость вкусно. Если нальете еще чашечку, я не откажусь!

Ему дали еще чашку. Чесин залпом выпил бульон, пустую чашку поставил на стол и опять воскликнул:

— Вот это суп!

— Ну как, — со смехом спросили у него братья, — он вкуснее черепахового?

— Я так славно поел, — всплеснул руками Джесин, — к чему вспоминать о такой гадости?!

— Эх ты, — засмеялся Тогён, — суп-то был черепаховый!

Тут все гости захлопали в ладоши и разом громко расхохотались. Тогда Чесин понял, что его разыграли, встал на четвереньки и сделал вид, будто его тошнит.

ОТКАЗАЛСЯ ОТ НАЛОЖНИЦЫ

Супруга чиновника Лю Чхунхона, госпожа Хо, была дочерью главы ведомства Хо Квана*. Юность она провела на женской половине в Начжу, была прекрасно воспитана и строго блюла добродетель. Чхунхон, за которого ее выдали, обращался с ней очень хорошо, уважал и почитал, как самого дорогого гостя. И супруга платила ему тем же. Одежда в доме всегда содержалась в полном порядке, еда была вкусно приготовлена. Чхунхону никогда не приходилось недовольно хмурить брови. И лишь одно сильно тревожило Чхунхона — не было у жены детей.

И вот подыскал он себе на стороне наложницу. А супруга, проведав об этом, ничего ему не сказала. Мало того — она постаралась узнать и тот день, когда Чхунхон условился впервые встретиться с наложницей. Затем, втайне от него, приготовила одежду и угощения, необходимые для брачной церемонии.

Наступил этот день. Чхунхон приказал подать коня и уже собирался ехать. Тогда супруга его велела служанке вынуть из сундука новую одежду и облачить в нее Чхунхона. А потом велела приготовить столик для новобрачных и накрыть большой стол, обильно уставив его вкусными кушаньями. Словом, она

* Хо Кван (1471–1529) — известный государственный деятель.

устроила все так, как бывает при совершении брачной церемонии. Чхунхон удивился и спросил, в чем дело.

— Когда я вступала в брак с вами, господин, — улыбнулась супруга, — делались точно такие же приготовления. Теперь вы вступаете во второй брак, и здесь ведь тоже не обойтись без церемонии!

Чхунхон отказался от наложницы.

ДАР ЦЗЯННАНИ*

Матушка «Дара Цзяннани» — жена Хван Бона, судовладельца с реки Соган, что в столице. Дом его был расположен на горе Чамду, а сам он торговал всюду на своем корабле. Однажды, в годы правления государя Сончжо**, Хван Бон вышел в море, попал в тайфун и не вернулся. Жена его, считая мужа погибшим, сшила себе белую одежду и соблюдала трехлетний траур. Бездетная, в полном одиночестве жила она, испытывая всевозможные житейские трудности. Так прошло несколько лет.

Но вот однажды нежданно-негаданно от Хван Бона пришло письмо из Китая. «Тогда тайфун подхватил корабль, — писал он, — и прибил его к побережью Китая. Сейчас я служу работником в доме простолюдина».

Получив письмо, — не сон ли это? — его жена удивилась и обрадовалась. Она плакала и смеялась, сделалась как безумная. Она-то думала, что муж ее погиб в море, а он, оказывается, жив и находится в Китае! Да пусть ей даже придется от деревни к деревне побираться с сумой, она все равно отправится к своему мужу! «Пусть даже в дороге случится несчастье, и я погибну — все равно пойду!» — твердо решила женщина.

Когда об этом узнали родственники, они стали горячо ее отговаривать:

— Да ведь на границе с Китаем есть заставы, свободный проход через них запрещен. Человек, не знающий языка, в иноземной одежде, не сможет проникнуть в Китай. А нарушителей

* Цзяннань — название земель, расположенных к югу от реки Янцзы в Китае.

** Государь Сончжо правил с 1568 по 1608 гг.

границы строго наказывают. Невозможное это дело — одинокой женщине пройти через заставу и отправиться на тысячи ли в глубь чужой страны. Ты, конечно, не сможешь добраться до места и будешь валяться на какой-нибудь дороге безвестным трупом. Откажись-ка от этой затеи!

Так они ее предостерегали и удерживали. Но жена Хван Бона твердо решила идти. Она даже и вида не делала, что слушает родственников. Смело покинула она дом, тайком переправилась через реку Амнокган и вступила на китайскую землю. Одежда ее превратилась в лохмотья, волосы спутались, по лицу грязными ручейками стекал пот, покрасневшие икры были неприкрыты.

Вот в таком виде, прося милостыню, скиталась она по далекой чужбине и только через год добралась до земель Цзяннани. Женщина каждый день обходила прежде всего уезды и поселки на морском побережье. Она искала, искала и в конце концов в одном уезде нашла своего мужа.

Тогда оба они покинули Цзяннань и отправились на свою родину. В пути жена Хван Бона забеременела и, возвратившись в дом мужа, родила дочь. Ее называли Цзяннань ток, что значит — «Дар Цзяннани», и жители той местности стали называть жену Хван Бона — матушка «Дара Цзяннани».

Скажут, пожалуй, что о таком можно прочесть только в книжке. Несмотря на строгую, как во время войны, охрану границы между Кореей и Китаем, испытывая лишения и голод, одинокая женщина побывала в Китае, будто в соседней деревне, и разыскала-таки своего мужа на далекой чужбине. Неслыханное дело! Такая смелость и супружеская верность — хороший пример трех добродетелей женщины* как для древних времен, так и для нынешних. Матушка «Дара Цзяннани» покинула этот мир в преклонном возрасте — восьмидесяти лет.

Записано летом в тринадцатый год правления короля Кванхэ**.

* Три добродетели женщины — имеются в виду три конфуцианских правила поведения женщины: служить до замужества отцу, после замужества — мужу, после смерти мужа — сыну.

** Государь Кванхэгун правил с 1609 по 1623 гг.

ХВАН СУСИН* УБИВАЕТ СВОЕГО КОНЯ

Хван Сусин, сын министра Хван Хыя**, в юности был очень влюблен в одну кисэн. Узнав об этом, отец его, Хван Хый, сурово отчитал его. Однако сразу оборвать горячую страсть было нелегко. Сусин понимал, что поступает нехорошо, но по-прежнему продолжал бывать в доме кисэн.

Однажды Хван Сусин, как обычно, возвратился от нее домой. Отец, в парадном чиновничьем платье, встретил своего сына с почетом, как высокого гостя. Не понимая, что это значит, Сусин очень удивился и испугался. Поклонившись отцу до земли, он спросил, что случилось.

— Я обращался с тобой, как с родным сыном, — отвечал отец, — но ты меня не слушался. Значит, ты не считаешь меня своим отцом. Я больше не могу встречать тебя иначе, как гостя!

Беспрестанно кланяясь до земли, каялся и просил прощения Сусин. С тех пор он перестал посещать кисэн и ничего даже не слышал о ней. Но однажды, будучи сильно пьяным, он сел на коня — и дальше уже ничего не помнил.

В полночь Сусин немного отрезвел, открыл глаза и видит: горит свеча, а рядом с ним — красавица кисэн, в которую он был влюблен прежде! Мило улыбается, держится скромно.

— Зачем ты пришла сюда? — удивленно спросил Сусин. Сознание еще не прояснилось, и он считал, что лежит у себя дома.

— А куда же мне идти из своего дома? — нежно улыбнулась кисэн.

Тут только он совсем пришел в себя и внимательно огляделся. Ну конечно, он находится у нее! «Как бы ни был я пьян, я не должен был приходить сюда. Виноват, конечно, подлый слуга!» — подумал Сусин. Он рассвирепел и, кляня слугу, хотел убить его.

— Вчера, на обратном пути, — сказал в свое оправдание слуга, — конь повернул к этому дому. А я, ничтожный, решил, что господин, верно, сам потянул за уздечку!

* Хван Сусин (1407–1467) — известный государственный деятель.

** Хван Хый (1363–1452) — государственный деятель, который отличался необычайной скромностью.

А было вот как. Еще в те времена, когда Сусин часто ездил к своей возлюбленной, коня здесь хорошо кормили. Он, конечно, запомнил сюда дорогу и невольно привез Сусина к этому дому. Слуга тут был ни при чем. Поняв это, Сусин выхватил меч и отрубил голову своему коню!

ИГРАЮТ В ШАХМАТЫ-ЧАНГИ

Некто Со Чхоллён из государева рода Ли хорошо играл в чанги. «Я самый лучший игрок на Востоке!» — говаривал он, похваляясь, что нет ему в мире достойного противника.

Один старый солдат, прибывший из провинции на обучение в сеульские казармы, зашел как-то к Со Чхоллёну, ведя под уздцы великолепного коня.

— Слышал я, что вы здорово играете в чанги, — сказал он. — Может быть, соблаговолите сыграть со мной, ничтожным? Проиграю — отдаю коня!

И они сразились. Из трех сыгранных партий солдат проиграл две. Без колебаний отдал он коня Со Чхоллёну.

— Только, прошу вас, хорошенько его кормите, — прибавил он при этом. — А кончится срок обучения, — надеюсь, своего коня отыграю!

— Будь спокоен! — засмеялся Со Чхоллён и с радостью согласился.

Он кормил солдатского коня даже лучше, чем остальных своих лошадей. И скоро конь стал выглядеть сытым и упитанным. А солдат, когда истек срок, действительно пришел снова и предложил сыграть в чанги. Они сыграли. На этот раз солдат выиграл все три партии.

— Я, ничтожный, очень люблю своего коня, — сказал он. — Но, отведи я коня в казармы, смог бы разве здесь, на чужбине, хорошо кормить его? Вот и решил оставить его у вас на некоторое время. Вижу, что конь ухожен, вид у него такой сытый. Я очень доволен.

С этими словами солдат сел на коня и уехал.

СТАЛА ЗНАМЕНИТОЙ ПЕВИЦЕЙ

Сок Кэ была служанкой в доме Сон Ина*, зятя короля Чунчжона. Лицо у нее было как у старой обезьяны, а глаза — что горящие стрелы! Ребенком она пришла сюда из провинции и была в доме на побегушках. Поскольку семья Сона приходилась родней государю, она жила в большом достатке. Дом был переполнен прелестными, будто распустившиеся цветы, женщинами. Женщин было так много, что всех и не сочтешь. Голоса их звенели всюду, как ручейки. Поэтому не было никакой необходимости приближать такую, как Сок Кэ.

Сок Кэ велели взять бадью и таскать воду. А она, придя за водой, ставила бадью на сруб колодца и целый день только и делала, что пела песни. У песен ее не было никакой определенной мелодии. Не походили они ни на песни деревенских мальчишек-дровосеков, ни на песни крестьянок. Возвращалась она затемно, с пустой бадьей. И хотя ей всегда пребольно доставалось палками, она была неисправима — то же самое повторялось и на следующий день.

Тогда Сок Кэ перестали посылать за водой и велели убирать овощи в поле. И вот, захватив большую плетеную корзину, Сок Кэ вышла в поле. Там она собрала большую кучу камешков и стала после каждой песни бросать их по одному в корзину. Когда же корзина наполнилась, Сок Кэ опять-таки после каждой песни брала камешки по одному из корзины и выбрасывала их в поле.

Так проделала Сок Кэ два-три раза. День кончился, стало смеркаться. Домой она воротилась с пустой корзиной, и опять ее побили. Ничего с ней нельзя было поделать, так продолжалось день за днем.

Чунчжон, прослышав об этом, подивился и отдал ее учиться пению. В конце концов Сок Кэ сделалась самой знаменитой певицей в столице, и о ней стали говорить как о великой певице, которая сто лет не могла выдержать экзамен.

Да, в этом мире добиться успеха можно лишь в том случае, если приложишь все силы. Разве это касается только одной Сок Кэ с ее песнями? Если ты слаб и безволен, то ни в чем не добьешься успеха.

* Сон Ин (1517–1584) — знаток конфуцианских классических сочинений и литератор. Зять государя Чунчжона (правил с 1506 по 1544 гг.).

УПАЛ В ГРЯЗЬ

Жил один человек, который не имел ни должности, ни средств к существованию. Если хотите знать, чей он родом, я скажу вам: он был сыном правителя Хончжу. Его отец служил во многих уездах, а сам он с малых лет грамоте не учился, всюду был известен только как «сын господина правителя». Рос он, как говорится, в шелковых одеждах да на белояшмовом рисе. Оттого был высокомерен, говорил громко, со слугами обращался грубо, думал только о себе. Особенно же был он прихотлив в выборе пищи.

Когда он только что прибыл в Хончжу, перед ним полным-полно было наставлено всевозможных сортов великолепных кушаний — из рыб морских и дичи. Он же выволок повара во двор, швырнул его на колени и заорал:

— Что это за еду ты мне приготовил? Неужели я должен есть какую-то вонючую рыбью требуху?

— А что же еще я, ничтожный, мог приготовить? — в страхе ответил повар. — Тут разные рыбы морские, мясо косули, оленя, кабана, горные фазаны. Да смею ли я плохо приготовить кушанье для сынка нового правителя?

Не обращая внимания на слова повара, сын правителя приказал служителям управы всыпать ему пятьдесят ударов.

После смерти отца он быстро разорился. Однажды, в поношенной одежде, верхом на тощей лошаденке и в сопровождении одного только мальчика-слуги ехал он по дороге. Пошел дождь, дорогу развезло, и лошадь заскользила по глинистой жиже. Мальчик не смог удержать ее, и сын правителя упал в грязь.

И тут один случайный прохожий схватил коня под уздцы и вытащил его. Сын правителя почувствовал в душе глубокую благодарность к нему. Но, глянув в лицо прохожему, он вдруг узнал в нем того самого повара, которому когда-то в Хончжу, во дворе управы, досталось от него по ягодицам! Сын правителя и хотел бы поблагодарить его, но от стыда сделал вид, что не узнал. Так и уехал.

Увы! Люди не стремятся к самоусовершенствованию. Надеясь на родителей, пока те живы, они кичатся своим положением. И почти нет среди них таких, которые в конце концов не упали бы в грязь. Ах, если бы они задумывались над своим поведением!

СЧАСТЛИВАЯ ВСТРЕЧА

Жил в Намвоне человек по фамилии Чон, а имя его теперь уж забыто. С малых лет хорошо играл он на бамбуковой флейте и пел песни, нрава был общительного и веселого, а вот к учению оставался равнодушным. Чон посватался в одной семье, проживавшей в соседнем городе, и помолвка состоялась. Девушку звали Хондо. Уже приближался день свадьбы, как вдруг отец Хондо заявил, что Чон, мол, необразованный и распущенный юноша, и что следует расторгнуть помолвку. Но сама Хондо была не согласна со своими родителями.

— Если брак совершается по велению Неба, — сказала она, — то можно ли нарушить его волю, менять решение на полпути, когда уже назначен день свадьбы?

Слова эти произвели должное воздействие, и отец Хондо выдал-таки дочь за Чона. Через два года у супругов родился сын. Имя ему дали Монсок.

В Имчжинскую войну* Чон участвовал в обороне страны от японцев. В год чоню**, когда союзные китайские войска под командованием Ян Хао обороняли Намвон, за стенами города были и Чон, и Хондо, которая, переодевшись в мужское платье, вместе с мужем поступила на военную службу. В армии никто не знал, что Хондо — женщина. А сын их, Монсок, вместе с дедом ушел в горы Чирисан и там укрылся от бедствий войны.

В конце концов под натиском врага крепость Намвон пала. Чону, который присоединился к войску китайского военачальника Ян Хао, удалось вырваться из города, но в суматохе он потерял Хондо и не знал, где она находится. Подумав, что жена скорее всего ушла с китайскими войсками, возвращающимися на родину, он решил во что бы то ни стало отыскать ее и вместе с одним из китайских отрядов вступил в Китай.

Побираясь и бедствуя, пришел Чон в провинцию Чжэцзян. Всюду искал он свою жену, но нигде не мог найти. Однажды случилось ему плыть на корабле с военным начальником Чжэцзяна. Сияла луна, а на душе у Чона была печаль. Он вынул бам-

* Имчжинская война — война с Японией в 1592–1598 гг.

** Год чоню — по циклическому летосчислению 34-й год 60-летнего цикла. Здесь речь идет о 1597 г.

буковую флейту и заиграл. И вдруг с корабля, который проплывал мимо, донеслись слова:

— Что я слышу? Ведь это бамбуковая флейта. И мелодия знакомая!

«Кто эта женщина? — вздрогнув от неожиданности, подумал Чон. — Не моя ли жена? Откуда чужой женщине знать эту мелодию?!» И он пропел касу, которое певали они с женой в былые дни.

— Ну конечно, это мой муж! — закричали с того корабля.

Чон удивился и обрадовался, хотел было тут же последовать за проплывавшим мимо кораблем, но начальник не позволил.

— Это торговое судно южных варваров, которые действуют заодно с японцами, — сказал он. — Сейчас пересаживаться на него бесполезно и даже опасно. А завтра что-нибудь придумаем.

На другой день на рассвете начальник дал своим людям несколько десятков лян денег, велел договориться с южными варварами и выволить женщину. Это и в самом деле была жена Чона. Супруги взялись за руки, и все, кто видел, как они плакали, тоже пролили слезы.

Оказалось, что сначала, когда пал Намвон, Хондо попала в плен и была увезена в Японию. Она была в мужской одежде, японцы считали ее мужчиной и потому поместили вместе с пленными солдатами. Затем Хондо продали на торговое судно, и она плавала всюду, помогая матросам. Она страстно мечтала возвратиться на родину, рассчитывая попасть из Японии к южным варварам, а от них — в Чжэцзян.

Чон и его жена пока остались жить в Чжэцзяне. Люди жалели их, каждый давал им деньги и зерно, и они могли сводить концы с концами. У них родился сын, назвали его Мончжином. Вот уж исполнилось ему семнадцать лет, пришло время женить его, но никто не соглашался отдать за него свою дочь, потому что он был корейцем.

Жила в тех местах одна девушка. «Мой отец во время Имчжинской войны ушел с нашим войском в Корею и пропал без вести, — подумала она. — Если я выйду замуж за этого корейца, то когда-нибудь непременно попаду в Корею. И если мой батюшка скончался, разыщу место, где он похоронен, буду заботиться о его душе — совершать жертвоприношения. Если же по счастливой случайности батюшка мой пребывает среди жи-

вых, то встреча с ним — мое самое заветное желание в жизни!» И она согласилась выйти замуж за Мончжина.

В год муо*, когда войска Нурхаци**, стоявшие в северо-восточных районах, вторглись на территорию китайского государства, Чон вступил в войска военного губернатора Южных провинций Лю Тина и отправился на войну. Однако войско Лю Тина в бою было разбито и сам он погиб. Воины Нурхаци стали истреблять остатки разбитой китайской армии. «Я не китаец! Я кореец!» — что есть мочи закричал Чон. К большому счастью, будучи уже на краю гибели, он спасся и даже сумел вернуться на родину.

Когда он добрался до уезда Нисанхён в провинции Чхунчхондо, от долгой ходьбы у него сильно заболели ноги, и он обратился к лекарю. Лекарь был китайцем, который пришел в Корею с китайскими войсками еще в Имчжинскую войну и во время вывода войск отстал от своих. А когда Чон узнал, как его звать и откуда он родом, то оказалось, что это не кто иной, как отец его невестки! Они обнялись, горько поплакали и вместе отправились в Намвон.

В Намвоне Чон встретил своего старшего сына — Монсока. Монсок был женат и имел сына. Чон стал жить вместе с Монсоком и тестем Мончжина. Это, конечно, радовало его и утешало, но ведь он снова потерял свою жену, которую с таким трудом нашел, и не было никакой возможности узнать о ее судьбе. Даже во сне грустные думы не оставляли его. Так прошел год.

А в Чжэцзяне его жена Хондо, ничего не зная о муже, изнывала от горя. К тому же она тосковала по родине и горячо поддерживала желание невестки отыскать отца. Поэтому Хондо распродала хозяйство, купила лодку и, вместе с сыном и невесткой покинув Чжэцзян, направилась в Корею. Они припасли в дорогу и две смены одежды — китайскую и японскую, чтобы, по обстоятельствам, выдавать себя за китайцев или за японцев.

Когда миновала одна луна и двадцать пять дней, они подплыли к острову Кагадо, что относится к провинции Чечжудо. Риса у них оставалось всего несколько горсточек.

* Год муо — 55-й год 60-летнего цикла. Здесь — 1618 г.

** Войска Нурхаци — армия маньчжур, завоевавших Китай и установивших там свою династию Цин (1644—1911).

— Ну как плыть дальше с такой каплей риса? — горестно сказала Хондо своему сыну. — Тысячи бед и лишений претерпели мы, добираясь до этого места. Если умрем в лодке, так нас съедят рыбы. Не лучше ли выйти на берег и умереть на суше?

— Если варить каждый день жидкую похлебку из одного хып риса, — услышав слова свекрови, сказала невестка, — то можно продержаться шесть дней. Небо на востоке чуть светлее, похоже, что земля близко. Нужно перетерпеть голод, ведь некоторая надежда на спасение у нас есть. Нам может случайно встретиться какой-нибудь корабль.

При этих словах мать Мончжина вновь обрела бодрость, и они поплыли дальше. И вот через пять-шесть дней им встретился корабль командующего морскими силами. Хондо все рассказала ему. И о том, как они с мужем потеряли друг друга в Намвоне во время Имчжинской войны, и как муж, с которым она встретилась в Чжэцзяне, снова ушел в Северный поход, и теперь неизвестно, жив он или умер, что она возвращается на родину, чтобы разыскать старшего сына. Моряки, выслушав ее рассказ, проявили к ней сочувствие, они привязали лодку к своему кораблю и доставили путников к Сунчхону.

А когда Хондо с сыном и невесткой вернулась в свой родной Намвон, то увидела — явь ли это, сон ли? — что ее муж, старший сын Монсок и тесть Мончжина живут вместе! Вся семья собралась в их доме, пришли даже дальние родственники. Радость их, как говорится, была подобна легкому ветерку ясным весенним днем.

Кореец Чон потерял свою любимую жену на войне и разыскал ее в далеком Китае. Дважды в огне войны теряла мужа Хондо. Скитаясь по трем странам, переодеваясь в мужскую одежду, она вынесла все невзгоды и бедствия и снова встретилась с мужем. Жена Мончжина добровольно вышла замуж за чужестранца, чтобы отыскать могилу своего батюшки, а встретила его живым и здоровым. В одном месте, в одном доме сошлись все шесть человек.

Пожалуй, скажут, что этим людям, будто ураганом разбросанным в разные стороны, просто повезло. Ведь у них было так мало вероятности встретиться. Но разве это произошло не в результате их разумных и упорных усилий? И все-таки это самый удивительный случай с древних времен и до наших дней.

СОН САНВОЛЬ И СУЕВЕРНЫЙ СТУДЕНТ

Сон Санволь, кисэн из Сончжу, попала в столичный город Сеул и вскоре приобрела там широкую известность благодаря своим необыкновенным талантам и редкой красоте. Прелестная, стройная, с чистым и нежным лицом, она была незаменимой на всех пирушках и великолепных празднествах, которые устраивала столичная знать. Не было ни одного столичного модника, который не мечтал бы хоть разок добиться ее благосклонности, однако это было не так-то просто.

Однажды молодые люди из благородного сословия и ученые мужи пригласили Сон Санволь покататься на лодке по Хангану. И вот, когда гуляки опьянели, она сбежала от них. На обратном пути в столицу Сон Санволь попала под проливной дождь. Одежда ее промокла насквозь, было холодно, день клонился к вечеру. Когда она добралась до Южных ворот, оказалось, что они уже закрыты.

«Неужели здесь негде переночевать?» — подумала Сон Санволь и огляделась. И тут у лotosового пруда в маленьком окошке блеснул огонек, послышался голос — кто-то читал вслух. Сон Санволь подошла к окну, проткнула бумагу и заглянула в комнату. Какой-то молоденький студент читал книгу. Она тихонько кашлянула и осторожно постучала в дверь. Студент перестал читать, прислушался.

— Я кисэн из города, — негромко обратилась она к нему. — Сбежала от попойки. Вот попала под дождь, и мне негде переночевать. Будьте добры, пустите меня на ночь в какой-нибудь уголок! — попросила Сон Санволь.

Студент открыл дверь, но, неожиданно увидев молодую, очаровательную женщину, испугался: «Ведь не могла же прийти такая красавица к какому-то бедному школяру. Конечно, это злая фея!» Он наотрез отказался ее впустить, прищелкивая пальцами, пробормотал заклинание и завопил истошным голосом:

— Ах ты, нечистая сила! Как ты посмела сюда явиться? Не смей соблазнять меня!

— Да я обыкновенная женщина! — воскликнула кисэн. — Видно, вы, юноша, не знаете правил приличия. Разве можно так невежливо себя вести?

Но сколько ни втолковывала она ему, что попала в затруднительное положение, студент трусил все больше. Он никак не мог прийти в себя и только твердил названия двадцати восьми созвездий.

Сон Санволь ничего не оставалось делать, как усесться у дверей. Дожидаясь рассвета, всю ночь она не сомкнула глаз. А утром открыла окно, стала насмехаться над студентом, осыпая его упреками:

— Жалкий школяр! Неужто ты никогда не слыхал о знаменитой столичной певице Сон Санволь? Пусть-ка теперь какой-нибудь студент попробует пригласить меня погулять при чистом небе да ясной луне! Я еще погляжу, не такой ли он суеверный невежда, как ты! Промокшая, я умоляла впустить меня погреться на одну только ночку. Но ты отказался. Вот уж, право, скучный мужчина! Да погляди ты на меня хорошенько. Разве похожа я на злую фею?

Студенту было очень стыдно. Он краснел и боялся даже глаза поднять на Сон Санволь. А был этот студент не кто иной, как Ким Ечжон, который впоследствии стал гражданским чиновником высшего ранга!

КАК ПРИНИМАТЬ ГОСТЕЙ

В недавнее время жил один человек, который отрастил себе хорошую длинную бороду. Достатка он был небольшого, однако, когда являлся гость, волей-неволей приходилось выставлять угощение. Вот и сговорился он со своей женой однажды:

— Послушай-ка, не можем мы принимать всех гостей одинаково. Давай условимся так: придет высокий гость, я возьмусь за верхнюю часть бороды, средний — за середку, низкий — за самый кончик. А ты увидишь, за какую часть бороды я взялся, и угощать будешь по чину!

Об этом уговоре между супругами знал и кое-кто из посторонних. Вот приходит к ним однажды гость. Хозяин схватился за кончик бороды. Жена приготовила вино и закуску для «низких гостей». Выпили по три-четыре чашечки, хозяин намекнул, что он, мол, человек бедный, угощать больше нечем, и тут же велел убрать столик.

Потом пришел другой гость, который знал о бороде и о приходе первого гостя. Хозяин опять схватился за самый кончик бороды.

— Послушай-ка, — воскликнул гость, — а первого-то гостя ты ставил немного выше!

Хозяин не знал, куда деваться со стыда. Между прочим, оттого нынешние люди и говорят про выпивку — «поддержаться за бороду»!

ДЛИННОБОРОДЫЙ И КИТАЙСКИЙ ПОСОЛ

В древности один китайский посол прибыл в нашу страну. «Корея — страна цивилизованная, — размышлял он, — здесь непременно должно быть много людей выдающихся!» И вот, проезжая по дороге, он стал внимательно приглядываться к встречным.

Случилось это как раз, когда китайский посол со свитой проезжал район Пхеньяна. У дороги стоял какой-то кряжистый мужчина. Ростом он был чуть не восемь чхок*, длинная борода свисала до живота. Словом, вид у него был весьма внушительный. Он сразу привлек внимание китайского посла. Посол хотел было перекинуться с мужчиной словечком, но, не зная корейского языка, решил объясниться жестами.

Он сделал из пальцев кружок и показал длиннородому. Мужчина без колебаний поднял руки, сложил пальцы углами и построил квадрат. Весьма заинтересованный, посол закивал головой и загнул три пальца. Мужчина сразу загнул пять пальцев. Посол изумился еще более и взял себя за рукав. Длиннородый немедленно ткнул пальцем себе в рот.

Посол был в восторге. Побеседовав так с длиннородым, он распрощался с ним и прибыл в Сеул.

— Еще в Китае слышал я, — сказал он встречавшему чиновнику, — что Корея — страна очень культурная. А нынче имел случай убедиться, что это не пустая болтовня. На дороге, где-то в окрестностях Пхеньяна, встретил я одного мужчину. Вид он

* См. примеч. к с. 88.

имел необыкновенный, и я решил испытать его. Делаю из пальцев кружок — небо, мол, круглое. Вот. А мужчина, нисколько не колеблясь, показывает из пальцев квадрат — а земля-де квадратная. Тогда я загибаю три пальца — существуют, мол три начала*. А он тут же загибает пять пальцев — есть-де пять нравственных качеств**. Я трогаю себя за рукав — в старину, мол, говорили, что миром можно править, даже не сходя с места и спустив рукава. А он живо указывает себе на рот — во времена-де упадка и пустую болтовню считают делом! И я подумал, что если уж первый встречный, необразованный простолюдин, так разбирается в сути вещей, то каковы же здесь многоученые сановники!

Чиновник, услышав рассказ посла, очень удивился, быстро-быстро вызвал того бородача из провинции Пхённандо, богато одарил его и спросил, что он имел в виду на самом деле.

— Когда посол показал мне из пальцев кружок, — ответил тот, — я сразу понял, что он любит круглые пирожные. Тогда я сделал квадрат — а по мне, мол, хоть побольше бы квадратиков простого хлеба. Как только посол загнул три пальца, я сразу догадался, что он ест три раза в день. Ну, а я загнул все пять — мол, я-то хотел бы есть пять раз в день. Посол ухватился за рукав — ясно, что для него хорошая одежда важнее всего. А я ткнул себе в рот — ну, для меня-то главное — поесть!

Так объяснил свои жесты длиннобородый, и все, кто слышал его, громко расхохотались. Китайский посол, однако, ничего не понял.

— Удивительный человек! — воскликнул он в восхищении.

Китайский посол обратил внимание на длиннобородого, привлеченный его внушительной внешностью. Но только ли в этом дело? Конечно, нет. Просто он слышал ранее, что Корея — страна цивилизованная, уже заранее имел доброе мнение и по-своему, в столь высоком смысле, истолковал жесты длиннобородого.

* Три начала — имеются в виду небо, земля и человек.

** Пять достоинств — милосердие, справедливость, скромность, мудрость, верность.

КАМЕНЬ ЖИЗНИ

В окрестностях одной деревни уезда Асан пара журавлей свила гнездо на большом дереве и высиживала птенцов. Еще до того, как появились птенцы, озорники мальчишки утащили из гнезда одно яйцо. Они разбили его и увидели, что покрытый пушком птенец вот-вот готов был вылупиться. Деревенские старики, узнав об этом, обругали мальчишек и велели положить птенца обратно в гнездо. Но птенец сдох. Журавли — и самец и самка, — увидя, что детеныш их погиб, жалобно закричали. Вскоре отец-журавль куда-то улетел, а мать-журавлиха осталась стеречь гнездо. Вернулся журавль только через три-четыре дня. И, удивительно, спустя некоторое время подохший птенец вдруг ожил и теперь пищал вместе со своими уже вылупившимися братьями!

Один старик пошел и заглянул в гнездо. И что же он видит: лежит посредине прозрачный синий камень! Старик подивился, взял камень и спрятал его в коробку.

Спустя несколько лет сын его, военный чиновник, сопровождая в Китай посла, прихватил с собой этот камень. В Пекине вынес его на базар и стал продавать, чем привлек очень много любопытных.

— Где это вы его достали? — спросил один купец, внимательно разглядывая камень.

— В журавлином гнезде, — ответил чиновник. Купец покачал головой и предложил ему тысячу монет.

— Я сейчас пойду за деньгами. Заверните хорошенько камень и бережно храните. Ждите меня! — наказал купец и ушел.

Тут чиновник понял, что у него в руках редкое сокровище, и очень обрадовался. Он тщательно промыл камень в чистой воде, начистил его песком, твердым камнем сбил небольшие пузырьки, похожие на дроздовые глазки. Затем завернул его в шелк и положил в резной деревянный ларец. Через некоторое время пришел купец и принес деньги.

— А камень-то потерял всю свою силу! — раскрыв ларец, сокрушенно сказал купец. — Он превратился в пустую безделушку. Чем отличается он теперь от обыкновенной гальки? Экая досада!

Удивленный чиновник спросил, что значат его слова. Купец ответил:

— Камень этот взят из зыбучих западных песков. Его называют камнем жизни. Если положить его на грудь умершего, тот сразу оживет. Но раз камень начистили песком и стерли глазки, чудодейственная сила его пропала. Увы! Впрочем, камень этот все же вещь редкая, из дальних стран. Он не создан человеческими руками. Хоть он и бесполезен, я возьму его, как любопытную вещь!

И купец дал за камень всего десять монет. Так чиновник вместо тысячи получил только десятку. Не зная достоинств и настоящей цены вещи, он своими руками испортил ее.

ЛИСИЙ ПЕРЕВАЛ

К югу от реки Ханган, к северу от Чхонге находится управа города Квачхон. И там, где большая дорога позади управы подымается в гору, есть перевал, который зовется Лисьим.

Как-то в старину проходил здесь один путник. Вдруг он услышал звуки: «тук-тук, тук-тук!». При дороге стояла маленькая хижина. Звуки доносились оттуда. «Что бы это могло быть?» — подумал путник. Он вошел в хижину и увидел, что седовласый старик мастерит из дерева коровью голову.

— Для чего вы это делаете? — спросил путник.

— Да уж на что-нибудь сгодится! — ответил старик.

Через некоторое время старик закончил работу и, передавая гостю готовую голову, сказал:

— Моему гостю, наверно, скучно. Попробуйте-ка шутки ради надеть эту голову на себя!

Он дал гостю голову, да еще и коровью шкуру. Считая все это безобидной шуткой, гость снял шляпу, разделся, надел коровью голову, а на голое тело натянул шкуру.

— А теперь попробуйте-ка все это снять! — рассмеялся старик.

Как ни старался гость, все его усилия были напрасны — он превратился в корову. Старик привязал корову на скотном дворе, а на следующее утро сел на нее верхом и поехал на базар продавать. Как раз приближалась весна — время пахоты. Крестьяне, желая купить корову, наперебой набавляли цену.

— Я не корова! Я человек! — кричал несчастный, но его никто не слышал. Только кто-то сказал в толпе:

— Либо у этой скотины теленок дома остался, либо стельная она. А то чего бы ей все время мычать?

Старик долго торговался и наконец продал корову за пятьдесят кусков холста.

— Только смотрите, — сказал он, — не подпускайте эту корову к редьке. Как поест редьки — тут же подохнет. Будьте осторожны!

Новый хозяин возил на корове тяжести, пахал на ней землю. А когда корова начинала спотыкаться от усталости, ей доставались побои. Изнемогая от мучений, корова жаловалась хозяину, но тот, конечно, не понимал ее. А она-то ведь была человеком — самым разумным существом на земле! Потеряв человеческий облик, превратившись в животное, несчастный не мог даже покончить счеты с жизнью. День за днем задыхался горемыка от непосильной работы.

Но однажды хозяйский мальчишка намыл редьки и сложил ее в корзину недалеко от хлева, где стояла корова. Человек сразу вспомнил слова старика, что если корова поест редьки, то тут же подохнет. Решив умереть во что бы то ни стало, он сильно боднул корзину. Редька рассыпалась по земле. Он быстро схватил несколько штук и съел. Но как только он сделал это, коровья голова и шкура упали сами собой, и корова вдруг оборотилась голым человеком! Хозяин сначала страшно перепугался, а придя в себя, стал расспрашивать. И человек рассказал ему все от начала до конца.

Тогда они направились на перевал, чтобы найти старика. Однако ни хижины, ни хозяина там не было. Только под камнем нашли они два-три куса холста! Вот с тех-то пор и стали называть этот перевал Лисьим.

Мудрые люди сказали бы так: «Конечно, рассказ этот — выдумка. Но ведь в нем правдиво показаны отношения между людьми. Очень многие, попав в переделку, теряются, ведут себя неразумно. Если бесчестные люди обманом впрягают их в работу — как, скажем, в этом рассказе, — они всю вину стараются свалить на других. Но — увы! — кто станет им сочувствовать?»

ПРИНЯЛ ЗА ЗОЛОТО

В Ханьяне жил один школяр, по прозвищу Генерал Хан. Он был очень жаден. Однажды, в начале первой луны, отправился он к себе домой в Наксандон поздравить родных с Новым годом. Проезжая ночью через речку Кэчхон на мосту Инсугё, он вдруг заметил, как в воде что-то блеснуло. Хан остановил коня и обратился к слуге:

— Эй, ты, видишь, там что-то блестит? Наверно, это золото!

— Конечно, золото! — подтвердил слуга. — Только, говорят, золото имеет свойство быстро исчезать. Его надо хватать сразу. Снять бы штаны, да и прыгнуть за ним!

Эти слова еще сильнее разожгли алчность школяра. Он быстро соскочил с коня, скинул штаны и, плюхнувшись в воду, жадно схватил блестящую вещь. Дрожа за свое сокровище, Хан быстро спрятал его за пазуху, боясь показать даже слуге. Вылез из воды. Одежда его была насквозь мокрой. Торопливо вытащил из-за пазухи свою находку, внимательно рассмотрел: да это вовсе и не золото, а всего лишь собачье дерьмо!

— Эх, — в сердцах воскликнул Хан, — у такого неудачника, как я, и золото превращается в собачье дерьмо! — и он не мог удержаться от горестного вздоха.

На следующую ночь Хан ехал обратно берегом реки и пристально вглядывался в воду. И вот на том же самом месте он снова увидел нечто блестящее. Оказалось: свет в доме на берегу, пробиваясь сквозь щель в окне, отражался в воде!

ОБРАЗУМИЛ ВЛЮБЛЕННУЮ

Важный сановник Чон Нинчжи* из Хадона рано потерял отца, жил с матерью-вдовой в бедности и лишениях. Однако, обладая твердым характером и большими литературными способностями, быстро добился успехов в учении. Лицом же он был красив, как яшма.

* Чон Нинчжи (1396—1478) — ученый и государственный деятель, один из создателей корейской национальной письменности.

В юности Нинчжи жил один в горнице. Уйдя с головой в учебу, до глубокой ночи читал он книги. А за оградой, в соседнем доме, жила девушка, находившаяся в самом цветущем возрасте. И лицом и станом была она прелестна. Семья ее была богата и знатна. Каждый вечер слышала девушка голос юноши. Наконец, не в силах побороть любопытства, она проделала дырочку в ограде и заглянула во двор. И что же видит: прекрасный юноша звонким голосом читает книгу.

Девушка влюбилась в него без памяти, но юноша не обращал на нее никакого внимания. Однажды она перелезла через ограду, предстала перед Чон Нинчжи подкрашенная и напудренная и хотела тут же отдать ему свою любовь. А когда Нинчжи, приняв строгий вид, от этого отказался, она дошла уж совсем до крайности. Тогда Нинчжи стал мягко увещевать ее.

— Ты ведь дочь из благородной семьи, а я еще зеленый мальчишка, и жениться мне все равно рано, — так говорил он ей. — Да и дом наш беден, мать у меня — вдова. Посватайся я, за меня все равно никого не отдадут. Ты, конечно, уже невеста, да еще такая красавица! Матушка-то моя обрадовалась бы, скажи я ей, что хочу на тебе жениться. Плохо ли было бы заключить нам с тобой по закону, как говорится, счастливый союз на сто лет? Но если сейчас не побороть мимолетное чувство и сойти с пути добродетели, то ты все равно не будешь счастлива, а я не смогу считать себя порядочным человеком. К тому же, если мы не поженимся, а людям станет известно, что ты уже была с мужчиной, судьба твоя будет загублена. Давай подождем до завтра и скажем родителям. А вдруг обе семьи воспротивятся нашему браку?

Девушка выслушала Нинчжи, пыл ее охладел, и она ушла. А он на следующий день все рассказал своей матери, и они вскоре перебрались в другое место, подальше от дома этой девушки.

УБИЛО МОЛНИЕЙ

Переводчик Син Ынчжу — сын Син Ёна, начальника переводческого приказа. Неоднократно бывал он в Китае и дослужился до больших чинов. Кроме того, он торговал и потому был

очень богат. Его отец, Син Ён, уже не служил — ему было восемьдесят лет, — жил отдельно и мог рассчитывать только на поддержку своего сына. Сам-то Ынджу был хорошим сыном, а вот жена его была женщиной жадной и злой.

Когда в доме варилась еда, Ынджу велел жене посылать и отца. Но та, договорившись со служанкой, скармливала все дочери.

— Свекор хорошо поел, — показывала она Ынджу пустую посуду. — Видите, ничего не осталось!

А тот этому верил. И еще: когда Ынчжу каждые три луны получал жалованье очищенным рисом, он непременно приказывал отделять часть риса для отца. А жена его от отцовской доли рис отсыпала, а в остаток на каждую мерку подмешивала по две-три горстки песку. Ынчжу и тут ни о чем не догадывался.

Однажды Ён зашел к сыну. «День велик, — подумал Ынчжу, до ужина еще далеко, а батюшка, наверно, проголодался!»

— Сейчас я должен кое-куда сходить, — сказал он жене. — Отец, наверно, проголодался. Угости его, приготовь закусить и выпить!

Когда Ынчжу ушел, Ён стал ждать, не покормят ли его. Но вот уже наступил вечер, а поесть все не предлагали. Тогда, поняв, что невестка угощать его не собирается, Ён взял свою палочку и ушел голодный.

Когда Ынчжу узнал об этом, он стал укорять жену.

А та разозлилась, замахала руками.

— Да разве могла я допустить такое? Да пусть меня убьет молнией, если я его не накормила! — кричала она.

На следующий день Ынчжу отлучился из дома, остались только жена, дочь да служанка. Вдруг черные тучи надвинулись со всех сторон, хлынул проливной дождь, и середь бела дня в деревне стало темно, как ночью. Загрохотал гром, и молния ударила прямо в дом Ынчжу. Трижды грохнуло так, будто раскололось небо и разверзлась земля! А затем небо вдруг прояснилось. Когда соседи зашли в дом Ынчжу, они увидели, что его жена, дочь и служанка лежат рядышком, голова к голове, и все мертвые. А черепица на крыше целехонька, ни одна не расколота!

— Ынчжу был непочтительным сыном! — стали кричать люди. — Он совсем распустил свою жену и дочь. Оттого так и получилось.

В результате Три главных палаты* во всем обвинили Ынчжу, и он умер под палками.

КАК СВАТАЛИ МЫШОНКА

Тот, кто рассчитывает возвыситься при помощи брака, как правило, терпит неудачу.

В старину у некой пары супругов — полевых мышей было чадо, которое они страстно любили. И вот настало время женить его.

— Эй, матушка! — сказал однажды папаша-мышь, поглядев на мышь-мамашу. — Мы родили нашего сыночка, берегли его пуще золота, пуще яшмы, прекрасно воспитали, и теперь он стал совсем взрослым. Пришла пора женить его. Впрочем, в целом свете не вижу я пары для нашего драгоценного мальчика. Я женю его только на такой девушке, чья семья не имеет себе равных по знатности!

И с тем папа-мышь отправился сватать сына. А в мире не имеет себе равных лишь Небо. «Породнюсь-ка я с Небом!» — решил папа-мышь.

— У меня родился сын, — обратился он к Небу. — Я лелеял его, как драгоценное сокровище, ни с чем в мире не сравнимое, отлично воспитал. Потому и женить его должен на девушке, род которой не имеет себе равных в мире. А разве есть другой такой род, кроме вашего? Если бы вы согласились, я с удовольствием породнился бы с вами!

— Я простираюсь над землей, создало все сущее в мире, и нет надо мной никого, — ответило Небо. — Но Облако может закрыть мой лик, мне с ним не справиться!

И тогда мышь-отец пошел к Облаку.

— У меня есть сын, — сказал он ему. — Я люблю его, как бесценное сокровище. Он хорошо воспитан. Поэтому хочется мне породниться с семьей, не имеющей себе равных в мире.

* Три главных палаты — три высших правительственных учреждения в средневековой Корее: Верховный суд, государев цензорат, царская канцелярия.

Говорят, что, пожалуй, только вы непобедимы. Не хотите ли породниться с нами?

— Я могу заполнить собою весь мир, — ответило Облако, — и когда закрываю солнце и луну, все на земле погружается во мрак. Однако Ветер может меня рассеять. Только Ветру не могу я противиться!

И тогдамышь-отец направился к Ветру.

— Своего любимого, единственного сына, — сказал он Ветру, — я хочу женить на девушке из рода, не имеющего себе подобных. Видно, только ваш род таков в поднебесье. Нельзя ли к вам посвататься?

— Я могу ломать большие деревья, — ответил Ветер, — сметать огромные дома, разрушать горы и волновать море. Там, где я пролетаю, — все уничтожаю на своем пути. Только вот Милосердного Будду, что стоит в поле у Квачхона, мне никак не повалить. Куда мне против квачхонского Милосердного Будды!

Мышь-отец, подумав, что Ветер, наверно, прав, явился к квачхонскому Милосердному Будде и в тех же словах предложил с ним породниться.

— Я возвышаюсь посреди поля, — ответил Милосердный Будда, — пройдут тысячелетия, а я все буду незыблем. Вот только боюсь я полевых мышей: разроют они землю у меня под ногами — я непременно упаду. Могу ли я устоять против полевых мышей?!

Услышав эти слова,мышь-отец немедленно возвратился к себе домой. Он решил, что и в самом деле только его род в поднебесье не имеет себе равных, и женил своего сына на такой же точно мыши-полевке.

А бывает, что и люди тщетно тратят силы в погоне за легкой долей. Разве в этой истории со сватовством мышей они не узнают себя, как в зеркале?

ЧОН ЧАДАН

Это было время, когда в нашей стране вновь начались гонения на ученых. Многие из них от отчаяния иногда опускались до лжи и распутства, а иные, чтобы спастись, прикидывались сумасшедшими.

Ученый Чон Чадан, от природы веселый и радушный, был известен как отличный сочинитель прозы и стихов. Но даже и ему случалось притворяться безумцем.

В саду некоего министра росло удивительное грушевое дерево: с наступлением осени оно густо покрывалось золотистыми плодами.

Однажды ночью Чадан прогуливался с друзьями около этого министерского сада. Светила ясная луна.

— Кто может нарвать груш? — спросил кто-то.

— Я могу! — живо выступив вперед, бездумно воскликнул Чадан.

— Министр — человек очень злой. За малейшую оплошность он забивает своих слуг до смерти. Поймают — беды не миновать! — предостерегали друзья, недоверчиво поглядывая на Чадана.

— А чего мне его бояться? — громко рассмеялся Чадан, сбрасывая с себя одежду.

С мешком в руках перескочил он нагишом через ограду и взобрался на грушевое дерево. Спокойно срывая груши, наполнил мешок. От яркой луны было светло, как днем.

А у министра находился какой-то важный гость. Как раз в это время он захотел полюбоваться луной, и все расположились именно под этим грушевым деревом. Сюда же перенесли и столы, а кисэн стала разливать вино. Вот уж чарка несколько раз обошла по кругу. И вдруг кисэн — она как раз стояла перед гостем и подносила ему вино — неудержимо расхохоталась! Министр страшно разгневался, позвал слугу. Тот грубо подтащил кисэн к министру и бросил ее перед ним на колени.

— Как ты посмела смеяться перед таким высоким гостем? — грозно закричал министр.

— Конечно, я веду себя неприлично, — оправдывалась кисэн; — и надо бы меня строго наказать, убить даже. Но ведь странно, что на дереве сидит какой-то совершенно голый мужчина и подглядывает за нами. Глупый смех невольно вырвался у меня, прежде чем я успела доложить вам об этом!

Министр глянул на дерево, несказанно удивился и приказал человеку спуститься вниз. Чадан спустился с дерева и, почтительно сложив руки, приветствовал министра. Он несколько не смущался, держался так, будто вокруг не было ни души.

Министр спросил его имя и узнал, что перед ним сам Чон Чадан. А в то время о замечательных сочинениях Чадана все уже были наслышаны — и знать, и простые люди.

— Как ты посмел средь ночи воровать груши в чужом саду? Это же вопиющее беззаконие! — бранился министр. — Ну да ладно, — неожиданно смягчился он, — поскольку ты сочинитель, придется тебе откупиться стихами!

Он задал Чадану такую строку и приказал сочинить дальше:

Осень прохладу опять
в села несет и в предместья...*

Как только прозвучала эта строка, Чадан тут же закончил стихотворение. Министр и гости очень хвалили его, усадили на почетное место, угощали вином и всю ночь весело развлекались.

Среди стихов, которые сочинил Чадан, были и такие строфы:

*Ночью сидел Су Цзы-чжань**,
книгу читал у окна.
Ветер средь сосен свистел,
дождь не стихал над горами.
Осенью той Бо Лэ-тянь***
гостя в ладье провожал.
Клены шумели во мгле,
тихо тростник шелестел.*

Дальше забыл, не могу вспомнить. У нас на родине очень любят произведения Чадана.

Еще в молодости, когда Чадан выдержал экзамены, он был назначен чиновником в хранилище королевских рукописей. Однажды он ехал верхом по улице Сеула. В одном из домов женщина жарила гороховые лепешки и тут же выкладывала их на столик под окном для продажи.

У Чадана мгновенно разыгрался аппетит. Он спешил и потихоньку подошел к воротам. Незаметно вытащив из ограды камышинку, он ловко подцепил ею лепешку, затем еще и еще. Он стоял как ни в чем не бывало и поедая лепешки одну за другой.

* *Осень прохладу опять...* — строка из стихотворения китайского поэта Хань Юя (768–824).

** Су Цзы-чжань (Су Дун-по, Су Ши, 1037–1101) — китайский поэт.

*** Бо Лэ-тянь (Бо Цзюй-и, 772–846) — китайский поэт.

Кончив печь, хозяйка вышла на улицу и вдруг увидела пустой столик. Удивившись, она заподозрила соседей, но те сказали:

— У ворот стоит какой-то человек. Не он ли перетаскал ваши лепешки?

Хозяйка схватила Чадана за полу и стала яростно браниться.

— Да, спасибо, спасибо! — дурачился Чадан. — Вы, конечно, хотите угостить меня еще и вином. Но лепешки я люблю, а вот вина терпеть не могу. Отпустите меня, пожалуйста!

Вот таким веселым и добродушным был он всегда. Когда Чадану пришлось отправиться в ссылку, случилось ночевать ему в каком-то доме на берегу реки. Во сне он увидел государя. Взмолнованный, Чадан сочинил такое стихотворение:

*Государя любимого
встретил во сне,
Утомленным, усталым
он был, как и прежде.
Я проснулся и вижу:
лежу у окна...
Ветер злобно сечет
опустевшую реку,
Месяц скрылся в потемках
за горной вершиной.*

А некоторое время спустя Чон Чадан покинул этот мир.

ПОЭТЫ ВИДЯТ ОДИНАКОВО

В прошлом году я однажды ночевал в монастыре Сончхончжонса. В полночь я вдруг проснулся и услышал звук, напоминающий шум дождя.

— Что это? Дождь? — спросил я.

— Нет, — ответил монах, — это шумит водопад. И я тут же сочинил такое стихотворение:

*В третью луну
в отдаленных горах
Слышится
жалобный голос кукушки.
Дремлет отшельник
среди облачных круч,*

*Сон не несет ему
успокоенья.
В полночь, проснувшись,
услышал он гул:
— Это не дождь ли
шумит над горами?
— Это не дождь, —
отвечает монах, —
Это по скалам
бежит водопад!*

Потом пришел какой-то путник и прочел такую строфу из стихов Сонгана Чон Чхоля*:

*Шум я услышал
в пустынных горах:
Дождь ли тревожит
опавшие листья?
Вместе с монахом
мы вышли, глядим —
Это ручей
меж деревьев струится!*

Говорят, что поэты видят одинаково. Поистине верные слова!

* Чон Чхоль (1536–1593) — поэт и государственный деятель. Прославился как мастер стихов в жанре каса. Сонган — его псевдоним.

ЧХОН Е

(XVII в.)

Из собрания

«РАЗНЫЕ ИСТОРИИ ИЗ СТРАНЫ, ЧТО К ВОСТОКУ ОТ МОРЯ»

ГОЛЫЙ ВОЕНАЧАЛЬНИК В СУНДУКЕ

Был в недавние годы один человек из военных чинов, которого назначили старшим военачальником в Кёнджу. Всякий раз, когда он направляясь в управу, встречал кисэн, он презрительно восклицал:

— Эй, ты! Бесовское отродье, исчадие ада! Таких, как ты, и близко-то к себе подпускать нельзя. А те, кто любит вас, и не дети человеческие вовсе!

При этом он непременно стучал кисэн трубкой по голове. Было так не раз и не два. Его возненавидели не только все кисэн, но и сам губернатор терпеть его не мог. Собрал он как-то нескольких кисэн и сказал:

— Ах, если бы которая-нибудь из вас смогла проучить этого человека. Право, не пожалел бы я для нее хорошего подарка!

И одна молоденькая, прелестная кисэн вызвалась сделать это. Военачальник поселился с мальчишкой-посыльным в помещении при храме Конфуция. И вот стала к ним наведываться та молоденькая кисэн, переодетая в деревенское платье. Подойдет к воротам храма и, будто украдкой, вызывает мальчика-посыльного. То незаметно войдет, то только заглянет в ворота. А сама старается привлечь внимание начальника. Выйдет по-

сылный — она начинает о чем-то шептаться с ним, кокетливо улыбается. Она приходила каждый день, иногда по два раза. Так продолжалось несколько дней

— Эй, что это за женщина? — спросил военачальник у мальчика. — Приходит каждый день и зачем-то тебя вызывает!

— Она моя сестра, — ответил тот. — Муж ее вот уж год как уехал по торговым делам и не возвращается. Живет она совсем одна и каждый день просит меня присмотреть за домом, когда ей надо куда-нибудь отлучиться.

Вот однажды вечером мальчик куда-то ушел, а военачальник сидел один в пустой комнате для занятий. Молодая женщина пришла опять. Прислонившись к воротам, она несколько раз окликнула посыльного. И тут начальник пригласил ее войти. Сделав вид, что стесняется, женщина поколебалась немного и все-таки вошла.

— Мальчишки как раз нет, — повел он такую речь. — Я выкурю трубку, а ты принеси-ка жаровню. Подойди сюда, сядь, — продолжал он, когда женщина принесла жаровню, — выкуришь и ты одну трубочку.

— Осмелюсь ли я ничтожная?

— Никто ведь не увидит. Да и что ж тут особенного? Ну-ка, живо иди сюда!

Снова сделав вид, что не смеет послушаться, женщина подошла и села. Военачальник заставил ее выкурить трубку.

— Много видел я красивых женщин, — дружелюбно сказал он, — но такую красавицу встретил впервые. Как увидел тебя однажды, потерял аппетит и сон. Думаю только о тебе. Легко ли это? Вот было бы недурно, если бы ты пришла ко мне потихоньку ночью. Сплю я здесь один, и никто не узнает.

— Да как же это можно?! — притворно испугалась женщина. — Вы — начальник, благородный человек, а я — презренная простолюдинка. Да и как вы могли сказать такое? Вы надо мной насмехаетесь!

— Да нет же, нет! Говорю тебе от чистого сердца. Какая же тут насмешка?! — нетерпеливо воскликнул он и даже поклялся, что не лжет.

— Сказать по правде, я сама влюблена сильно. Да и приказа послушаться не смею...

— Встреча с тобой — это счастливая судьба! — радостно воскликнул военачальник.

— Одно только меня смущает. Это помещение находится при храме Конфуция и считается священным. Ведь непристойно здесь спать с женщиной. Не решусь я прийти сюда!

— Ого! — хлопнул себя по коленкам начальник. — Для деревенской женщины ты рассуждаешь совсем не глупо. Это верно. Но как же нам устроиться?

— Вы, начальник, ведь уже сказали мне о своем желании. Я вам поверила и осмелюсь предложить вот что. Мой дом всего в двух-трех шагах от ворот храма. Живу я совсем одна, и ночью вы могли бы прийти ко мне незаметно. А с братишкой я прислала бы вам простую шерстяную куртку и шляпу. Если кто и встретит вас ночью, ни за что не узнает!

— Чудесный план! — несколько раз радостно повторил начальник. — Так и сделаем. Смотри же, не нарушай уговора! — и с тем отпустил женщину.

А кисэн и в самом деле жила в одной из лачужек недалеко от храмовых ворот. Ночью она дала мальчишке одежду и велела отнести военачальнику. Тот, как было условлено, переоделся и пришел к ней. Женщина встретила его, зажгла свечу, приготовила вино и закуски. Они сели друг против друга и, весело обмениваясь чарками, стали пить и есть. Вскоре военачальник разделся, первым забрался под одеяло и позвал женщину. А та нарочно старалась оттянуть время. И вдруг за дверью кто-то заорал. Женщина испуганно прислушалась.

— Ах, вот беда! — зашептала она. — Это мой первый муж — Чхольхо. Прежде он был слугой в управе, и я, несчастная, жила с этим негодяем. Он — мерзавец, каких нет в целом свете. Он уже убил нескольких человек. Два-три года назад я едва от него отвязалась и вышла за другого. И чего это он вдруг пришел сегодня? По голосу слышно, что пьяный. Если вы здесь останетесь, он непременно оскорбит вас. Как же быть?! — Женщина быстро встала и проговорила в сторону двери: — Ну, чего ты шумишь среди ночи? Все ведь спят уже!

— Эй, баба! — вдруг опять заорали за дверью. — Ты что, не узнала мой голос? Живо отворяй!

— Да кто ты мне такой? Мы же давно с тобой разошлись. Чего безобразничаешь по ночам?!

— Ты бросила меня, мерзкая баба, — еще больше разъярился при этих словах Чхольхо, — а теперь небось спуталась с другим? Меня все время душит злоба, и сегодня я пришел поговорить с тобой!

Пнув ногой дверь, он уже входил в дом. Женщина поспешно вошла в комнату и зашептала:

— Господин начальник! Спрячьтесь где-нибудь поскорее. Ах, в моей комнате, размером с черпак, и спрятаться-то негде. Ну, вот хотя бы в этот сундук. Мне страшно! Скорее, умоляю вас!

Подгоняя его, кисэн подняла крышку. И тот, до смерти перепуганный, как был нагишом, залез в сундук! Женщина быстро захлопнула крышку и тут же закрыла сундук на замок. С пьяным брюзжаньем в комнату вошел Чхольхо. Женщина сразу же набросилась на него.

— Мы с тобой разошлись три года тому назад! — закричала она. — Ну, зачем ты пришел опять и оскорбляешь меня?!

— Ты, конечно уж, спуталась с другим. Я хочу забрать платья и посуду, что купил тебе!

— На, все забирай! — закричала женщина и принялась швырять ему какие-то вещи.

— Сундук тоже мой, — вдруг говорит этот мерзавец. — Я и его заберу!

— Как это твой? Два куска материи ведь я за него отдала!

— Да один кусок был мой, дура. А раз так, я сундука не оставлю!

— Ты бросил меня, и еще из-за какого-то куска материи хочешь отобрать сундук? Да пусть я умру, а сундука не отдам!

Так ссорились они из-за этого сундука, пока Чхольхо не сказал:

— Я тебе сундук не оставлю. Придется идти жаловаться в управу!

Скоро наступил день. Чхольхо, взвалив сундук на спину, понес в управу. Вслед за ним пришла женщина, и они стали жаловаться друг на друга губернатору. Тот выслушал их и вынес такое решение:

— Муж и жена сообща купили сундук, равно истратив на него по одному куску материи. А посему закон велит: разделить сундук пополам!

И тут же он приказал разрубить сундук большими топорами на две равные части. Стражники схватили топоры, встали по обе стороны сундука и принялись рубить. Но как только застучали топоры, из сундука донесся истошный крик:

— Не убивайте! Не убивайте человека!

— В сундуке кто-то есть, — сказал губернатор с притворным удивлением. — Живо открыть крышку!

Стражники сбили замок и, быстро откинув крышку, опрокинули сундук. Выскочил совсем голый человек и встал посреди двора. И был это не кто иной, как сам воинский начальник! И начальники и подчиненные управы удивились еще больше. Они не могли без смеха смотреть на такое поразительное зрелище и хохотали, зажимая себе рты.

— Да это же господин воинский начальник! — восклицали в толпе. — Как же он нагишом попал в сундук? Уму непостижимо!

По приказу губернатора голый военачальник, прикрывая обеими руками низ живота и согнув спину, поднялся на возвышение. Сидя на циновке с низко опущенной головой, он выглядел жалким и убитым. Губернатор и служащие управы вдоволь над ним посмеялись, и только потом губернатор приказал принести ему одежду. Тогда кисэн, которые всегда ненавидели его, нарочно принесли ему длинное женское платье. В женском платье, с непокрытой головой, босиком прибежал он в храм Конфуция и в тот же день куда-то скрылся. А в Кёнджу его прозвали «командир в сундуке», и стал он посмешищем всего уезда.

ЗАУПРЯМИЛАСЬ

Хан Мёнхве* был заслуженным государственным чиновником первого ранга при государе Сечжо**. Никто из подданных государя не пользовался большей любовью и доверием, чем он.

* Хан Мёнхве (1415–1487) — государственный деятель.

** Государь Сечжо — правил с 1456 по 1468 гг.

Ну и понятно, что Хан, уповая на свои заслуги перед Сечжо, чинил произвол, совершенно ни с кем не считаясь. Даже при дворе и в Трех главных палатах* никто не осмеливался пожаловаться на него государю.

Когда Хан был назначен губернатором провинции Квансо, он еще более беззастенчиво стал творить беззаконие. Тех, кто противился его воле, немедленно пытали и предавали смерти. Множество людей погибало от его руки, падая, как скошенная конопля. Все трепетали перед ним, как перед тигром.

Однажды Хан услышал, что в уезде Сончхон в семье главы местной управы есть прелестная девушка. Хан вызвал главу в свою губернаторскую резиденцию и без обиняков приказал:

— Говорят, у тебя красивая дочь. Так вот, я хочу взять ее в наложницы. В ближайшее время буду объезжать провинцию, сам заеду к тебе и заберу ее. Я тебя предупредил, имей в виду!

— Моя недостойная дочь, — трепеща от страха, ответил глава управы, — жалкая замарашка. А что болтают о ее красоте, так это враки. Но раз вы изволили приказать, смею ли я послушаться?

Глава вернулся домой в мрачном настроении, по лицу было видно, что стряслась большая беда.

— Батюшка, — спросила дочь, — а зачем вас вызывал губернатор? Вид у вас такой печальный. Что-нибудь случилось? Скажите, что вас тревожит.

А у него даже слова с языка не шли. Дочь несколько раз принималась настойчиво расспрашивать его. Наконец он глубоко вздохнул и сказал:

— Мы в самом деле попали в большую беду. Не знаю, как от нее и избавиться. Губернатор хочет сделать тебя своей наложницей. Разве это добрая весть? Не пойдешь — непременно убьет. А пойдешь, так станут болтать по всей округе, что, мол, семье невтерпеж стало — отдали девушку в наложницы. Какое ужасное несчастье!

— Ой, батюшка! — выслушав его, рассмеялась дочь. — А я-то думала, что за беда. Да зачем вам из-за какой-то девчонки рисковать жизнью? От дочери ведь можно и отказаться. Разве должна погибать из-за меня вся семья? Не печальтесь. А если

* См. примеч. к с. 167.

со мной что случится, значит, так уж суждено, и вам нужно смириться. Положитесь на меня!

— Ф-ф-у! — облегченно вздохнул отец. — После твоих слов и на душе будто полегчало.

Однако с тех пор вся семья жила в тревоге и страхе. Одна дочь была спокойна и даже посмеивалась, как ни в чем не бывало. Вскоре в Сончхон прибыл губернатор.

— Пусть дочь твоя принарядится, — вызвав главу управы, сказал он, — и ждет меня!

Вернувшись домой, глава занялся свадебными приготовлениями.

— Батюшка, — обратилась к нему дочь, — хоть я иду в наложницы, мне бы хотелось, чтобы и место, и стол — все было приготовлено должным образом, как при настоящей свадьбе.

И отец устроил все, как она просила. На следующий день губернатор явился к ним домой. На нем была волосяная шляпа и простая одежда. Встречать его вышла сама девушка. Она встала перед губернатором, вместо веера прикрыв лицо мечом, который вращала обеими руками так быстро, что, казалось, голубой туман окутывал ее! Однако было видно, что и лицом, и станом это поистине несравненная красавица.

Губернатор удивленно спросил, зачем она взяла меч. А девушка велела подружке передать ему: «Я хоть и бедная провинциалка, но из благородной семьи. А вы, уважаемый сановник, хотите сделать меня своей наложницей. Разве это не обидно? Вот если бы вы взяли меня в законные жены, по всем правилам, то всю жизнь верно служила бы я вам. А заставьте пойти наложницей — перережу себе горло вот этим мечом. Для того и взяла его. От одного слова вашей светлости зависит — жить или умереть мне, слабой женщине. Решайте же мою судьбу!»

Хан вообще-то собирался взять женщину без брачной церемонии, незаконно. Однако он был покорен ее пленительной внешностью, поражен смелостью, и сердце его переполнил восторг. Он ответил: «Какая у женщины сила духа! Вот такая-то жена мне и нужна!»

И тогда девушка передала ему: «Если вы говорите серьезно, то, надеюсь, сейчас уйдете отсюда. Составьте по всем правилам брачный договор, приготовьте гуся, шелк, сделайте другие

брачные церемонии. А также обязательно наденьте чиновничью шляпу и пояс. После этого приходите, и пусть будет произведена церемония поклона и стола!»

Хан устроил церемонию по всем правилам и женился. По красоте и добродетели это была женщина, которую редко встретишь в мире. После того, как Хан привел ее к себе в дом, он совершенно охладел к своим прежним жене и наложнице. А эту жену очень полюбил, делил с ней и постель, и стол.

Каждый раз, когда новая жена видела, что поступки Хана неправильны или недостойны его, она осторожно поправляла мужа, и он ее слушался. Добрая слава о ней разнеслась далеко по свету. Однако вела она себя как единственная законная жена. Первая жена стала относиться к ней с неприязнью. Вся семья и близкие родственники тоже не признавали ее законной женой.

Государь Седжо во время своих тайных выездов часто останавливался в доме Хана. Хан обычно устраивал для него угощение. Он встречал короля, а чашу с вином подносила ему вторая жена. Поэтому Седжо, будучи уже хорошо знаком с этой женщиной, называл ее тетушкой.

Однажды Седжо явился, как всегда пил вино и весело проводил время. А женщина вдруг спустилась во двор и почтительно склонилась перед ним до земли.

— Что это с вами, тетушка? — удивленно спросил Седжо. — Зачем вы так?

И женщина подробно рассказала о том, как она стала женой Хана. Плача, горько сетовала она на свою судьбу:

— Я ведь не простолюдинка, хоть и бедного рода. Супруг мой совершил брачную церемонию и обязался считать меня законной женой. Он не должен превращать меня в наложницу. Только потому, что в нашей стране нет закона брать вторую жену, люди придумали название — наложница. Разве это не обидно? Умоляю ваше величество хорошенько разобраться в этом деле! — горячо просила она, не переставая кланяться.

— Твое дело правое! — выслушав ее, неудержимо расхохотался Седжо. — Только зачем же ты лежишь на земле и так убиваешься? Вот я сейчас все улажу. Быстро поднимись сюда!

И государь тут же, не сходя с места, написал такую бумагу: «Повелеваю эту женщину считать законной женой, а сыновьям

ее и внукам предоставить возможность занимать высокие должности. Впредь не чинить им препятствий». Скрепив это своей государевой печатью, он передал бумагу ей.

С тех пор она окончательно утвердилась как законная жена и, наравне с первой женой, была возведена в звание ее мужа. И не было человека, который осмелился бы сказать хоть что-нибудь против. Говорят, что ее сыновья и внуки держали экзамены и, проходя по пути продвижения на службе, не встречали ни малейших помех.

ЛОВКАЯ ВЫДУМКА

Распутство короля Ёнсана* росло день ото дня. Ничего подобного не видано было с древности. К примеру сказать, он подсылал евнухов и дворцовых слуг к женам сановников. И если ему сообщали, что женщина хороша собой, он тут же приглашал ее во дворец и без стеснения разглядывал, будь она даже из семьи первого министра или высшего чиновника. Затем начинал вести себя как животное. Если женщина сопротивлялась, он грубо насиловал ее. А уклониться от его приглашения не было никакой возможности.

Он обнаглел до того, что открыто заявил однажды, будто жене старого министра Пак Сунья так понравились его объятия, что она изъявила желание жить во дворце. Об этом узнали в Чонвоне, и сплетня, которую уже нельзя было пресечь, распространилась повсюду, вызывая страх и всеобщее негодование. Если мало-мальски привлекательную женщину неожиданно вызывали во дворец, она испытывала ужас и смятение, а народ возмущался все больше. Вот до чего упала нравственность государя! И в результате произошел переворот Чунчжона**.

В те времена жена одного известного молодого конфуцианского ученого по красоте не имела себе равных. И вот однажды ей передали приказ явиться во дворец. Обычно женщины, когда их вызывали, очень пугались, плакали и кричали, будто шли на

* Государь Ёнсан — правил с 1495 по 1506 гг.

** Государь Чунчжон — правил с 1506 по 1544 гг.

смерть. А жена ученого была спокойна. Она не проявила ни страха, ни растерянности. Согласно этикету, она красиво подкрасилась и причесалась, надела новое платье и предстала перед Ёнсаном. Ёнсану она сразу понравилась, и, обрадованный, он велел ей подойти поближе. Но что это? Как только прелестная, нарядная женщина приблизилась, в нос ему ударила такая вонь, что он чуть не задохнулся!

— Фу! Мерзость! — закричал Ёнсан, плюясь и прикрывая нос веером. — Да эту бабу и близко подпустить нельзя. Сию же минуту гоните ее вон отсюда! — приказал он приближенным.

Так и не удалось ему осквернить эту женщину, избежала она позора. А было вот как... Заранее зная, что ее вызовут во дворец, она взяла да и сгноила два куска мяса. А перед уходом из дома засунула по куску себе под мышки. Потому-то от нее и исходило такое зловоние.

Все ее родственники и односельчане были в восхищении от такой ловкой выдумки, которая, как говорится, не обошлась без помощи Неба.

ЛЮ ЧЕГОН

(XVII в.)

Из собрания

«ЗАПИСАЛ·ТО, ЧТО ВИДЕЛ И СЛЫШАЛ В РОДНЫХ КРАЯХ»

ПОРЯДОЧНЫЕ ЛЮДИ

Несколько поколений Ли из Очхона жили в Сеуле, и род их разбогател. Однако положение правнуков пошатнулось, и они вынуждены были продать дом господину Хону. Хон купил дом и поселился в нем. Но вот одна из колонн вдруг покосилась, и дом грозил обрушиться. Когда стали чинить колонну, под ней неожиданно нашли пятнадцать тысяч лян серебром! Подумав, что деньги, конечно, являются собственностью предков господина Ли, Хон позвал его и хотел отдать деньги.

— Если даже это серебро и принадлежало моим предкам, — возразил Ли, — то ведь это не засвидетельствовано ни в одном документе. К тому же дом продан вам, а значит, и серебро ваше!

Словом, взять деньги он отказался. Не хотел оставить у себя серебро и Хон. Так препирались они без конца, отказываясь от денег в пользу друг друга. Об этом пошла молва, узнали в управе. Там доложили двору, а потом об этом стало известно и государю.

— Вот ведь какие порядочные у нас есть люди! — воскликнул государь. — Кто сказал, что они уступают древним? — И повелел: — Серебро поделить между этими людьми пополам!

А еще им обоим пожаловал должности.

НАПАЛ РАЗБОЙНИК

Девушку из одной деревушки в Чонпхуне выдали замуж в том же уезде. Муж ее был еще совсем ребенком, не мог даже выполнять супружеские обязанности. Однажды случилось ей с мужем проезжать через некую глухомань, чтобы сократить дорогу. И вот в одном месте — людей не было ни души — из леса вдруг выскочил разбойник. Он ударил мужа дубинкой, и тот свалился на дорогу. А женщина хлестнула коня плетью и, бросив мужа, поскакала прочь.

«Не упустить бы мне эту бабенку!» — подумал разбойник. Оставив ее мужа, он погнался за ней и скоро оказался совсем близко. Женщина вдруг остановила свою лошадь и оглянулась назад.

— Зачем ты за мной гонишься? — крикнула она. — Хочешь взять лошадь или меня?

— Тебя! — ответил разбойник. Женщина тут же слезла с лошади.

— Сравнишь ли с вами этого мальчишку? — дружелюбно сказала она и кокетливо засмеялась. — Ну, какой он мужчина? Я хоть признавала его своим мужем, однако в душе мне было противно служить ему. Уж давно подумывала, как бы от него избавиться, да случая подходящего не было. А сегодня, к великому счастью, встретила с вами, и вот этот случай наконец представился. Я совсем не прочь последовать за вами. Если вы меня хотите, то почему я должна отказать?

Разбойник, обрадовавшись, тут же набросился на женщину и хотел было удовлетворить свою похоть.

— Считайте, что я уже ваша, — отстранила его, однако, женщина. — Так не лучше ли увидеть вместе радостный сон, дождавшись ночи? Зачем же это делать в спешке, прямо на обочине дороги? Да еще с женщиной, которую вы едва увидели и с которой, как говорится, нужно будет прожить сто лет? Настоящие мужчины так не поступают!

Она увлекла разбойника в сторону от дороги, усадила и сказала:

— Есть у меня вкусное вино и мясо. Выпейте-ка немного да покушайте вволю!

Живо развязала она свой дорожный мешок, вынула из него кувшин с вином и нарочно поставила на землю, чуть наклонив

его. Кувшин упал, вино стало выливаться, источая аромат. У разбойника вмиг разыгралась жажда, и он быстро подхватил кувшин.

— Вот только чарки нет, — сказала женщина, — придется пить прямо из кувшина.

Она попросила у разбойника меч, осторожно нарезала тонкими ломтиками мясо. Когда разбойник стал пить, похваливая вино, кувшин был наполовину порожним. Поэтому, держа его обеими руками, разбойник невольно запрокинул голову. Тогда, собрав все свои силы, женщина ударила этого негодяя мечом по горлу и убила его.

Затем быстро побежала к своему мужу. А тот лежал без сознания, испускал слабые стоны и, казалось, вот-вот кончится. Но тут как раз случился какой-то проезжий, супруга погрузили на лошадь, вернулись домой и привели в чувство. Из уезда об этом сообщили государю. Женщине был присвоен почетный титул «Добродетельной жены», а семью их освободили от налога и трудовой повинности.

ЛИ ВОНМЁН

(1807—1887)

Из сборника

«СОБРАНИЕ ПРОСТЫХ РАССКАЗОВ КОРЕИ»

РЕШИТЕЛЬНАЯ ЛЮ

Глава палаты Юн Ган в шестьдесят лет, будучи уже дедом, решил взять в наложницы девушку из семьи Лю из Ёнина. В назначенный день Юн прибыл в деревню, где проживали Лю. А девица Лю передала ему со слугой такие слова: «Я всего лишь недостойная женщина из бедной семьи. И, конечно, испортить вам поездку — большая подлость с моей стороны. Разве вы, пожилой человек, не измучились в дальней дороге? Мне и стыдно, и страшно, но все же я скажу вот что. Дом наш хотя и беден, однако мы из благородного сословия. И если я однажды стану наложницей, то уж на веки вечные не смогу освободиться от этого звания. Потом пойдут дети и внуки, у которых не будет никаких прав. К тому же из-за меня, непочтительной дочери, будут опорочены даже ворота родного дома. Как подумаю об этом, горько становится. А вы, господин, дослужились до министра и уже в почтенном возрасте. Если немного и пострадаете из-за моего отказа, честь ваша большого ущерба не понесет. Войдите вы в положение глупой женщины! Вот если бы вы решились, совершив надлежащую церемонию, взять меня в законные жены, то это лишь прибавило бы славы вашему роду. Хотя слова мои, идущие к вам из женской половины дома, и очень дерзки, однако, невзирая на стыд и страх, смею надеяться на осуществление моей заветной мечты».

Когда главе палаты передали это, он подумал: «Она рассудила очень разумно. Почему бы не сделать, как она хочет?» Тут же написал он и отправил брачное письмо. Затем, облачившись в чиновничье платье, велел приготовить свадебный столик. Словом проделал все, как полагается.

Однако, проведя одну ночь с молодой женой и снова все хорошенько обдумав, Юн почувствовал на душе тяжесть, радость от нового брака вдруг исчезла. Тогда он тут же возвратился в Сеул и пропал, не подавая о себе никаких вестей.

— Если бы ты сразу согласилась стать его наложницей, — стали укорять свою дочь супруги Лю, — такой беды не приключилось бы. Из-за своей дерзости ты испортила себе всю жизнь. На кого ж теперь пенять?

Так попрекали они ее постоянно. Прошел год. И вот дочь попросила родителей собрать ее к переезду в дом мужа.

— Юн же совсем не любит тебя. С каким лицом ты к нему явишься? — отговаривали ее родители.

— Ну и пусть не любит, — ответила дочь. — Но раз уж я стала его женой, то перееду к нему, даже если мне придется умереть. Надеюсь, вы дадите мне несколько слуг.

Тщательно собравшись в дорогу, госпожа Лю прибыла в Сеул и подъехала к дому Юна. На вопрос слуг Юна «Кто эта госпожа?» слуги Лю ответили, что прибыла новая супруга главы палаты. Слуги Юна удивленно переглянулись и не пожелали встречать ее. Тогда госпожа Лю приказала своим слугам освободить одну комнату в помещении для прислуги, высадилась из паланкина и вошла в дом.

В ту пору старший сын Юна, чиновник в верховном суде, уже умер, второго, министра, и третьего, цензора, не было дома. Госпожа Лю распорядилась немедленно прислать к ней сыновей Юна, как только они вернутся. Через некоторое время пришли сыновья. Заметив у ворот паланкин, лошадь и шумевших слуг, они спросили, в чем дело. Им доложили, что из Ёнина прибыла новая супруга их батюшки. Они хотели было сначала пройти к отцу в горницу и справиться у него самого, но тут им сказали, что вас, мол, зовет госпожа Лю. Старший сын не обратил на это никакого внимания. Тогда Лю приказала своему слуге схватить его и привести к ней. Попад в такую неожиданную

переделку, растерянный и недоумевающий, старший сын покорно пошел к госпоже Лю. Слуга вывел его во внешний двор, заставил снять шляпу и поклониться госпоже Лю. А Лю сидела у окна.

— Род мой хотя и ниже вашего, — строгим голосом сказала она, — однако батюшка твой произвел шесть обрядов, сделал меня своей законной женой. И вам я теперь мать. Ваша мать живет менее чем в ста ли отсюда, а вы за целый год ни разу не навестили ее, не подали никакой весточки. Ваш батюшка уже переменял свое отношение ко мне. А как встречаете меня вы? Разве порядочные люди так поступают? Просто поразительно! Вы ведь знали, что я приехала и сижу здесь. Но вместо того чтобы раньше поздороваться со мной, вы помчались прямо в горницу!

Выслушав эти справедливые упреки госпожи Лю, старший сын почтительно склонил голову и признал себя виноватым.

— В порыве гнева я хотела наказать вас палками, — продолжала Лю, — но оба вы являетесь слугами государя, высокими придворными чиновниками. Могла ли я побить вас? На этот раз прощаю. Встань, надень шляпу и войди в комнату!

Так она сказала, позволила подойти к себе ближе, участливо расспросила о здоровье Юна, о том, как он ест, как спит. И братьям пришлось по душе, что она говорит так дружелюбно, так заботливо обо всем расспрашивает.

А Юн велел своим слугам подглядывать и немедленно сообщать ему, как ведет себя госпожа Лю, водворившаяся в людской. Когда ему передали, что его старший сын по приказу Лю насильно приведен к ней, он очень разгневался.

— Деревенская баба! Будто она смеет здесь распоряжаться. Нашла тоже повод для скандала. Да что, она всю семью нашу опозорить решила? Ах, мерзкая баба! — сокрушенно вздыхал он.

Но когда ему доложили, что Лю бранит его сыновей, но в ее словах есть здравый смысл — она требует соблюдения долга и справедливости, Юн хлопнул себя по коленям:

— Ну вот! А я-то бросил такую добродетельную супругу. Как дурно я с ней обошелся. О, позднее раскаяние!

Он тут же велел чисто прибрать женскую половину дома и сам ввел туда госпожу Лю. А потом заставил всю семью — старых и молодых — почтительно приветствовать ее.

Их супружеская любовь была крепка, семья жила в полном согласии. А госпожа Лю и домашнее хозяйство вела очень хорошо. Она родила двоих сыновей. Старший — Чиин — стал главой военной палаты, сын младшего сына — Чигёна, ее внук Ён, также дослужился до главы палаты.

УДИВИТЕЛЬНАЯ СУДЬБА

Во времена правления государя Ёнсана у помощника главы палаты Мэге Чо Ви* уже в старости родился сын. Когда ребенку едва исполнилось четыре-пять лет, бездарное и жестокое правление Ёнсана, день ото дня становясь все более хаотическим, ввергло народ в глубокую нищету и бедствия. Но государя это не тревожило. Тогда Чо Ви, хорошо понимая, что рискует жизнью, решил все-таки его образумить.

Беспокоило Чо Ви только то, что не на кого оставить ребенка. А тут как раз навестил его один монах с горы Пукхансан, с которым он давно дружил. Чо Ви радостно встретил его и, тайно поведав о своем замысле, попросил взять сына на воспитание. И монах, вполне разделяя его возмущение правлением Ёнсана, к счастью, согласился.

Чо Ви дал монаху большой сверток, в котором было много денег, золотых вещей и шелка. А когда он посадил сына ему на спину, мать сунула мальчику в карман пару яшмовых перстней, наказав бережно хранить их. И со слезами на глазах тайком проводили они сына.

После этого достопочтенный Чо составил послание Ёнсану, в котором открыто осудил его. Ёнсану это, конечно, пришлось не по нраву. Сильно разгневавшись, он приказал избить Чо Ви палками и отправить в изгнание в Ыйджу. Чо Ви умер, так и не возвратившись из ссылки, а супругу его отослали в Чеджу простой служанкой в управу.

Монах, взявший ребенка, добросовестно воспитывал его при храме, обучал грамоте. У мальчика был проницательный ум и

* Чо Ви (XV в.) — ученый и государственный деятель. Казнен государем Ёнсаном. Мэге — его псевдоним.

доброе сердце. Когда ему исполнилось лет тринадцать-четырнадцать, он стал просить монаха разыскать его родителей. И тогда монах рассказал ему все, как было. Потрясенный горем, мальчик попросил показать ему хотя бы место, где жили его родители. Монах сказал, что на том месте уже болото, и от дома ничего не осталось, но мальчик снова и снова просил его. В конце концов монах привел его в город и указал на развалины дома. Горько плакал мальчик, ударяя себя в грудь кулаками. Как ни старался монах, утешить его не мог. Наконец монаху это надоело. «Ну что смотреть, как он плачет? Пойду-ка я!» — подумал он и укрылся в каком-то кабачке.

Поплавав, лежа на земле, немного времени, мальчик поднялся и увидел, что монах исчез. Он попытался сам найти обратную дорогу, но не знал даже, в какую сторону идти. А тут еще стало смеркаться. Отчаявшись, он пошел наугад. И вот в одном месте до него отчетливо донесся чистый женский голос: кто-то читал книгу. Он прошел еще немного вперед, на голос. Заметив в маленьком садике флигель, подошел прямо к нему и заглянул в окно. Там одиноко сидела девочка и читала при светильнике «Правила поведения женщины». Лет ей на вид четырнадцать-пятнадцать и красива, как фея! Мальчик сразу в нее влюбился. Он незаметно бросил в окно один из яшмовых перстней, всегда хранившихся у него в кармане.

Девочка крикнула служанку и выглянула в окно. Но мальчик уже успел спрятаться в саду. Затем вышел на улицу, разыскал монаха, и они возвратились в монастырь.

«Откуда это вдруг тихой ночью ко мне упал яшмовый перстень? — подумала девочка. — Ясно, что это по воле Неба. Спрячу-ка я его хорошенько!» А была она дочерью начальника государственной канцелярии Чхое Бу*. Достопочтенный Чхое тоже погиб за правду, сказанную Ёнсану. Дочь его приютил двоюродный брат, проживавший в уезде Мучжан.

В год пёнин** произошел переворот Чунчжона. Чунчжон издал особый указ, по которому дети и внуки лиц, преследовав-

* Чхве Бу (?–1504) — ученый и государственный деятель. Был казнен государем Ёнсаном.

** Год пёнин — третий год 60-летнего цикла. Здесь — 1506 г.

шихся при Ёнсане, могли занимать государственные должности. Поэтому сын Чо Ви сразу же выдержал экзамен. Он был назначен правителем уезда Мучжан, взял к себе мать и проявлял к ней всяческое почтение.

Но вот перед правителем Чо, который был все еще холост, встал вопрос о женитьбе. Кто-то сказал ему, что в одной деревне живет необыкновенно красивая девушка, дочь сановника Чхое. А Чо все еще не мог забыть незнакомую девочку, которой когда-то бросил яшмовый перстень. И он послал сваху к Чхое — разузнать, не та ли это самая девушка. Свахе он дал оставшийся у него перстень, чтобы в случае чего можно было сличить оба перстня. Оказалось, что это именно та самая девушка. Чо очень обрадовался, а люди говорили, что у него удивительная судьба. Немедленно выбрали счастливый день, совершили свадебный обряд, и молодая переехала в дом мужа.

Госпожа Чхое была и лицом красива, и хорошо воспитана, и характер у нее был покладистый. Чо ее очень любил и доверял ей. Однако, хотя со дня свадьбы прошло уже много времени, женщина никак не могла забеременеть. И, очень обеспокоенная этим, она предложила Чо взять наложницу. «А не ранит ли это душу моей жене?» — подумал Чо и отказался. Но супруга снова и снова настойчиво его убеждала, и в конце концов он взял в наложницы женщину по фамилии Тхэ. И вот вскоре после того, как пришла Тхэ, госпожа Чхое наконец забеременела, а Чо спешно пришлось отправиться с посольством в Китай. Он даже не успел узнать о беременности жены. А Тхэ от природы была коварной и злой. Завидуя беременности Чхое, она распустила слух, что-де отец ребенка, которого вынашивает Чхое, вовсе не господин Чо. Затем принялась строить злые козни, чтобы устранить Чхое. Тайно сговорилась Тхэ со своим старшим братом, чтобы ночью он незаметно пробрался в спальню госпожи Чхое и спрятался за ширмой. А когда свекровь подойдет к комнате невестки, пусть неожиданно выскочит оттуда. После этого Тхэ торопливо, будто стряслась какая-то беда, донесла старой госпоже:

— Только что зашла в комнату Чхое и заметила тень какого-то мужчины. Вот неожиданность. Очень странно.

— Да не может этого быть. Не болтай зря! — рассердилась свекровь.

— Если не верите, то пойдите и посмотрите сами!

Она так пристала к свекрови, что старуха была вынуждена пойти с ней. Только свекровь открыла дверь в комнату Чхое и хотела уже войти, как вдруг негодяй выскочил из-за ширмы и убежал. А свекровь от неожиданности так перепугалась, что даже на ногах удержаться не могла.

— Да можно ли терпеть в именитой семье такую непорядочную женщину?! — поддерживая старую госпожу, воскликнула Тхэ. — Вот уж, право, человека сразу не раскусишь! — то и дело повторяла она.

Однако свекровь, зная, что Чхое добродетельна и непорочна, не поверила во все это. Тогда Тхэ решила пустить сплетню через слуг. Но и слуги знали о добродетельном поведении госпожи Чхое и отказались признать ложь за правду. К тому же за ее доброту все они были ей преданы.

— Да нет, разве это возможно?! — не верили и они.

А Тхэ через некоторое время придумала вот какую пакость: она изучила почерк свекрови и могла его подделывать. Зная, что свекровь собирается отправить с okazji письмо в Китай, она написала подложное письмо, подучила своего старшего брата, как подменить его. Брат, получив богатые подарки, последовал за человеком, который вез письмо свекрови в Китай, опоил его отравленным вином до беспамятства и осторожно подменил письмо.

Вот что было написано в том подложном письме: «После того как ты уехал, я узнала о столь постыдном поведении твоей жены, что и передать не могу. Однажды ночью я застала прелюбодейку врасплох. Она оскверняет и позорит семью, разве это не прискорбно? Скрывать очень трудно. Ты должен немедленно прогнать ее!»

Получив письмо, Чо очень удивился. «Письмо как будто писала матушка, — подумал он, — но что-то тут не так». И он ответил: «Тысячу раз обдумывал ваше письмо, и мне кажется, что вы ошибаетесь. Прошу пока не поднимать шума, беречь будущего ребенка, а когда он родится, оказать помощь!» Так он заботливо распорядился.

А Тхэ, дождавшись ответа, снова написала подложное письмо и также заставила брата подменить в пути письмо Чо. В ее

письме говорилось: «Ни минуты нельзя оставлять такую блудницу в доме. Прошу вас немедленно прогнать ее!»

Старая госпожа, прочитав это письмо, от растерянности и испуга не могла вымолвить ни одного слова. «Вот хорошо-то!» — подумала Тхэ, всплеснула руками и воскликнула:

— Да, нет дыма без огня! Имей она даже сто ртов, сможет разве теперь оправдаться?

Потом Тхэ взяла письмо и, придя к госпоже Чхое, сказала:

— Господин Чо прислал письмо. Велит прогнать тебя.

— Что ты собираешься делать?

— Уже давно со стыда умереть готова. Что тут скажешь? — печально ответила Чхое, а сама подумала: «Я невинна и ношу во чреве крошечную плоть и кровь. Могу ли я допустить, чтобы прервался род господина Чо?»

Она взяла с собой служанку Чхуволь, покинула ночью дом господина Чо и направилась к своему дяде в Мучжан. Никем не замеченные, быстро шли они по дороге. Когда, совсем сбившись с ног и едва не падая от усталости, они добрались до Чиксана, госпожа Чхое почувствовала, что начинаются роды. Поэтому им пришлось зайти в первый попавшийся деревенский дом.

Это был дом вдовы Мин. Госпожа Чхое рассказала о том, что с нею случилось. Хозяйка-вдова пожалела и приютила ее. И в ту же ночь Чхое благополучно родила сына. Так ей и пришлось остаться в этом доме. Хозяйку-вдову она очень полюбила, называла ее матушкой. Она стала зарабатывать на жизнь шитьем, прервала всякую связь с домом Чо и утешалась только своим ребенком.

А когда вернулся из Китая Чо, преступная клевета Тхэ была разоблачена. Чо сильно разгневался и прогнал Тхэ, а брат ее был брошен в тюрьму, где и умер. Чо приложил много сил, чтобы узнать, куда ушла Чхое. Он съездил даже в Мучжан, но следов ее не нашел.

Шло время. Вот уж сыну госпожи Чхое исполнилось пять лет. Он всегда ходил играть на берег озера с деревенскими ребятами. Как-то один ребенок упал в воду и утонул. Мальчишки, как только увидели это, в испуге разбежались и спрятались. А сын госпожи Чхое — он был среди них самый маленький — будто оцепенел и остался один на берегу озера.

Через некоторое время прибежала мать утонувшего ребенка, схватила его за руку и отвела в управу.

— Разве можно наказывать пятилетнего ребенка? Отпустить его! — приказал начальник управы.

Однако мать утонувшего стала подавать бесчисленные жалобы, и начальник был вынужден до поры до времени заключить сына госпожи Чхое в тюрьму.

Как раз в это время Чо был назначен ревизором в провинцию Хосо. И вот, проезжая через ту местность, где поселилась госпожа Чхое, от жителей уезда он слышал такие слова:

— Случаются в мире всякие удивительные вещи, но кто слышал когда-нибудь о пятилетнем узнике?!

И Чо, которому по долгу службы приходилось расспрашивать, как служат чиновники, как живет народ, узнал всю правду. Войдя в ту же ночь в уездный город, он предъявил знаки ревизора.

А госпожа Чхое, услышав, что прибыл ревизор, быстро написала жалобу и велела служанке Чхуволь подать ее. Как только Чо увидел эту женщину, он сразу узнал в ней служанку своей жены. Обрадовавшись, он подозвал Чхуволь, обо всем расспросил ее. Тут только он и узнал, что пятилетний узник — это его собственный ребенок, которым была беременна супруга, когда он уезжал в Китай. Подивившись, он посадил сына на спину Чхуволь, и они отправились к госпоже Чхое. Супруги обнялись, они смеялись и плакали от радости. А стали рассказывать друг другу о себе — и опять не могли удержаться от горестных вздохов. Чо приказал начальнику управы приготовить повозку, чтобы отправить жену и сына домой.

— Если бы не моя хозяйка-вдова, — горячо сказала госпожа Чхое своему супругу, — разве смогла бы я перенести все это и дожить до сегодняшнего дня? Пять лет помогала она мне как мать родная. Хотелось бы отблагодарить ее за такую доброту. Есть у нее дочь, которую никто не берет замуж потому, что они бедные. Хорошо бы, вы проявили к ней благосклонность да взяли себе в наложницы. Вот и вознаградили бы и мать, и дочь за их доброту!

— А разве прежний пример, — спросил Чо, — не пугает мою супругу?

— Все прошлые невзгоды — это уж судьба моя несчастли-
вая, — ответила госпожа Чхое. — Могут ли быть в мире две та-
кие женщины, как Тхэ?

— Пожалуй, так и надо сделать, — проговорил Чо. Госпожа
Чхое очень обрадовалась и вместе с девушкой Мин возврати-
лась домой.

А Чо, закончив свои государственные дела, тоже приехал до-
мой и в конце концов сделал девушку Мин своей наложницей.
Госпожа Мин была тоже добродетельной и разумной. На жен-
ской половине дома воцарилось согласие. Госпожа Чхое одного
за другим родила сына и дочь, а госпожа Мин тоже родила дво-
их сыновей. Чо, состарившись, отказался от должности и наслаж-
дался счастьем, а дети и внуки его тоже процветали.

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Из собрания

«ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ СТРАНЫ ЗЕЛЕННЫХ ГОР»

ВЫДАЛ ЗАМУЖ ПЯТЕРЫХ ДЕВИЦ

У Ли Кванчжона, уроженца Ёнана, второе имя было — Токви, а псевдоним — Хэго. В год кею* правления государя Сончжо** он занял первое место на столичных экзаменах, а в год кёнин*** выдержал и чиновничьи экзамены. Когда Ли Кванчжон стал правителем уезда Янчжу провинции Кёнгидо, держал он одного сокола и каждый день отправлял сокольника охотиться на фазанов.

Один раз сокольник отправился на охоту, да и пропал на всю ночь. Воротился он только утром, хромя на одну ногу. Ли очень удивился и спросил, что случилось. И сокольник, смеясь, рассказал ему вот что:

— Вчера на охоте пустил я сокола, но фазана не взял, да и сам сокол куда-то запропастился. Ходил я, ходил вокруг, искал, искал, а он, оказывается, сидит себе на верхушке дерева перед воротами какого-то дома. Хозяином того дома оказался глава местной управы Ли. С превеликим трудом подманил я сокола, взял на руку. Тотчас собрался я возвращаться, да вдруг услышал за изгородью звонкие голоса. Я заглянул в щель. Пятеро бойких девиц, здоровенных, как лошади, сбились в кучу, а потом вдруг

* Год кею — 10-й год 60-летнего цикла. Здесь — 1573 г.

** Государь Сончжо — правил с 1568 по 1608 гг.

*** Год кёнин — 27-й год 60-летнего цикла. Здесь — 1590 г.

ринулись в мою сторону! Вид у них был такой устрашающий, что я испугался — не побили бы палками! Хотел было спрятаться, да поскользнулся и поранил ногу о камень.

Солнце уже село, становилось темно. На душе было неспокойно. Однако из любопытства я спрятался в деревьях у ограды и стал подглядывать.

«Как скучно! — говорили девицы друг с другом. — Не сыграть ли нам в “губернатора”?»

Все дружно согласились. Одна из девиц, с длинными, до земли волосами и увядшим лицом, стала «губернатором». А остальным девушкам выпало быть: одной — главой местной управы, другой — чиновником, ведающим уголовными наказаниями, третьей — секретарем, четвертой — посыльным.

Девушка-«губернатор» села на высокий камень, остальные окружили ее.

— Арестовать и привести сюда «главу местной управы»! — приказала «губернатор».

«Чиновник по уголовным делам» тут же вызвала «секретаря» и передала приказ. Та, в свою очередь, передала приказ девушке-«посыльному». «Посыльный» схватила «главу управы» и бросила ее на колени перед «губернатором».

— Брак — дело очень важное в жизни человека, — начала обвинительную речь «губернатор» громким голосом. — А ведь твоей младшей дочери уже более двух десятков лет. Сколько же тогда старшим? Почему ты вынуждаешь бессмысленно стариться в девичьей своих пятерых дочерей? Ты что, хочешь сделать их калеками? Да за такое преступление тебя надо казнить!

— Разве я, жалкий простолюдин, не понимаю этого? — оправдывалась «глава», распростершись в наклоне. — Но хозяйство у меня бедное, а дочерей-то пятеро. Не могу я сделать им приданое и справить свадьбу. Вот как получается!

— Да если бы ты вовремя позаботился об этом, так нашлись бы и средства. Одежду можно было бы одолжить, а вместо угощения обошлись бы и миской воды. Это не помешало бы брачной церемонии. Так что твои слова не оправдание! — бранилась «губернатор».

— У меня, ничтожного, дочерей не одна и не две. Всем и женихов-то не подыщешь! — продолжала оправдываться «глава управы».

— Если бы ты как следует нас сватал, — снова прикрикнула «губернатор», — то уж давно нашел бы женихов! И у всех твоих пятерых дочерей были бы теперь мужья. Говорят, что в такой-то деревне живут глава управы Сон, чиновники управы О и Чхое, в такой-то деревне — глава управы Ан, в такой-то деревне — чиновник управы Ким. И у всех у них есть сыновья-женихи. Они могли бы стать мужьями твоих дочерей. И родом они для тебя подходящие. Так что никаких препятствий быть не должно!

— Я попробую действовать по вашему приказанию, — смиренно сказала «глава управы», — но они ведь непременно ответят, что, мол, я беден. И ничего из этой затеи не получится!

— Да, уж конечно, ты должен как следует постараться. Стоило бы всыпать тебе хорошенько, но, принимая во внимание твое положение, пока прощаю. Живо заключай помолвку и устраивай свадьбу! А не сделаешь этого — будешь строго наказан! — и «губернатор» велела увести «главу».

Все пятеро девиц дружно рассмеялись. Зрелище было поистине забавным. Пока я смотрел, как играют в «губернатора», настала ночь. Пришлось мне остановиться в трактире. Вот только что вернулся!

Выслушав рассказ охотника, Ли Кванчжон от души расхохотался. Он вызвал деревенского старосту, спросил его о семье главы местной управы Ли, о его дочерях.

— Глава управы Ли, — ответил тот, — хоть и является главой округа, хозяйство имеет бедное, сыновей нет, а дочерей целых пятеро. Все они перестарки, по бедности их никак было не выдать замуж.

Ли Кванчжон тут же послал чиновника отдела церемоний за главой управы Ли.

— Я позвал тебя, — сказал он, когда тот пришел, — чтобы кое о чем посоветоваться, поскольку ты имеешь опыт службы в деревне.

Потом он спросил о его семье.

— Нелегкая у меня судьба, — пожаловался тот, — нет ни одного сына, только пятеро никчемных девок!

— И всех замуж выдал?

— Да ни одной не смог выдать!

— А по сколько же им лет?

— Уж и самое крайнее время ушло!

Продолжая расспрашивать, Ли Кванчжон выяснил, что все ответы девушки-«главы управы» в игре, о которой он только что слышал, полностью совпадают с действительностью. Он напомнил Ли и о женихах в соседних деревнях, о которых говорили девицы:

— Почему ты не посватал дочерей в этих домах? — спросил он.

— Так ведь они не захотят женить своих сыновей на моих дочерях: я человек бедный.

— Я сам выдам твоих дочерей замуж! — заявил Ли Кванчжон и тотчас же вызвал тех пятерых чиновников из соседних деревень. — Говорят, что у всех у вас есть взрослые неженатые сыновья, — обратился он к ним. — Так ли это?

— Да, есть.

— Они уже помолвлены?

— Пока еще нет.

— Слышал я, — сказал тогда Ли Кванчжон, — что в некой деревне, в доме у главы управы Ли, пятеро дочерей. Думаю, что и его семья, и ваши семьи одинаково родовиты и положение у вас равное. Почему бы вам не породниться? Я сам и сватом мог бы быть, и свадебной церемонией распорядиться. Что вы на это скажете?

Все пятеро в нерешительности молчали.

— Ваши семьи подходят друг другу, — продолжал Ли Кванчжон, — и раз вы не хотите женить своих сыновей на девушках из хорошей семьи, значит, дело только в их бедности? Что же, по вашему, девушке из бедной семьи только и остается, что состариться с заплетенными косами, сидючи в родительском доме? Впрочем, я уже огласил помолвку, не осмелитесь же вы теперь возражать! — он вынул пять листов бумаги, положил перед ними и строго сказал:

— Напишите ваши четыре главных числа-сачжу* и подайте мне!

* Сачжу — документ, содержащий год, месяц, день и час рождения жениха и невесты. По сачжу жениха и невесты составлялся гороскоп, в котором выяснялось, нет ли в сочетаниях дат неблагоприятных для свадьбы предзнаменований, а также выбирался день свадьбы, когда сочетания в расположении планет были наиболее счастливыми. Например, нельзя было допускать сочетания «тигр» и «заяц», ибо тигр съест зайца.

— Почтительно повинуюемся! — с поклоном ответили все пятеро.

Каждый составил саджу и передал Ли Кванчжону. А он, узнав возраст женихов, распределил между ними девушек и приказал готовиться к свадьбе.

— Свадебные наряды должны быть приготовлены в домах женихов. Главу управы Ли не смейте беспокоить! — распорядился он на прощанье.

Свадьбу Ли Кванчжон приказал устроить не позднее, чем через десять дней. Велел доставить в дом невест тканей, денег и риса из домов женихов, словом — все, что нужно для свадебной церемонии. А в день свадьбы он сам явился в дом господина Ли, распорядился установить ширмы, а всю утварь для церемонии взять из управы. Во дворе были установлены пять столов, и все пять пар одновременно совершили брачную церемонию. Зрители стояли вокруг стеной, и не было ни одного человека, который не восхищался бы поступком Ли Кванчжона.

Потомки Ли Кванчжона преуспевали в жизни, достигли блестящих успехов на службе. И, как говорили люди того времени, все это происходило потому, что много добрых дел совершил Ли Кванчжон в жизни. А сам Ли Кванчжон был внесен в списки «Безупречных чиновников» и назначен главой палаты и членом попечительского совета по делам заслуженных престарелых чиновников.

НАКАЗАН РОЗГАМИ

Главе палаты Хон Увону* в юности, еще до экзаменов, случилось отправиться в некую сельскую местность. День клонился к вечеру, а до постоянного двора было еще далеко. Хон Увон добрался до маленькой — в два-три дома — деревушки при дороге, зашел в один дом и попросился переночевать. Хозяин пустил его. А в семье было всего три человека: старики муж с женой да молодая сноха.

— Нынешней ночью надо приносить жертвы душам усопших родственников, — сказал после ужина старик хозяин, — и

* Хон Увон (1605–1687) — государственный деятель и литератор.

нам с женой нельзя не пойти. Молодой снохе придется остаться дома одной. Мне очень неловко, но прошу вас — присмотрите хорошенько за домом! — попросил он Хон Увона. А снохе наказал: — Пока нас не будет дома, изволь позаботиться о госте! — и ушел вместе со старухой.

Сноха проводила стариков, заперла ворота. Затем в маленькой комнатухе она уложила гостя спать, а сама села рядом и стала пряхать при светильнике.

Тайная мысль не давала покоя Хон Увону: «Женщина хоть и деревенская, но уж так хороша собой! А дома никого нет, мы вдвоем в одной маленькой комнатухе. Она ведь тоже молоденькая...» И он решил испытать женщину. Притворившись спящим, подвинулся к ней и положил ногу ей на колени. «Измучился, бедный, в дальней дороге. Как спит беспокойно!» — подумала женщина и осторожно обеими руками сняла ногу Хон Увона со своих колен. А он немного погодя опять положил на нее ногу. И женщина снова сняла ее. «Не очень-то решительно она противится!» — неверно истолковав поведение молодой женщины, подумал Хон Увон и в третий раз положил ей ногу на колени.

Тут только женщина и догадалась об истинных намерениях гостя. Она стала сердито его расталкивать, но Хон Увон притворился крепко спящим. И только после того как она несколько раз сильно встряхнула его, он потянулся и что-то, будто сквозь сон, пробормотал.

— Вы ведь из благородных и книжки читаете. Должны бы иметь понятие о чести! — воскликнула женщина, подымая и усаживая Хон Увона. — Да вы что, не знаете, как мужчина должен вести себя с женщиной? Родители-то мужа вам доверились, даже присмотреть за домом просили. А вы, затаив на сердце недоброе, так позорно себя ведете. Разве это достойно благородного человека? Вас непременно нужно побить по икрам. Извольте сейчас же выйти и принести розги!

Так сурово она его разбранила. А Хон Увон, слушая ее, не знал, куда деваться от стыда, — лицо его залила краска. Убоявшись суровых и справедливых слов этой женщины, он вышел и принес розги.

— Засучите штаны! — строго приказала женщина. Хону ничего не оставалось делать, как повиноваться.

Сильно отхлестав его по икрам, женщина пообещала:

— Вот вернутся завтра родители мужа, я непременно им все расскажу. А сейчас извольте спать! — И она снова принялась прясть, как ни в чем не бывало.

— Хорошо ли, гость, отдохнул у нас? — спросили Хона вернувшиеся наутро старики-супруги.

А Хон даже и ответить ничего не смог, сидел молча. Тогда сноха доложила им о ночном происшествии.

— Ты честная женщина, я об этом знаю, — сказал старик, — потому и оставил тебя наедине с гостем. Но что ты наделала? У мужчины дрогнуло сердце при виде такой красоти — что ж тут удивительного? Могла бы по-хорошему вразумить его. Как же ты посмела побить гостя?!

Приказав ей заголить икры, он отхлестал ее той же самой розгой, которой она побила Хон Увона.

— Деревенская женщина, — сказал он Хону, — по невежеству своему осмелилась оскорбить гостя. Позор мне!

Хон смущенно поблагодарил хозяина и ушел. В этот день он снова прошел несколько десятков ли. И, когда стемнело, ему опять пришлось зайти в один деревенский дом переночевать. В этом доме жили только молодые супруги.

— Мне по спешному делу надо пойти в одно место, — сказал хозяин Хону, когда они отужинали. — В десятке ли отсюда. Вернусь завтра, рано утром. Надеюсь, гость будет почивать спокойно. А ты, — приказал он жене, — хорошенько ухаживай за гостем! — и ушел.

Комната состояла из двух половин, отделялись они раздвижной стенкой. Хозяйка легла на одной половине, Хон — на другой. Он был жестоко наказан прошлой ночью и даже думать не смел о чем-нибудь таком.

— Эй, гость! — окликнула Хона женщина, как только стемнело. — Там вам неудобно, да и холодно. Идите-ка спать ко мне!

— Да нет, мне не холодно! — ответил Хон, и хотя женщина еще два-три раза звала его, он и слышать не хотел.

Но тут вдруг он почувствовал, что женщина открывает к нему дверь! Он не поднялся, только крепко припер дверь спиной, не позволив ее открыть. Женщина принялась громко стучаться. Она не могла пересилить свою похоть, на все лады со-

блзняла Хона и даже попыталась раздвинуть стенку. А убедившись, что это ей не удастся, женщина рассердилась.

— Да что это за мужчина? Я таких еще не видывала! — насмешливо крикнула она. — Ну, если не ты, так разве нет других?! — Пнув ногой наружную дверь, она вышла на улицу.

Вскоре женщина вернулась с каким-то проходимцем. Они сразу же принялись распутничать. А потом, уgomонившись, захрапели. Немного погодя появился муж. Он кинулся прямо в свою комнату и зарезал ножом обоих. Потом быстро вышел, встал под окном той комнаты, где спал Хон, и тихим голосом окликнул его:

— Гость, вы спите?

— Кто это?

— Это я, хозяин. Пожалуйста, отойдите мне вашу дверь!

Хон, зная, что этот человек только что совершил убийство, сильно перепугался. Но ведь за ним не было никакой вины, и потому он открыл дверь.

— Вы поистине великий человек! — восхищенно воскликнул хозяин. — Да много ли найдется молодых мужчин, которые не впади бы в искушение, оставшись вдвоем с молодой женщиной ночью, в спальне, разделенные лишь тонкой перегородкой? А тем более, если женщина соблазняет? Я давно уже подозревал эту мерзкую тварь. Все хотел поймать с поличным, да случай не представлялся. А вчера, как увидел вас, так и подумал, что, мол, внешность у него привлекательная, и эту бабу непременно к нему потянет. Поэтому я нарочно сказал, что ухожу, а сам спрятался под окном и все видел. Эта подлая тварь вас всячески соблазняла, но вы не поддались. Тогда, не сумев обуздать свою похоть, она привела соседского парня. Увидев, как спят эти распутники, в порыве гнева я зарезал ножом обоих. А ведь поддайся вы этой бабе — страшно сказать! — и вам не миновать бы моего ножа! Много видывал я разных людей, но такого благородного, честного человека, как вы, встретил впервые. Теперь вам нельзя здесь оставаться. Идемте, нам надо уйти до свету!

И Хон последовал за этим человеком.

— Я забыл кое-что сделать, — сказал хозяин, пройдя несколько шагов. — Пойду подожгу дом. Подождите меня немного!

Тут же он повернулся и вошел в свой дом. А Хон, решив, что ждать этого человека нет никакой надобности, пошел один.

И когда, отойдя немного, оглянулся, — увидел, как вдалеке пламя взметнулось к небу!

Впоследствии Хон Увон держал экзамены, был назначен губернатором провинции Канвондо. Следуя к месту назначения, среди людей, расчищающих дорогу, неожиданно встретил того человека. Он стоял у дороги с метлой в руках. Они побеседовали, вспомнили о прошлом. А после вступления в должность Хон Увон послал ему богатые подарки.

СВИНЬЯ СЪЕЛА ВОДОПАД

Некоего человека назначили правителем Чинъяна. Был он жаден и жесток с подчиненными. В алчности своей он зашел так далеко, что даже деревья и дикие плоды с гор приказывал тащить к себе. Не брезговал он и овощами с чужих огородов. Не оставлял в покое даже буддийские монастыри.

Однажды встретил он монаха из монастыря Унмунса.

— А что, — неожиданно спросил правитель, — ваш водопад у храма в эту пору, верно, очень хорош?

Перепуганный монах, решив, что правитель опять чего-то потребует, впопыхах брякнул:

— Куда там! Его еще летом сожрала дикая свинья!

Горная беседка Хансон является достопримечательностью Квандона. Поэтому повозки и верховые лошади приезжающих на прогулку чиновников скапливаются здесь постоянно. И вот приготовление угощений, подарков, связанные с этим издержки и всевозможные работы так надоели местным жителям, что они стали недовольно ворчать: «Пришел бы однажды тигр да утащил бы куда-нибудь беседку этих бездельников!» А потом слова эти, вышедшие из уст народа, как-то сами собой вылились в стихи:

*Вот ведь смогла же свинья
целый сожрать водопад?
Что же беседку Хансон
тигр не утащит от нас?*

Из собрания
«ПУСТЯКИ,
ЗАПИСАННЫЕ НА ДОСУГЕ»

ЕСЛИ БАМБУК ТВОЙ

В старинной деревушке Чучжин жил один человек, которого называли господин учитель Ун Су. Был он со странностями. Построил себе здесь крытый соломой маленький домишко, по примеру Тао Юань-мина* выращивал хризантемы, а в пруду, будто Чжоу Мао-шу**, разводил лотосы. Ун Су очень любил природу. Он срывал банановые листья и кормил ими оленей. Он приручал журавлей, бросая им сосновые семена. Временами, празднично развалясь, читал Ун Су главу «О поддержании жизни» Чжуан-цзы*** либо цитировал «Суждения об удовольствиях» Чжун Чжан-туна****. Любил он свежий ветерок по утрам в саду, вечерами любовался опускающимся за вершины гор солнцем.

*В повязке из ткани простой
гость поселился в лесу.
Много кувшинов с весенним вином —
значит отшельник пьян.
В краю бессмертных под ясной луной
лишь одна журавлиная пара.
На речных берегах персик зацвел,
все деревья в цветах!*

Вот даже и в стихах говорится, что, покинув суетный свет, как это сделал Ун Су, можно попасть в совершенно иной, незем-

* Тао Юань-мин (Тао Цянь, 365–427) — китайский поэт. Его произведения были очень популярны в Корее.

** Чжоу Мао-шу — китайский философ, жил в период правления династии Сун (960–1279).

*** Чжуан-цзы (Чжуан Чжоу, 369–286 гг. до н. э.) — философ и писатель древнего Китая.

**** Чжун Чжан-тун (179–220) — китайский философ.

ной мир. А еще раздобыл где-то Ун Су необыкновенный бамбук и посадил его у себя в саду. Колена бамбука были причудливо изогнуты, каждый побег кривился как-то по-особенному. И если был он вывезен не с берегов реки Ци, то уж непременно с высоких гор Аншаня*! Ун Су неустанно над ним трудился — унавоживал, окучивал, подрезал. День и ночь любовался он бамбуком, на все лады его лелеял.

Ясной ночью

чист его шелест.

Душным летом

он свежесть приносит!

Красота-то какая! Да можно ль без такого друга прожить хоть один день?

Без еды —

человек похудеет,

Без бамбука —

душа оскудеет...

Будет пища —

он вновь потолстеет,

А вульгарность —

она не исчезнет!

А еще Ун Су любил цветы сливы, как Линь Бу**. Подобно господину Ли, обожал он необыкновенные камни!

И вот этот самый бамбук вдруг пророс сквозь ограду и пустил побеги в чужом дворе. Разрастаясь мало-помалу, новая поросль оказалась еще лучше, чем была у Ун Су.

А вообще-то Ун Су был человек туповатый и не сразу сообразил, что к чему. Но потом вдруг его пробрало.

— Семена-то ведь мои, — сказал он соседу, — и как же это получается, что владеешь бамбуком ты? — и, отыскав столь веский довод, Ун Су вознамерился было срезать соседский бамбук.

— Семена, конечно, твои, — возразил ему, однако, старик сосед, — но ведь они проросли в моем дворе. Чей же может быть бамбук, как не мой?

* Река Ци и горы Аншань находятся в Китае.

** Линь Бу — китайский поэт, жил в правление династии Сун (960–1279).

Так, препираясь друг с другом, уподобились они царствам У и Чу*, оспаривавшим шелковицу, что росла на границе. Ссорились они, будто Юй и Жуй** из-за пограничного поля. И трудно было разобраться, кто из них виноват, кто прав. Кто мог разрешить их спор? Сцепившись, как зимородок с устрицей, они не могли оторваться друг от друга. И хотя прошло уже полдня, конца сражению было не видать. А ночью Ун Су все-таки срезал бамбук у соседа.

После этого случая прошло, пожалуй, около года. И вдруг соседский бык покрыл корову Ун Су. Когда корова отелилась, мигом прибежал старик сосед, схватил теленка на руки и понес к себе.

— Ты что же это средь бела дня хватаешь чужого теленка? — рассвирепел Ун Су.

— В прошлом году, — спокойно возразил сосед, — ты срезал на моем дворе бамбук, который вырос из твоих семян. Ну что же, пожалуй, ты был прав. Этот теленок — от моего быка. Разве не справедливо, что я беру его?

И тогда они пошли с жалобой в уездную управу.

— У каждой вещи есть свой хозяин, — решил правитель, — и если хозяин потерял ее, то она должна быть ему возвращена. И бамбук, и теленок возвращены каждый своему хозяину. На что же вы теперь жалуетесь?

* Царства У и Чу — два древних царства Китая. Спор из-за шелковицы двух девушек привел к войне между этими царствами.

** Царства Юй и Жуй — древние царства Китая, которые вели бесконечную тяжбу из-за поля, расположенного на границе этих двух царств.

КИМ ЧЭГУК

ИЗ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ

ТИГР, КОТОРОГО ПЕРЕДАВАЛИ ДРУГ ДРУГУ

Давно это было. Шел как-то по дороге человек. Перед ним возвышались горы с крутыми склонами, слева и справа росли деревья, цветы и благоухающие травы покрывали землю. В небе летали птицы, на земле всюду сновали звери, а по ступенчатым скалам стекала вода, похожая на яшму, и, падая к подножию горы, разбивалась на миллионы брызг-жемчужин.

За долгие годы этой воды скопилось так много, что образовалось большое озеро. И вот теперь на берегу сидел старый рыбак и, забросив удочку, пел песню. А на другом берегу озера дровосек рубил дрова, насвистывая какую-то мелодию.

Очарованный этими звуками и поглощенный созерцанием природы, путник забыл об усталости. То присаживаясь, чтобы вдоволь налюбоваться видами, то опять продолжая свой путь, он прошел два-три ли и тут, слева от дороги, увидел узенькую тропинку.

«Интересно, куда она ведет?» — подумал он и, присев на камень отдохнуть, вдруг увидел между деревьями тигра и человека. Они стояли лицом к лицу! Пораженный этим необычным зрелищем, путник отступил на два-три шага и, вглядевшись, увидел, что юноша лет двадцати одной рукой крепко держит тигра

за горло, а другой ухватился за ветку большого дерева. Путник заметил, что силы тигра иссякли, и он касается земли только задними лапами. Юноша тоже ослаб; оба стоят как вкопанные, не сводя друг с друга глаз. Если к одному из них силы вернутся раньше, другой неминуемо погибнет!

Путник был очень сильным и смелым. Решив спасти юношу, он приблизился, а юноша, увидев его, взмолился:

— Господин! Я не знаю, откуда вы. Я рубил дрова и встретился с тигром. Я не знал, что делать, и попал в беду. Теперь силы мои иссякли, и я не могу удерживать зверя. Вот если бы вы подержали тигра немного, я бы убил его. Неужели вы не можете?

Путник ответил:

— Так и сделаем!

И, заменив юношу, он так крепко сдавил горло тигра, что тот не мог даже шевельнуться. После этого он стал торопить юношу:

— Я очень спешу — скорей прикончи зверя!

— Я только что отпустил тигра, и у меня совсем нет сил. Пусть господин подождет еще немного: я сбегая за оружием и убью тигра, — ответил юноша и ушел.

Прошло уже два-три часа, а он все не возвращался. Теперь и у путника иссякли силы, он также не мог ни убить тигра, ни выпустить его.

И тогда он подумал: «Уж лучше бы я шел своей дорогой! Ведь решив спасти этого парня (и он действительно спасен), я обрек себя на гибель. Видано ли подобное в мире?!»

Он закричал, призывая юношу, но не получил никакого ответа. В это время к тигру стали понемногу возвращаться силы. Пытаясь шевельнуться, он сверкал янтарно-золотыми глазами и, разевая красную пасть, издавал рычание, подобное грому. Но путник был бесстрашным и не испугался. Однако силы его таяли.

В самый опасный момент на эту же дорогу вышел какой-то монах. За деревьями он не сразу увидел путника и тигра и, рассуждая сам с собой, говорил: «Где-то рычит тигр, но когда я пытаюсь понять — где, рычание прекращается!»

И он внимательно вглядывался то в одну, то в другую сторону. А путник, убедившись, что к нему идет спасение, поспешно закричал:

— Наставник! Спасите жизнь человеку!

Монах удивился, быстро приблизился и увидел человека, которому грозила смертельная опасность. Монах был очень сильный человек, но не имел никакого оружия. Он подумал: «По буддийскому учению, нельзя ни убивать, ни причинять зло кому бы то ни было».

Пока он так размышлял, путник, державший тигра, напрягал последние силы. Казалось, еще мгновение — и он выпустит зверя. А силы тигра все прибывали. Поэтому монах решительно схватил тигра за горло и сказал путнику:

— Слушай меня! По нашему буддийскому учению запрещается убивать или причинять зло своими руками. Поэтому я сам не могу убить, но подержу тигра вместо тебя, и, когда твои руки отдохнут немного, ты сходишь за оружием и убьешь его.

Тогда путник отпустил тигра и, отбежав подальше, крикнул:

— Ты читал только буддийские книги, а сочинений Мэн-цзы* не читал? А там сказано: «Если человек убил человека мечом и говорит: это не я убил его, это меч убил, то действительно ли преступление совершил меч, а не человек?» Твое положение теперь точно такое же. Если я послушаюсь тебя и убью тигра, то не я, конечно, совершу грех, а ты, который принудил меня убить его. Как же сможешь ты сказать, что не нарушил закона буддийского учения?! Но не только ради тебя я не стану убивать тигра. Люди постоянно передают его друг другу. Знай это и держи тигра до тех пор, пока не встретишь кого-нибудь. Тогда поступи, как я, и передай тигра другому.

Сказав так, он ушел. А того тигра стали называть Ченчжанхо, что значит «тигр, которого передавали друг другу».

Есть в мире люди, которые за добро платят злом. И можно предположить, что они являются учениками того самого негодяя, который первым передал тигра другому.

* Мэн-цзы (IV–III вв. до н. э.) — китайский философ, наиболее выдающийся представитель конфуцианской мысли в Китае. Его учение изложено в сочинении под названием «Мэн-цзы». Сочинение входит в состав четырех важнейших книг конфуцианского канона.

ПРОПИЛ ШЛЯПУ

Если человек умен, то любое дело ему нипочем. Но если он не может сообразить что к чему, то легко ошибается и попадает впросак.

Вот, например, жил в старину один человек, который очень плохо соображал и всегда забывал о деле, каким бы важным оно ни было. Чем больше старался он запомнить что-либо, тем скорее забывал.

Однажды пошел он к своему соседу, как вдруг ему приспичило справить большую нужду.

Оглядевшись по сторонам, он увидел отхожее место и подумал: «Вечно я все забываю! И если теперь оставлю шляпу в этом месте, то потом стыда не оберусь! Сделаю-ка я так: положу шляпу наверх, и если затем не надену ее на голову, то во всяком случае замечу, что я без шляпы. Тогда я возьму ее, надену и пойду к соседу».

Он снял шляпу и, войдя в уборную, положил ее наверх. Через некоторое время что-то стукнулось о его голову. Человек поднял глаза, увидел шляпу и удивился: «Вот так находка! Кто же забыл здесь такую хорошую шляпу?!»

Он взял шляпу и вышел на улицу.

Как раз в это время мимо проходил один из его приятелей. Он увидел, что человек несет шляпу в руке, и подумал: «Я знаю его. Он всегда все забывает. Бьюсь об заклад, что и сейчас он свою шляпу считает чужой. Поэтому не надевает ее и куда-то несет». И он окликнул чудака:

— Эй, послушай! Что это за шляпу ты держишь в руке и куда так спешишь?!

Человек ответил:

— Ого! Послушай-ка, что я тебе расскажу! Зашел я в отхожее место, и там что-то упало мне на голову. Я посмотрел и увидел эту шляпу. Видно, кто-то, такой же рассеянный, как я, положил ее наверх и забыл. И выходит, что тот человек потерпел убыток более чем на десять лян*!

Его приятель, услышав это, посмеялся в душе, а вслух заметил:

* Лян — название старой денежной единицы в Корее.

— Ты нашел хорошую шляпу, но ведь она не твоя. Поэтому тебе следует продать ее за недорогую цену. А на те несколько лян, что ты получишь, мы купим много вина и закусок, славно выпьем и поедим.

Рассеянному очень понравилось предложение приятеля. Они тут же нашли человека, нуждавшегося в шляпе, и, получив с него шесть-семь лян, отправились в трактир. А когда оба напились и наелись до отвала, приятель спросил чудака:

— Послушай-ка! Почему же в таком большом трактире, где так много народу, ты не надел шляпу*?! Разве ты не знаешь, что позоришь себя!

Услышав эти слова, человек схватился за голову — шляпы не было!

Тогда он понял все и в изумлении воскликнул:

— Да, видно, моя голова легче пылинки, раз я не мог сообразить в чем дело! Как же это я не догадался, что шляпа, взятая мною в отхожем месте, была моя?! А я продал ее и деньги пропил!

И тут он принялся громко ругать своего приятеля:

— Ах ты жулик! Что же мне сразу ничего не сказал?! Ведь ты еще тогда знал, что эта шляпа моя! И промолчал потому, что хотел воспользоваться моим вином и закусками! Живо отдавай деньги за все, что ты сожрал! И оба приятеля принялись изо всех сил тузить друг друга!

А люди, которые были в трактире, узнав, в чем дело, долго хлопали в ладоши и громко хохотали,

МИЛОСТЫНЯ НИЩЕГО

Жил в старину один почтенный человек. Был он очень беден и кормился только подаянием, а выглядел так жалко, что даже смотреть было неприятно!

И казалось, как его ни корми, как ни одевай — все равно он будет похож на попрошайку!

* В Корее было не принято появляться в обществе без головного убора.

Поэтому все люди говорили: «Разве улыбнется когда-нибудь счастье человеку с такой внешностью?»

Однако человек этот был очень честен и не зарился на чужое, будь это даже пылинка! А если он видел, что кто-нибудь попадал в беду и становился таким же нищим, как он сам, то очень печалился и, сетуя, что не может помочь из-за своей бедности, сокрушенно вздыхал,

Однажды он пришел в какое-то селение и не нашел там ни пищи, ни крова, просился переночевать то в один, то в другой дом, но хозяева не впускали его. Что делать?

Тогда нищий направился в горы и скоро набрел на заброшенный монастырь. Заглянул внутрь — ни одного монаха, а монастырь так разрушен, что в нем нельзя укрыться даже от дождя и ветра.

Тем временем солнце село и стало темно. Может, пойти в какое-нибудь другое место? Человек в нерешительности ходил около монастыря и вдруг почувствовал под ногами какой-то предмет. Он поднял его — это был старательно завязанный узелок. А когда нищий развязал его, то увидел затканый золотом пояс. Он очень удивился и подумал: «Кто же потерял здесь такую дорогую вещь?»

Осмотрев пояс, он прикинул, что цена ему не менее трех тысяч лян.

«Хорошо бы найти хозяина и вернуть ему пояс! Но разве найдешь его?!» — подумал он и вздохнул. Нищему и в голову не пришло взять этот пояс себе!

Пока он рассматривал находку, за воротами монастыря слышался плач.

Человек осторожно выглянул и увидел: молодая девушка ищет что-то и горько плачет. На вид ей — лет шестнадцать-семнадцать.

«Наверно, ей страшно ходить около разрушенного монастыря», — решил он и ласково окликнул:

— Чья ты, девушка? Почему ты плачешь и что ищешь?

Девушка хотя и испугалась, но ответила:

— Я дочь первого министра. У нас в семье случилось большое горе: от какой-то неведомой болезни за три года умерли мать, братья и сестры. Остались только отец да я. И вот на днях отец тоже умер. А я так бедна — мне не на что даже похоронить его. У меня оставался только драгоценный золотой пояс, кото-

рый передавался в нашем роду в течение пяти поколений. Я понесла продавать этот пояс и где-то здесь потеряла. Я искала его везде, но не могла найти, и поэтому на душе у меня невыносимо тоскливо...

Нищему до слез стало жалко бедную девушку. Он протянул ей пояс и сказал:

— Бери скорей! Продавай и устраивай похороны!

Девушка взяла пояс, от всей души поблагодарила человека и ушла.

А нищий, сделавший доброе дело, стал, говорят, первым богачом!

Человеку за добро воздается добром, за зло — злом.

В мире есть богатые, но алчные люди. И чем богаче они становятся, тем сильнее, как пламя, разгорается их жадность. А есть люди, которые стремятся несправедливо, втихомолку присвоить чужое. Как же не почувствовать стыда, когда приходится встречаться с ними?!

А этот нищий, живший подаянием, найдя трехтысячное сокровище, вернул его владельцу.

Больше того: ночью, в глухих горах, увидев молодую девушку, прекрасную, как цветок, он не причинил ей никакого зла.

В мире найдутся дурные люди, которые сочтут этого нищего глупцом! Но уж если говорить о глупцах, то я скорее назову ими тех, кто будет нападать на нищего!

МОЛОДОЙ ЛИ ЗАРЕКАЕТСЯ ПИТЬ ВИНО

Много лет назад в Кёнсоне жил молодой человек по фамилии Ли. Он только и делал, что пил вино да проводил время с женщинами. А грамоту знал едва-едва и в домашние дела вовсе не вникал — словом, был очень дурным человеком.

Совсем другим оказался его старший брат, обладавший твердым характером. Еще в юные годы он окончил учение, потом дослужился и до помощника министра, а вот теперь был назначен губернатором провинции Пхенань. Все в доме были очень рады этому назначению, но больше всех его младший брат Ли! Он-то знал, что в столице провинции Пхенань много прелест-

ных певиц и танцовщиц и чудесного, крепкого вина «Сладкая красная роса». И если он, Ли, переедет туда, то будет вволю любить женщин и пить хорошее вино! Ну как тут не радоваться?!

Уезжая в Пхенань, чтобы занять там должность губернатора, старший брат позвал молодого Ли и спросил его:

— Ну, а ты когда приедешь в Пхенань?

Ли ответил:

— Да нынче же, в десятый день седьмой луны и приеду засвидетельствовать вам свое почтение!

Губернатор сказал:

— Ну ладно, непременно приезжай в десятый день седьмой луны. Я буду рад тебя встретить. Смотри же, не нарушай уговора!

И отправился в дорогу.

Прибыв в столицу Пхенани и приступив к служебным делам, он через пять-шесть дней обошел всех кисэн*, и, выбрав одну из них, самую красивую, попросил ее:

— Слушай, я хочу, чтобы ты помогла мне в одном деле. И если ты выполнишь поручение, то получишь тысячу лян!

Кисэн согласилась, и он о чем-то договорился с ней. Кроме того, он отобрал несколько десятков самых смышленных слуг и, что-то поручив им, отправил туда, где проездом должен был быть его младший брат.

А в это время молодой Ли в столице с нетерпением ожидал того дня, когда намечено было отправиться в Пхеньян. Наконец этот день настал. Ли сел на осла и, прихватив только одного слугу, покинул столицу. Когда до Пхеньяна оставалось около тридцати ли, он увидел у самой дороги трактир и заметил, что женщина, торгующая в этом трактире, одета в белое, а лицо у нее такое красивое, каких он никогда не встречал раньше. К тому же трактир с виду чистый, и еда там, наверно, приличная. Словом, все как нельзя лучше! Ли слез с осла и, приказав слуге сторожить его, вошел в трактир.

Чем больше он смотрел на трактирщицу, тем прекраснее казались ему ее лицо и фигура. Он попросил вина и стал шут-

* Кисэн — в традиционной Корее так называли певиц и танцовщиц, которых приглашали для развлечения гостей. Среди кисэн были талантливые поэтессы, имена которых хорошо известны в Корее. Кисэн стояли на самой низкой ступени социальной лестницы.

ливо болтать с ней. Трактирщица отвечала ему так задорно и поощрительно, будто давно уже была с ним знакома. А уж сам Ли, будучи распутником, и подавно не отставал от нее! Чем сильнее он пьянел, тем больше пил и тем усерднее угощал трактирщицу.

Пока они весело проводили время, солнце село и наступили сумерки. Тут слуга стал убеждать молодого Ли ехать дальше, чтобы поспеть в Пхеньян к намеченному сроку. Но Ли только прикрикнул на него:

— Ну что ты пристал! Живо поезжай в Пхеньян один и обожди меня там в каком-нибудь кабачке около управы. А завтра в обед встретишь меня, но не вздумай пойти прежде меня в управление губернатора и доложить его милости о том, что я здесь остановился!

Слуга уехал, а молодой Ли остался с женщиной. Они рассказывали друг другу разные истории, пили хорошее вино, ели прекрасные закуски и от души веселились.

А эта женщина была той самой кисэн, которую подослал губернатор. Но откуда было знать молодому Ли об этом?! Не мог он и предполагать, что губернатор велел кисэн поить его вином до тех пор, пока он совсем не опьянеет.

И он пил и пил, пока не опьянел настолько, что улегся в этой же комнате и захрапел — казалось, будто гром гремит. Вот тогда-то в трактир и ворвались те слуги, которых подговорил и подослал губернатор. Увидев, что гейша уже напоила молодого Ли, эти мошенники с громкими криками набросились на него и, прежде чем он успел проснуться, связали цепью, подняли за руки и за ноги и, дико воя, умчались с ним, как ураган!

Только тогда Ли проснулся. Однако он был еще совсем пьян, когда открыл глаза. И тут он узрел такое, чего ему никогда не приходилось видеть раньше! Его несли какие-то странные существа: у одних лица зеленые, у других — необычайно красные, у третьих — черные, как тушь. А одеты они в костюмы страшных дьявольских цветов! Волосы у них стоят дыбом, а в руках они держат невиданные мечи и копья! И когда кто-нибудь из них говорит — что это за язык — разобрать нельзя. Только однажды Ли уловил слова:

— Этот человек при жизни любил только вино и женщин, а своих родителей и старшего брата всегда огорчал. Давайте-ка

сташим его к великому государю Ёмна*, который за такие грехи отправит его в преисподнюю!

Хотя Ли и был пьян, однако успел подумать: «Видимо, я умер и схвачен бесами!»

От ужаса сознание его помутилось, и он чувствовал все как сквозь сон. А бесы тащили его так быстро, что ветер свистел в ушах! В одном месте они остановились. Молодой Ли открыл глаза и увидел, что все вокруг объято пламенем, причудливые языки которого, казалось, достигали неба. Откуда-то доносились ужасные стоны и жалобы: так кричат люди, когда их казнят, и они не в силах переносить мучений!

— Так и есть! — пробормотал Ли. — Я умер и попал в преисподнюю. Как же быть?! Помню, когда я был жив, мошенники-монахи часто говорили, что внутри земли есть ад, где правит великий государь Ёмна. Он хватает дурных людей и, решив, какой меры наказания они заслуживают, подвергает их разным мучениям. Всегда я говорил этим монахам, что они лгуны и обманщики. А вот теперь сам попал сюда и вижу, что они были правы!

Когда, охваченный страшной тревогой, он сказал это, бесы стали спрашивать друг друга:

— Что он говорит?! Что он говорит?! — голоса их были похожи на собачий лай.

И еще Ли уловил такие слова:

— Это великий грешник. Поэтому надо бы выбрать в преисподней самое плохое место и там хорошенько помучить его! У нас он недолгий гость — не дадим же ему покоя!

И бесы снова набросились на него, подняли за руки и за ноги и стали дергать во все стороны и ужасно кричать, будто поощряя друг друга убить его.

Ну как тут сохранишь присутствие духа?! А бесы опять потащили его и скоро снова остановились. Чувствуя себя совершенно беспомощным, Ли открыл глаза и увидел: на возвышении в царских одеждах с гневным видом сидел некто. Перед ним стоял судья с Книгой человеческих деяний.

— Мы, ничтожные, были в том мире и поймали душу Ли, младшего брата нынешнего губернатора Пхенани! — и они рас-

* Ёмна — Ямараджа, властитель царства мертвых.

простерлись перед возвышением, на котором восседали десять князей ада. Потом все бесы расположились справа и слева от престола, а некоторые из них стали разбрасывать перед молодым Ли палки и другие орудия, которыми наказывают провинившихся.

При виде этих орудий пыток Ли испугался еще больше, а судья, державший Книгу человеческих деяний, громовым голосом спросил:

— Ты почему, придя в тот мир, грамотой и другими добрыми делами не занимался, а только пил вино да проводил время с женщинами? Зачем ты заставлял страдать своих родителей и старшего брата? Твои грехи очень велики, а потому ты будешь ввергнут в мрачную преисподнюю, из которой не выйдешь десятки тысяч лет, и будешь подвергаться всяческим наказаниям!

И он перечислил все недобрые дела, которые совершил молодой Ли при жизни и которые были записаны в эту книгу.

Ли подумал: «Нет ни одной ошибки! Как ни вертись — все верно, и обмануть совершенно невозможно!»

Тогда, кинувшись судье в ноги, он стал умолять его:

— Я действительно презренный грешник, и все ваши драгоценные слова справедливы! Когда я, грешник, был в земном мире, то слышал от монахов о преисподней и государе Ёмна, но не знал, правда ли это. А теперь убедился, что правда, и больше не сомневаюсь. Глупый и темный человек, я пустился в разврат и пьянство и много грешил по отношению к родителям и старшему брату. А вот теперь я умер, но кто пожалеет об этом?! Наконец-то я понял, что грешника — умри он хоть десять тысяч раз — никто не пожалеет! Только старые родители после его смерти станут горько плакать, да у жены и брата будет скорбный вид. Если бы вы были так бесконечно добры и один только раз соединили мою душу с телом и позволили бы мне снова жить в земном мире, я бы утешил страждущие души родителей, старшего брата и жены и, став хорошим человеком, никогда не грешил бы больше! О, дайте мне снова жизнь, умоляю вас! — и он горько заплакал.

На престоле слышали эти мольбы, но молчали. Наконец, тот, которого называли государем Ёмна, что-то сказал судье, и тот обратился к молодому Ли:

— Значит, ты раскаиваешься в своих грехах и говоришь, что исправишься, станешь хорошим человеком и не будешь огорчать родителей, старшего брата и жену?! Хорошо, если бы ты дей-

ствительно так поступил. А вдруг после воскрешения ты снова примешься за старое? Нет, лучше уж тебя сейчас не выпускать! Разве можно верить твоим словам? Если ты хочешь снова жить, то должен сделать одну запись, в которой поклянешься не нарушать своих обещаний. Говори скорее, согласен ли ты на это?

Услышав, что ему возвращают жизнь, Ли стал непрерывно кланяться, выражая горячую благодарность, и поклялся, что не нарушит своих слов. Потом, записав эту клятву в Книгу человеческих деяний, он поставил под ней свое имя.

На престоле взяли книгу, прочитали, и государь Ёмна грозно обратился к Ли:

— Тебя, конечно, следовало бы сурово наказать, но раз ты говоришь, что грешил по недомыслию, я прощаю тебя и возвращаю в земной мир. Впредь будь осторожнее! Убрать его! — приказал он слугам.

Бесы, как прежде, набросились на Ли, схватили его и, как буря, умчали куда-то. При этом они опять были изо всех сил, а откуда-то, будто из чащи леса, доносились ужасные вопли. Возможно, это стонали грешники, подвергавшиеся страшным пыткам, или люди, раздираемые дикими зверями!

Молодой Ли ничего не видел, но и того, что он слышал, было достаточно, чтобы прийти в ужас. Поэтому дух его был сломлен, а силы истощены. Разве мог он разобрать что к чему и понять, как он снова попал в трактир?! Слуги притащили его туда и осторожно уложили. Он был без сознания и выглядел, как мертвый.

Слуги сказали кисэн:

— Этот молодой господин потерял сознание. Непременно позаботься о нем и окажи ему помощь. Ты ведь тоже выполняешь приказание его милости и поэтому знаешь — ни звука молодому господину Ли о том, что с ним произошло! Утешь его добрым словом да скажи, что ночью он было умер, а теперь снова ожил!

И они вернулись в Пхеньян.

В это время молодой Ли мало-помалу протрезвел и, открыв глаза, осмотрелся. Еще не рассвело, и горел огонь. А трактирщица, поглаживая ему руки и ноги и плача горькими слезами, причитала:

— Увы! Разве будет опять так хорошо! Молодой господин спал, как вдруг среди ночи в его руках и ногах стала исчезать жизнь, и через три-четыре часа он стал совсем как мертвый!

Я испугалась, приготовила лекарство и влила ему в рот. Ах! Если бы он сейчас снова ожил! Какое бы это было счастье! — несколько раз повторила она с надеждой. — Ну, где у него болит? Он пил только вино и, наверно, проголодался! Ой! Ведь если молодой господин умер в моем доме, то еще могут подумать, что это я убила его! Правда, вряд ли по моему виду можно предположить это! — успокоила она себя.

А Ли уже пришел в себя и, услышав ее речь, вспомнил все происшедшее ночью и подумал, что он действительно было умер. А тут еще во рту он ощущал вкус, а в носу — запах выпитого лекарства. Разве мог он усомниться в словах трактирщицы?

И вспомнив, как его схватили бесы, и какие ужасные крики раздавались там, куда его притащили, а также клятву, которую он дал государю Ёмна, молодой Ли ужаснулся и задрожал.

Однако обо всем этом он, конечно, ничего не сказал трактирщице и лишь пробормотал:

— Когда я хвачу лишнего, со мною частенько это случается. Откуда мне знать — почему? Тогда я очень устаю, страдаю и нет покоя моей душе!

Он встал и позвал слугу.

Но откуда взяться слуге и ослу, если он прогнал их в Пхеньян?

Женщина рассмеялась и подробно рассказала ему о том, как он вчера вечером, выбрав слугу, отослал его в Пхеньян, а сам остался с нею пить вино. Бедняга ничего не помнил!

Тем временем совсем рассвело. Женщина вышла и вскоре принесла много всяких закусок и хорошего вина.

Наполнив чашку вином до краев, она поднесла ее Ли.

А Ли подумал: «Эх, если бы это было прежде, разве я бы отказался?»

Он опять вспомнил подробности ужасной ночи и похолодел. Ну, как тут выпьешь?!

Он отодвинул вино, отвернулся и сказал:

— Я очень благодарен тебе за то, что ты угощаешь меня, но пить не буду. Я дал клятву. Не смей больше предлагать мне!

Потом он встал, оделся, вышел за дверь и сказал себе: «Ни к вину, ни к женщинам ты, щенок, теперь и близко не подходи! А то сдохнешь в двадцать лет где-нибудь на улице, и тело твое станет пищей ворон и сорок, а душа, попав в преисподнюю, будет ужасно страдать!»

Потом он обратился к кисэн:

— Послушай-ка! Ты ведь жила в деревне и знаешь толк в сельском хозяйстве! Брось торговать вином, перемени свое поведение и займись хотя бы прядением! А потом, почему бы тебе не найти честного простого мужчину и не выйти за него замуж?! Ты бы стала совсем иным, хорошим человеком. Сделай, как я тебе говорю, и перестань завлекать своим прекрасным лицом молодых мужчин! Исправься, как исправился я.

И он, не оглядываясь, ушел в сторону Пхеньяна. Радостно встреченный своим слугой на дороге, он въехал в город и явился к своему старшему брату губернатору.

Тот очень обрадовался, спросил, все ли в порядке дома, и, выставив заранее приготовленные вина и закуски, предложил Ли отведать их. Но Ли отказался.

Губернатор удивился:

— К твоему приезду я нарочно припас хорошего вина! Почему же ты отказываешься от него?

Ли ответил:

— Мне нездоровится, да и вообще что-то не хочется пить. И я очень прошу вас, пожалуйста, не предлагайте мне больше!

Однако губернатор, мысленно усмехнувшись, продолжал настаивать на своем. Но Ли был тверд в своем решении.

Тогда губернатор отодвинул столик с вином и предложил брату поесть. Позднее губернатор каждый день проверял молодого Ли. Скоро он убедился, что у того нет на уме ни вина, ни женщин, и очень обрадовался.

Однажды Ли приготовил вещи в дорогу и стал прощаться.

Губернатор спросил:

— Ты куда это спешишь, что так скоро собрался?

Ли ответил:

— Все эти годы я не учился и поэтому теперь хочу наверстать упущенное. Буду учиться и заниматься домашними делами.

Губернатор очень обрадовался и воскликнул:

— Наконец-то я слышу от тебя беспредельно отрадные слова! Они успокаивают мою душу. Я ведь всегда тревожился за тебя, а теперь эта многолетняя тревога исчезает! Ты вдруг совершенно переменился и, как я успел убедиться, стал хорошим человеком!

Обрадованный губернатор дал Ли массу всяких наставлений и отпустил его.

А молодой Ли, вернувшись в отчий дом, порвал со своими прежними друзьями, потребовал хорошего наставника и стал учиться.

Он имел выдающиеся способности, и наука давалась ему легко. Через пять-шесть лет Ли добился успехов и стал известным ученым. А когда он принял участие в литературных экзаменах, то оказался первым и прославил свой дом.

Постепенно он повышался по службе и дошел до должности помощника министра, а затем так же, как его старший брат, был назначен губернатором Пхенани. А старший брат его в это время стал уже министром, и ему перевалило за шестой десяток.

Когда Ли должен был отправиться на губернаторство в Пхеньян, министр, хотя и радовался успехам брата, все же взгрустнул.

Вечером, накануне отъезда, братья обсуждали вопросы управления провинцией. Вдруг министр позвал слугу и велел принести вина и закусок. Когда все было поставлено перед ними, он обратился к своему младшему брату, губернатору Пхенани:

— Мы расстаемся. И, может быть, много лет пройдет, прежде чем встретимся снова. Я уже стар, и, кто знает, что может случиться за это время? Поэтому грусти моей нет меры! Так выпьем же по две-три чашки вина, как подобает при расставании! Не отказывайся выпить в такой момент.

Губернатор ответил:

— Хотя и полагается мне уважить вашу просьбу, однако, несмотря на все почтение к вам, я не могу выпить, так как на это есть очень важная причина. И я очень прошу простить мой грех неповиновения вам.

Министр, услышав эти слова, сказал:

— Уж если раньше, по молодости лет не понимая смысла жизни, ты не остерегался вина и женщин, то чего тебе бояться теперь, когда ты уже в годах?! Подумай, ведь теперь ты занял важный пост, и дух твой тверд. Так почему же по-прежнему, как в те дни, когда я только что был назначен губернатором Пхенани (а с тех пор прошло уже несколько десятков лет!), ты упорно отказываешься от вина? Почему не выпить в момент, когда братья расстаются?! Не отвергай сердечной просьбы старшего брата — выпьем!

Губернатор преклонил колени и ответил:

— Как не понять, что нужно выпить перед разлукой?! Но однажды я поклялся не пить и дал свою подпись. И до тех пор, пока я не найду и не сожгу эту бумагу, я не осмелюсь пить.

Но министр не унимался:

— Ты хотел бы найти эту бумагу, но думаешь, что это невозможно, так как связано с чем-то сверхъестественным? Ну, а если бы эту бумагу вот сейчас можно было найти и бросить в огонь, то стал бы ты пить?

Губернатор возразил:

— Ее невозможно найти быстро — путь к ней далек, и того, кто взял ее, нельзя увидеть. Так что уж лучше я оставлю вино нетронутым и вместо него выпью чего-нибудь другого.

Министр засмеялся и воскликнул:

— Я могу найти твою бумагу! И сделать это не так уж трудно! Подожди немного.

Он открыл ящик и вынул оттуда что-то тщательно завернутое. Развернув какой-то лист, он протянул его губернатору и приказал:

— Читай!

Губернатор удивился, но стал внимательно рассматривать бумагу — в самом деле, это была клятва, данная им некогда государю Ёмна!

Пораженный, он воскликнул:

— В мире случаются удивительные вещи! Я ведь тогда в молодости и не думал бросать пить. Но когда вы уехали в Пхеньян на должность губернатора, я отправился навестить вас и в одном месте, ли в тридцати от Пхеньяна, выпил чересчур много вина и умер. Бесы схватили меня и потащили к великому государю Ёмна. Там судья перечислил все мои грехи и государь Ёмна хотел ввергнуть меня в преисподнюю, где мучают грешников. Однако я умолил его вернуть мне жизнь и, перед тем как возвратиться в земной мир, оставил ему эту бумагу! Где же вы взяли ее?! — недоумевая, он смущенно посмотрел на старшего брата.

А министр хлопнул себя по коленям и громко рассмеялся:

— Да ведь тогда на месте государя Ёмна сидел я, а те, что меня окружали, и все прочие — мои помощники, писари и слуги из Пхеньяна! И если бы я тогда не разыграл тебя, то разве стал бы ты сегодня губернатором Пхенани?! А эту бумагу теперь, когда она ни к чему, можно порвать и уничтожить!

И он тут же сжег ее в пламени светильника. Тогда губернатор понял, что старший брат хитростью заставил его отказаться от вина и женщин. Он поклонился ему и воскликнул:

— А ведь и правда! Как бы я сберег себя и стал сегодня губернатором Пхенани, если бы не замечательная хитрость и безграничная доброта моего старшего брата!

Довольные, они оба наполнили чашки вином и поднесли их друг другу.

А когда Ли уехал в Пхеньян, то, говорят, по-прежнему не пил вина и прославился, управляя провинцией!

В народе говорят так: «Если родители умные, то и дети у них хорошие; если старший брат умен, то младший добродетелен!»

Доказательством тому эти два брата.

Конечно, проповеди буддистов о государе Ёмна ложны. Однако, используя их, старший брат Ли добился прекрасных результатов. Сердцем настоящего человека он умело нашел способ указать молодому Ли правильный путь и сделать его хорошим человеком. А потом он объяснил ему, что все это было хитростью, задуманной им для того, чтобы отвратить брата от вина и женщин. И Ли действительно стал достойным и добродетельным человеком.

Обман, конечно, не добродетель, а порок. Какая же это в самом деле добродетель?! Однако обман обману рознь, и, стало быть, нужно помнить, что добродетельность или порочность поступка зависят от его сущности.

БЛАГОРОДНЫЙ ВОР

Много лет назад в великом Корейском государстве в провинции Чхунчхон жил ученый, которого называли достопочтенный Ли. Классические сочинения он знал превосходно, отличался безупречным поведением, а поэтому имя его славилось по всей округе.

У него был младший брат. Жили они своими домами в одной и той же деревне. И вот однажды случилось так, что младший брат заболел и вскоре умер.

Овдовевшая невестка достопочтенного Ли, госпожа Ким, была бездетной, и в доме у нее жила одна только служанка, ко-

торая помогала ей вести хозяйство. Поэтому Ли всегда с беспокойством думал: «В доме всего-навсего две женщины. А ну как ночью залезет к ним вор?» И каждую ночь он приходил к дому невестки, обходил его кругом и, только убедившись, что все в порядке, возвращался к себе и ложился спать.

Однажды ночью он пришел, как всегда, и, тщательно осмотрев дом, увидел, что ворота не заперты на засов.

Почувствовав что-то неладное, он вошел во двор и, слегка кашлянув, позвал госпожу Ким:

— Эй, невестка! Почему это у вас ворота открыты среди ночи? Видно, служанка забыла закрыть с вечера. Разбудите-ка ее и спросите!

Госпожа Ким ответила:

— Я не знаю, наверно, служанка забыла. Она очень устала и теперь крепко спит. Я закрою сама. А вы, может быть, выпьете чашечку вина?

И наполнив чашку вином, она поставила ее в своей комнате.

— Войдите, пожалуйста, и выпейте! — попросила она.

Однако достопочтенный Ли был человеком строгой морали: уж если он не входил в комнату своей невестки даже среди бела дня, то разве мог решиться на это темной ночью? Да еще пить вино!

Поэтому он возразил:

— Я не хочу вина. Оставьте его!

А так как госпожа Ким снова и снова предлагала ему выпить, он сказал:

— Ну ладно! Если вынесете вино сюда — выпью!

Но госпожа Ким, не унимаясь, настаивала, чтобы он вошел к ней в комнату и выпил вино там.

Ли снова отказался; тогда госпожа Ким схватила его за руку и стала страстно умолять войти к ней.

Тут достопочтенный Ли взглянул на нее и увидел, что она почти совсем раздета.

Он испугался и, стараясь вырвать руку, воскликнул:

— Да что же это такое? Даже человек самого низкого сословия не потерпел бы такого позора, а я ведь из благородных! Живо отпустите мою руку и идите спать!

И, вырвав руку, он вышел за ворота. Тогда госпожа Ким громко закричала:

— Эй, люди! Слушайте меня! Господин Ли ночью пришел в комнату своей невестки-вдовы и хотел ее обесчестить! Слыханное ли это дело!

Соседи услышали ее и сказали:

— Странно! Господин Ли всегда был порядочным человеком, и мы не знали за ним ничего подобного. А тут среди ночи хотел обесчестить свою невестку! Вот и суди после этого о людях по их внешности!

И когда рассвело, жители деревни стали обсуждать случившееся.

— Этого нельзя оставить так! Надо заявить в суд!

Приняв решение, они составили жалобу и отнесли ее в суд. Судья очень удивился, однако арестовал почтенного Ли и строго допросил его. А Ли только и сказал:

— Был грех или не был, но раз уж меня обвинили, теперь и в глаза людям смотреть стыдно! Пусть суд решит, жить мне или умереть. Больше мне сказать нечего!

Когда судья услышал это и посмотрел на почтенного Ли, то убедился, что тот несколько не испуган и имеет вид добропорядочного человека. Поэтому судья не наказал его и решил хорошенько расследовать дело. Ведь Ли ничего не просил у него, он желал только смерти!

Судья был в большом затруднении. Он думал: «Посмотришь на этого человека — у него вид хорошего человека. Признаться, он никому даже словом не причинял зла. В чем же, наконец, дело?! Почему люди той деревни написали жалобу? Вот и угадай тут, было преступление или не было! Посажу-ка я его пока в тюрьму, а с приговором подожду».

Он заключил господина Ли в тюрьму, и все люди решили, что тот скоро умрет. Как раз в это время в ту волость, где жил Ли, приехал ревизор провинции Чхунчхон и стал проверять разные дела. В первый же день до него дошли слухи о почтенном Ли; он не мог толком разобраться в его деле, и это не давало ему покоя.

Вот тут-то и произошло следующее. Шел он как-то по дороге и вдруг встретил человека, который поклонился ему и осведомился о его здоровье. Ревизор сказал ему:

— Я не знаю тебя! Что тебе нужно?!

Незнакомец ответил:

— Я, ничтожный, хочу кое-что сообщить вам. Если бы вы соизволили ненадолго прервать свое путешествие и пройти куда-нибудь, где нет людей!

Ревизор, почувствовав, что тут что-то кроется, согласился, и они свернули в одно укромное местечко. Там незнакомец упал на колени и воскликнул:

— Я, ничтожный, знаю, что ваша милость — ревизор! И хотя я очень боюсь, однако, пренебрегая смертью, хочу доложить вам об одном деле. А уж после того как вы выслушаете, сами решите, убить меня или оставить в живых!

Ревизор удивился, что его узнали, и в то же время заинтересовался: «Что у него за дело?»

— Я действительно ревизор, и если ты имеешь что-нибудь сообщить мне, то говори скорее! — сказал он.

Вот что рассказал ему незнакомец:

— Я, ничтожный и презренный, могу подробно доложить вам о том, как совершенно безвинно посажен в тюрьму и находится под угрозой смерти достопочтенный Ли, арестованный за прелюбодеяние! Осмеливаюсь просить вас хорошенько разобраться в этом деле. Я очень беден, и у меня нет своего поля, чтобы заниматься земледелием и торговлей. Однажды настал день, когда мне совсем нечего было есть, и тут я впервые решился украсть. Зная, что в доме младшего брата достопочтенного Ли, посаженного теперь в тюрьму, нет мужчины, я открыл ворота, прокрался во внутренние покои и, проникнув в кладовую, хотел что-нибудь украсть, как вдруг во двор вошел достопочтенный Ли.

Он окликнул невестку, спросил у нее, почему ворота открыты, и, приказав хорошенько запереть их, хотел идти к себе домой. Но тут невестка попросила его войти к ней в комнату, чтобы выпить вина. Однако достопочтенный Ли отказался и в комнату не входил. Вдова снова и снова умоляла его согласиться, но он упирался и, наконец, сказал, что если ей хочется, чтобы он выпил вино, то пусть вынесет его во двор. Невестка вынесла вино и, когда достопочтенный Ли взял чашку, крепко схватила его за руку и стала насильно тянуть в свою комнату. А тело вдовы прикрывала только ночная рубашка! Войти в комнату невестки-вдовы и простолюдин не решился бы, а уж человек благородного сословия и подавно не мог сделать этого, не запятнав своей чести!

Поэтому достопочтенный Ли встревожился, не стал пить вино, вырвал руку и, назвав свою невестку, как говорится, «персиком со сливой»*, хотел уйти от нее. Тут вдове стало очень стыдно, и, разозлившись на почтенного Ли, она громко закричала, что тот хотел ее обесчестить. И люди поверили в это. Достопочтенный Ли — скромнейший человек, а тут с ним приключилась такая напасть! Был грех или не был, но он уже опозорен, арестован и посажен в тюрьму. Теперь его собираются казнить, а он не отрицает греха и только просит смерти. Этот человек скорее умрет, чем запятнает имя свой невестки! И я тогда подумал: «Разве есть еще в мире такой благородный человек?!» Душа моя при виде такой несправедливости взволновалась. Я пожалел, что начал воровать, и решил скорее умереть, чем брать чужое! Не взяв ни одной вещи в этом доме, я хотел уже уйти, но тут подумал, что ведь достопочтенный Ли теперь неминуемо погибнет из-за своей невестки. Я понял, что при всем желании я не смогу помочь ему, если у меня не будет доказательств его невиновности! Поэтому я взял два куска шелка, которые лежали в кладовой, и только тогда ушел. Теперь, если достопочтенного Ли приговорят к смерти, я, маленький человек, при помощи этого шелка смогу доказать, что все видел собственными глазами, и что достопочтенный Ли невиновен.

Я уповаю только на вас, ваша милость, господин ревизор! Умоляю вас считать этот шелк за улику и спасти жизнь господину Ли!

Высказав все это, незнакомец достал какой-то сверток, почтительно передал его ревизору и добавил:

— Я, презренный, совершил большой грех, собираясь заняться воровством. Однако теперь я раскаялся и уповаю только на то, что его милости, господину ревизору, все известно, и он простит меня!

Ревизор, выслушав этот рассказ, удивился и обрадовался. Он сказал:

— Если ты говоришь правду, то это самая удивительная история в мире! До меня хотя и доходили кое-какие слухи, но толком я ничего не знал. А теперь все стало ясно. Дней через шесть-

* *Персик со сливой* — так иносказательно называли женщин легкого поведения.

семь я собираюсь поехать в уездный город, чтобы проверить, как там идут дела. Ты иди туда же и около управы жди моего вызова. А когда я прикажу тебе явиться — войди и смело расскажи обо всем. Если ты поступишь так, то окажешь большую услугу господину Ли.

И вор ушел.

А ревизор, заключив в тюрьму всех преступников, пойманных в разных местах, через семь дней пришел в ту округу, где сидел в тюрьме почтенный Ли, и спросил у судьи:

— Говорят, что по делу некоего Ли, проживающего в этой округе и заключенного в тюрьму по обвинению в прелюбодеянии, вот уже в течение многих дней не принято никакого решения. Так ли это?

Судья ответил утвердительно. Ревизор снова спросил:

— Но почему решение не было принято?

Судья пояснил:

— Вынести приговор по делу господина Ли оказалось нелегко, и пока он пребывает в заключении. Вы посудите сами: если почитать жалобу, написанную жителями его родной деревни, и послушать их слова, то выходит, что Ли достоин смерти. Но если же посмотреть на него и выслушать его, то сразу скажешь, что он не совершал преступления. Вот поэтому-то я и не мог принять никакого решения!

Ревизор одобрил его:

— Пожалуй, ты поступил правильно, что подождал с приговором!

И отложив дела всех преступников, пойманных в этой округе, ревизор взял два куска шелка, украденных в доме невестки почтенного Ли, и сам пришел к этому дому, решив проверить, правду ли сказал вор.

У ворот он позвал служанку и, когда та вышла, спросил:

— Не купите ли вы эти два куска шелка?

Служанка взглянула и радостно воскликнула:

— Странное дело! Да ведь точно такой же шелк лежал в кладовой моей молодой госпожи и вдруг пропал. Эти куски ничем не отличаются от тех, что пропали.

Она взяла шелк и, вернувшись в дом, показала его своей хозяйке, госпоже Ким. Та только глянула на него и сразу же закричала:

— Этот шелк был на месте еще в тот день, когда мы забыли закрыть на ночь ворота. А на другой день, когда я посмотрела в кладовой, его уже не было. Ясно, что какой-то вор украл его и продал этому человеку! Не смей отдавать шелк! — и она стала громко браниться.

А ревизор, услышав все это, уже не сомневался в словах вора. Служанка вышла за ворота и сказала ему:

— Эти два куска шелка пропали из нашего дома! Поэтому я не отдам их вам, так и знайте!

Ревизор ответил ей:

— В самом деле, какой-то проходимец продавал его на дороге, и я купил шелк только из-за дешевизны. Но если правда, что этот шелк пропал из вашего дома, то пусть бы он стоил мне даже тысячу лян, я все равно вернул бы его согласно справедливости. Отдайте его своей хозяйке!

И ревизор ушел. Он почувствовал, как прекрасен поступок вора, и восхитился его благородством. В то же время распущенность невестки почтенного Ли привела его в сильное негодование.

Приехав в уездный город, он разобрал дела всех преступников и вызвал почтенного Ли. Тут ревизор убедился, что у почтенного Ли действительно вид добропорядочного человека, и что он несколько не испуган. И хотя в душе ревизор похвалил его и почувствовал к нему жалость, однако он принял строгий вид и стал бранить его:

— А тебе, господин ученый, непременно, придется узнать, как суровы законы государства! Как ты посмел совершить такое страшное преступление? Отвечай?!

— Конечно, таким злодеям только смерть! Больше мне нечего сказать. Прошу вас, не спрашивайте меня и скорей предайте смерти! — ответил почтенный Ли.

Тогда ревизор возразил ему:

— Если человек утверждает, что он преступник, а на самом деле это не так, то он совершает еще больший грех, чем если бы он действительно был преступником! Это тебе известно? Я-то ведь знаю, виновен ты или нет! Подожди-ка немного!

Он отобрал шесть-семь расторопных слуг и приказал им сию же минуту арестовать и привести сюда госпожу Ким. А жители той деревни не знали, в чем дело, и шумели возле управы.

— Сейчас притащат какого-то преступника, — говорили они.

Как раз в это время слуги привели госпожу Ким. Ревизор грозно приказал посадить ее на скамью для преступников, крепко привязать и хорошенько избить длинной палкой. Затем он принялся стыдить ее:

— В ту ночь ты обнаружила свою похотливость, и, когда тебе не удалось совратить почтенного Ли, ты от стыда оклеветала его и обрекла на смерть невинного человека! Твое преступление мне известно во всех подробностях, и хотя спрашивать тебя уже нет нужды, однако ты сама расскажи все — пусть люди узнают!

Но госпожа Ким упорно молчала. Тогда разгневанный ревизор велел слугам снова бить ее и позвал вора.

— Доложи-ка нам, что совершила в ту ночь эта женщина! — приказал он.

И вор, осыпая вдову бранью, подробно рассказал все, что произошло с почтенным Ли в ту памятную ночь. А госпожа Ким слушала, не произнося ни слова.

Когда вор кончил, ревизор впал в великий гнев, жестоко избил вдову и приказал избить ее до полусмерти, а затем изгнать навсегда из этой местности более чем за три тысячи ли! А почтенному Ли и вору он повелел быть братьями. Кроме того, он сказал достопочтенному Ли:

— Слушай, ученый! Ведь если бы не благородство этого простого человека, то разве можно было бы спасти тебя от смерти? Разве не следует вознаградить его за добродетель?! Знаю я, что ты богат. Стало быть, свои деньги и поля ты раздели пополам и одну половину отдай ему: он ведь очень беден. Никогда не забывай его доброты!

Почтенный Ли так и сделал.

И в самом деле, бывает иногда так, что человек по доброте своей берет чужой грех на себя. Большинство же людей старается свалить вину на других, особенно если преступление настолько велико, что может привести к смерти!

ЧХВЕ КЁН И СУТЯГА

Несколько сот лет назад в столице корейского государства жили два друга. Одного из них звали Чхве Мо, а другого — Ким Ки. Жили они в согласии, во всяком деле помогали друг другу

и трудились, как могли, зарабатывая на жизнь. И вот однажды Чхве Мо взял у Ким Ки в долг десять тысяч лян, собираясь заняться торговлей, но потерпел неудачу и не имел возможности вернуть долг. Из-за этого он заболел, с каждым днем ему становилось все хуже и хуже, а через две-три луны он уже не вставал с постели.

Его друг Ким Ки, прослышав о том, что болезнь Чхве Мо неизлечима, подумал: «Этот человек промотал мои денежки и теперь заболел. А вдруг он умрет?» Он поспешил в дом друга и после обычных вопросов, с какими обращаются к больным, громко воскликнул:

— Послушай-ка! Ты взял у меня деньги и не отдаешь! Разве поступают так порядочные люди? Ведь когда я копил эти деньги, то недоедал и недосыпал. За три-четыре монетки покупал я на базаре поношенное грязное платье и ел жидкую ячменную кашу! Прошли долгие годы, я пережил множество невзгод, прежде чем сумел скопить эти десять тысяч! На каждый свой лян я получал то одну, то две монетки прибыли. Если мне не возвращали долг вовремя, я набавлял проценты и тогда на каждый лян получал сотню, а на каждые десять лян — тысячу! А уж если должники всячески пытались отвертеться от уплаты процентов, я подавал жалобу в суд, их сажали в тюрьму и строго наказывали, как настоящих воров. Какой мошенник меня не боялся в те времена? Да ты и сам все это прекрасно знаешь и, ссылаясь на болезнь, хочешь увильнуть от уплаты долга. Если ты сейчас же вернешь деньги — все будет в порядке, а не вернешь — причинишь мне огромный вред!

Чхве Мо из-за этих денег заболел, а теперь после слов Ким Ки подумал: «Ведь если я, скажу, что не смогу возвратить ему деньги, то, наверно, это убьет его». У Чхве Мо перехватило дыхание, слова замерли на устах, и он не знал, как быть. Наконец, с трудом переводя дыхание, он ответил:

— Послушай! До сих пор мы с тобой никогда не ссорились, а теперь из-за каких-то денег ты сердишься на меня и говоришь такие слова! В самом деле, я просчитался в своих торговых делах и, чего уж тут таить, совершенно разорился! Будь у меня хоть какие-нибудь товары, разве не уплатил бы я тебе долга сполна? Особенно после того, что ты сказал! Но у меня ничего нет, болезнь не дает подняться с постели, и поэтому поправить дела

теперь невозможно. Я ведь понимаю, что тебе очень тяжело, но если бы ты согласился подождать, пока я поправлюсь, то совершил бы большое благодеяние. Дай мне только выздороветь!

Но Ким Ки еще больше рассердился и стал браниться:

—Ты, оказывается, большой плут. Верно, хочешь, чтобы я отправился на тот свет, раз просишь подождать твоего выздоровления! Ну разве это не смешно? Я и слышать не хочу подобных слов от своих должников. Нечего зря болтать, отдавай мне деньги и все тут!

И он осыпал Чхве Мо бесчисленными оскорблениями. Чхве Мо умолял Ким Ки подождать, но тот и слышать не хотел. Чхве Мо обессилел, ему стало совсем плохо и, казалось, он вот-вот умрет.

Ким Ки, заметив это, подумал: «Видно, этому мошеннику долго не протянуть, умрет он. Но ведь если он умрет сейчас, когда я требую с него деньги, то люди скажут, что он из-за меня умер! Уйду-ка я лучше от греха подальше!» И он поспешно вернулся домой. А Чхве Мо, после того как Ким Ки, испугавшись, ушел от него, прожил только три дня.

У Чхве Мо был единственный сын. И хотя он уже женился, ему было всего четырнадцать лет. Звали его Кён. Он был хорошим сыном, умным и расторопным. Исполнив после смерти отца все подобающие обряды, Кён похоронил его в счастливом месте и строго соблюдал траур.

А Ким Ки, получив письмо с известием о кончине Чхве Мо, несколько не пожалел о потере друга и только злился, что не может вернуть своих денег. Однако, облачившись в траур, он пришел в дом Чхве Мо, чтобы по обычаю выразить соболезнование.

Чхве Кён, слушавший Ким Ки, плакал; вдруг ему показалось, что Ким Ки как-то странно причитает. Прислушавшись, он разобрал, что тот быстро повторяет одни и те же слова: «О мои денежки! О мои денежки!» Чхве Кён сделал вид, что ничего не слышит. Он предложил Ким Ки табак и налил вина, но тот злобно воскликнул:

— Ты сейчас же вернешь мне мои десять тысяч лян, которыми воспользовался твой отец, а потом уж я буду курить и пить вино! Неси скорее мои денежки!

Чхве Кён подумал: «Отдать ему все эти деньги сейчас я не могу, а не отдать — тоже нельзя. Что же мне делать? Если продать

дом и имущество, можно выручить едва-едва три тысячи лян, а ведь Ким Ки ни за что не согласится подождать, пока я отдам остальное, и, сколько его ни проси, будет требовать полного расчета. Выходит, что продавать дом и вещи нет смысла. Но не отдай я ему деньги сейчас, он подаст жалобу в суд, и тогда мне придется очень плохо. Как он может, несмотря на прежнюю дружбу, позорить моего батюшку, особенно теперь, после его кончины?! И все это из-за каких-то денег! Конечно, мы виноваты, но поступать так, как Ким Ки, — это уж слишком! Пожалуй, сейчас самое главное — уберечь от оскорблений память покойного отца, а уж потом — постараться полностью расплатиться с Ким Ки!»

— Я ведь еще совсем мальчишка, — начал Чхве Кён, — да к тому же все время был занят учебой и поэтому ничего не знаю о нашем доме. Я не только не вникал в денежные дела отца, но и обо всем нашем хозяйстве не имею никакого понятия. Это сущая правда! Однако я слышал, что денег в доме совсем немного, всего какая-нибудь сотня лян. У нас в семье говорили, что эти деньги отдавать нельзя, пока батюшка болен. Теперь-то и я знаю, что осталось не больше сотни лян. Вы посудите сами, разве могу я отдать их вам сейчас, как бы вы ни сердились? Ведь вы знаете, что мой отец разорился, остался совсем без денег и поэтому до сих пор не мог расплатиться с вами! Умоляю, подождите хотя бы две-три луны!

Ким Ки, услышав это, выпучил глаза, замахал руками и стал громко браниться:

— Ах щенок! Да как ты смеешь говорить такие слова старшим?! Твой отец вовсе не говорил, что не может отдать мне деньги. Он не мог расплатиться со мной только во время болезни! А ты еще молокосос, чтобы говорить мне такие дерзости! И не надейся, что тебе удастся провести меня своими мольбами и поклонами! Я сейчас же пойду домой, возьму расписку твоего отца на десять тысяч лян и подам жалобу в суд. А когда тебя схватят, посадят в тюрьму и будут бить палками — ты думаешь дешево обойдутся тебе слова: «У меня осталось только сто лян?!» — и, ничего не добавив, Ким Ки быстро вернулся домой, взял денежную расписку, явился в суд и, найдя чиновника, передал ему жалобу и расписку. Он потребовал, чтобы Чхве Кёна сейчас же арестовали, посадили в тюрьму, избили и заставили вернуть ему, Ким Ки, все десять тысяч лян до последней пхуны!

Чиновник, получив жалобу Ким Ки и расписку Чхве Мо, очень обрадовался и подумал: «Ну, раз речь идет о целых десяти тысячах лян, то разве не перепадет кое-что и тому, от кого будет зависеть решение судьи?» Поэтому, принимая жалобу, он радостно воскликнул:

— Уж я-то это дело прекрасно устрою, и вы получите ваши денежки! Не извольте беспокоиться! — и он показал жалобу Ким Ки судье.

Судья тотчас же выписал приказ об аресте и, скрепив печатью, передал чиновнику в канцелярии. А чиновник приказал судебским служителям немедленно арестовать Чхве Кёна и привести его в суд. Служители явились в дом Чхве Кёна, но не застали его. Не видно было никого, кто мог бы им сказать, где он.

Только после долгих поисков на женской половине дома они нашли, наконец, одну женщину, которая сказала им:

— Видела я его сегодня утром; он говорил, что уезжает в деревню и вернется, наверно, только через несколько дней!

Служители вернулись, так и не арестовав Чхве Кёна, и со слов той женщины передали чиновнику, что Чхве Кён скрылся. А чиновник доложил об этом самому судье. Судья приказал:

— Этот Чхве Кён — мошенник, который нисколько не отличается от настоящего вора! Как только он будет пойман, его жестоко накажут. Немедленно арестовать Чхве Кёна, когда он вернется, и ждать моего решения!

Когда Ким Ки, осыпая Чхве Кёна проклятиями, покинул его дом, юноша подумал: «Если я даже продам дом и все вещи, то и тогда не смогу получить больше трех тысяч лян. Верни я ему эти деньги — мы все умрем с голоду! Пожалуй, придется придумать какую-нибудь хитрость и обмануть и судью, и Ким Ки. А уж потом, когда разбогатею, я непременно верну этому Ким Ки все до последней пхуны!»

Зная, что за ним придут из суда, Чхве Кён ушел на весь день из дома и вернулся только после захода солнца.

На другой день утром Чхве Кён велел слугам взять пятьсот лян и десять мешков риса и следовать за ним. Разыскав дом того чиновника, который должен был вести дело Ким Ки, он остановился перед воротами и позвал хозяина. Дом чиновника был маленьким, крыт соломой, покосился и еле-еле держался от ветхости. «Да, — подумал Чхве Кён, — видно этому человеку при-

ходится очень туго!» Он снова окликнул хозяина. Некоторое время ему никто не отвечал, а потом вышла женщина и сказала:

— Рано утром господин ушел в суд и вернется, наверно, только поздно вечером!

Чхве Кён, решив не ждать его, оставил деньги и рис и сказал ей:

— Сегодня с наступлением темноты я опять зайду и засвидетельствую господину свое почтение. Вы ему так и передайте, когда он изволит вернуться!

И Чхве Кён ушел. А чиновник, кончив дела в суде, поздно вечером вернулся домой. Жена вышла его встречать, и вид у нее был очень довольный. Чиновнику показалось это странным, он хотел было спросить, в чем дело, но жена опередила его:

— Каким-то чудом в наш дом сегодня попало много денег и риса! Может быть, к суду притянули какого-нибудь важного преступника? Ну, теперь мы стали маленькими богачами! — и она не могла удержаться от радостного смеха. Чиновник, ничего не понимая, стал расспрашивать жену, о каких деньгах и рисе она говорит. А та, рассмеявшись пуще прежнего, воскликнула:

— Вы же сами заработали сегодня большие деньги, а еще притворяетесь, что ничего не знаете! Зачем вы смеетесь надо мной и спрашиваете, о каких деньгах и рисе я говорю? Я ведь не ребенок, неужели вы думаете провести меня?

Она накрыла обеденный столик, поднесла ему и торопливо сказала:

— Кушайте, пожалуйста, поскорее! Я очень боюсь воров и хорошо, если бы вы припрятали эти деньги в какое-нибудь надежное место!

Чиновник в сумерках не заметил ни денег, ни риса, но после слов жены он посмотрел и тут же убедился, что она говорит правду. Теряясь в догадках, он ужинал, как вдруг за воротами кто-то позвал его, а жена сказала:

— Вот и пришел тот человек!

Чиновник быстро вышел посмотреть, кто там, и увидел, что незнакомец очень молод и одет в траур. После того, как они поздоровались, чиновник попросил Чхве Кёна подробно рассказать, в чем дело, и для чего он принес деньги и рис. Чхве Кён отвечал:

— У меня есть очень важное дело, в котором нужно как следует разобраться, и поэтому я решил посоветоваться с вами, как

со старшим. Что, если я попрошу вас поговорить со мною в каком-нибудь укромном местечке?

Чиновник согласился:

— Пусть будет так!

Они вошли в дом, чиновник закрыл дверь и предложил Чхве Кёну сесть. Когда они уселись, Чхве Кён сказал:

— Вчера некий человек по имени Ким Ки подал в суд жалобу и денежную расписку на десять тысяч лян. Он просил возбудить дело против его должника Чхве Кёна, но так как Чхве Кён уехал в деревню, то его не смогли арестовать.

Чиновник ответил:

— Действительно, такое дело в суде есть!

Чхве Кён воскликнул:

— Так вот, я и есть тот самый Чхве Кён, которого вы хотели арестовать!

Чиновник, услышав эти слова, удивился и с сомнением спросил:

— Если так, то почему же вчера вы скрылись, а сегодня разыскивали меня да еще принесли мне много денег и риса? В чем же дело?

Тогда Чхве Кён ответил:

— Я чувствую к вам глубочайшее почтение и поэтому ради нашего знакомства принес деньги и рис. Правда, это немного, но я надеюсь, вы благосклонно примите мой маленький подарок! И если вы хотите знать, почему я сначала скрылся, а теперь сам пришел к вам, то я сейчас все подробно расскажу. Мой покойный батюшка и Ким Ки издавна дружили семьями и всегда во всем помогали друг другу. И еще, до того как отец занял у Ким Ки десять тысяч лян, этот человек сам часто занимал у нас деньги. Обычно он не отдавал их сразу, задерживая то года на два — на три, то лет на пять, и отец никогда ни одним словом не упрекал его за это.

А мы в первый раз взяли у него десять тысяч всего лишь год назад, и тут, к несчастью, батюшка захворал. Ким Ки подумал, что если отец неожиданно умрет, то ему не получить денег. За несколько дней до кончины батюшки он в тревоге пришел к нам в дом и, даже не расспросив как следует о болезни, начал всячески поносить своего должника и громко кричать, требуя немедленно вернуть ему деньги. Батюшка умолял его подождать

и обещал непременно вернуть деньги, когда поправится. Но Ким Ки закричал, чтобы он и думать об этом не смел, и принялся пуще прежнего ругать и оскорблять его. Отцу стало еще хуже, и он неожиданно скончался. Я с трудом набрал несколько сот лян и потратил их на похороны. А вчера Ким Ки пришел выразить мне соболезнование, и когда я прислушался к его причитаниям, то услышал, что после каждого слова он добавляет: «О мои денежки! О мои денежки!» Я не подал вида, что слышал это, и попросил его, как водится, отведать вина и выкурить трубку; но он отказался и потребовал, чтобы я тут же принес ему деньги. И я, мальчишка, попав в такое положение, подумал, что если смогу отдать ему эти десять тысяч через несколько лун, то он не обратится в суд, но если же ему недодать хоть одну пхуну, то без суда не обойтись. И еще я подумал, что все имущество, которое у нас осталось, стоит не больше трех тысяч лян, а этого, конечно, мало, чтобы с ним расплатиться. Да и прими он эти три тысячи лян, вся наша семья останется без жилища и умрет с голоду! Я думал-думал, но не мог ничего придумать! Когда он снова пришел, я сказал, что у меня осталась только одна сотня, и я не могу сейчас отдать ему десять тысяч. Тогда он очень разгневался и передал вам жалобу и расписку. Моя судьба была в ваших руках, и я решил скрыться на время. Затем я подумал, что, повидавшись с вами, может быть, придумаю какой-нибудь выход. В вашей воле, конечно, убить меня или оставить в живых, поэтому я и пришел к вам за помощью, как к старшему брату. Умоляю вас, обдумайте как следует все и спасите меня от гибели!

Чиновник, выслушав Чхве Кёна, подумал: «Много лет служу я в этой должности, а такой большой подарок получаю впервые! Стоит, пожалуй, повести дело в его интересах, без особого, конечно, риска!» Он склонил голову и, сидя, как деревянный истукан, помолчал некоторое время, а потом сказал:

— Мне и самому не нравится неблагоприятное поведение этого мошенника Ким Ки. Хотя смерть Чхве Мо и явилась для него ударом, однако, как ни смотри, со стороны Чхве Мо никакого преступления нет. Кроме того, разве порядочные люди поступают, как этот Ким Ки? Так обойтись со своим другом мог только отъявленный негодяй! У него на уме одни деньги, и он не знает, что такое настоящая дружба, этот бесчестный неблагодарный

человек! Однако о том, что у Ким Ки есть расписка Чхве Мо на десять тысяч лян, известно судье, да к тому же по его жалобе в суде уже начато дело. Впрочем, деньги и рис мне придется забрать. А то разве поверят, что у вас осталась всего сотня лян? Да и вряд ли я тогда смогу помочь вам!

Чхве Кён, плача, проговорил:

— Если вы не уладите это дело — мне останется только умереть! Но, поистине, величайшим благодеянием была бы для меня ваша помощь! Нельзя ли, кстати, мне взглянуть на эту расписку? Она ведь должна быть у вас!

— Да что же на нее смотреть? — удивился тот, а Чхве Кён ответил:

— Да я хочу взглянуть, нельзя ли тут использовать одну маленькую уловку, о которой знали бы только вы да я! Не беспокойтесь, ничего страшного не случится. Покажите, пожалуйста, мне эту расписку!

Чиновник, решив посмотреть, что из этого выйдет, вынул расписку и, показывая ее Чхве Кёну, спросил:

— Какую же это хитрость вы придумали? Если только ваша выдумка в самом деле толковая, то уж будьте уверены, я не пожалею сил для человека, который носит траур! Говорите же поскорее!

Тогда Чхве Кён скромно сказал:

— Когда пишется денежная расписка, никто не осмеливается неявно указать в ней сумму или исправить неверно написанное. Ведь из малого количества денег можно сделать большое, а из большого — малое. И тогда, даже если дело дойдет до суда, судья не сможет вынести приговор — ведь займодавец может получить больше, чем дал, а должник — отдать меньше, чем взял. Одним словом, может произойти несправедливость. Вот я и хочу воспользоваться этим. Есть одна уловка, о которой будем знать только мы с вами. В расписке указана сумма в десять тысяч лян. Мы соскоблём ножом иероглиф «десять тысяч» и снова напишем его на том же самом месте. Вы оставите эту расписку у себя, а я завтра сам явлюсь в суд. Если судья меня арестует и прикажет заплатить деньги Ким Ки, то я попрошу расписку и, прочтя ее, сделаю вид, что удивлен указанной в ней суммой. А если к тому же вы поддержите меня перед судьей, то хитрость должна удался! Что вы думаете об этом?

Чиновник ответил:

— Ваши слова разумны, и план, который вы предлагаете, пожалуй, осуществим! Выйдет — не выйдет, а попробовать надо. Я уж постараюсь, не беспокойтесь!

Тогда Чхве Кён маленьким ножом соскоблил иероглиф «десять тысяч», а потом снова написал его на том же месте. Получилось, будто иероглиф написан вместо какого-то другого! Чиновник тоже посмотрел и, засмеявшись, воскликнул:

— Если вам всего пятнадцать лет, а вы уже смогли придумать такую хитрость, то какие же великие дела вы совершите, когда будете постарше! Я хотя и не знаю, как завтра обернется дело, однако вы непременно придите в суд и поговорите с судьей!

Они проговорили до поздней ночи, а потом Чхве Кён почтительно попрощался и вернулся домой.

На другой день утром он добровольно явился в суд. Чиновник доложил об этом судье. Судья приказал арестовать его и ввести. Когда Чхве Кёна ввели, судья спросил его:

— Ты Чхве Кён?

— Да, я.

— Твой отец занял у Ким Ки десять тысяч лян. После смерти отца ты сказал Ким Ки, что у тебя осталась только сотня лян, и ты не можешь вернуть ему деньги. Так ли я говорю?

Чхве Кён ответил:

— Что верно, то верно.

Судья добавил:

— Твой отец написал перед смертью расписку на десять тысяч лян и передал ее Ким Ки. Я видел этот документ, нет никаких сомнений, все ясно. Почему же ты не хочешь расплачиваться, ссылаясь на то, что у тебя якобы осталось только сто лян? Разве это не мошенничество?

Чхве Кён ответил:

— Я, ничтожный, еще молод и не мог знать подробностей такого важного дела. К тому же я уезжал из дому учиться, а когда возвратился, мой батюшка обо всем заботился сам. Потерпев неудачу в торговых делах, он не мог вернуть Ким Ки даже ста лян! Не мог он отдать деньги и другим людям, которым должен был несколько тысяч. «Что же делать?» — восклицал он и постоянно тревожился о своих делах. Из-за этого он заболел, а потом и скончался. Я же знал только о том, что отец что-то должен

Ким Ки. А Ким Ки, придя к нам в дом с соболезованием по поводу кончины батюшки, сказал, что отец остался должен ему десять тысяч лян, и потребовал эти деньги. Я ответил, что ничего не знаю о десяти тысячах, что еще не покончил с похоронами и денег у меня нет. Отец говорил с Ким Ки всего лишь о сотне лян, а Ким Ки после кончины отца сказал мне, что имеет расписку на десять тысяч и что, если я их ему не отдам, он подаст жалобу в суд. И хотя Ким Ки ругал меня, разве мог я усомниться в словах своего батюшки и поверить словам постороннего человека? Разве мог я заплатить ему эти деньги, даже если бы они у меня были? А кроме того, Ким Ки совсем не похож на других людей. Уж если он не может забыть даже о каком-нибудь пустяке, то разве молчал бы о десяти тысячах лян целый год? Умоляю вас учесть, что я ношу траур, и как следует разобраться в этом деле!

Судья все это внимательно выслушал, оглядел Чхве Кёна, убедился, что ему не более пятнадцати лет, и подумал, что тот, пожалуй, говорит правду. Он грозно сказал:

— Если ты увидишь эту расписку, то, наверно, узнаешь ее. Прочти-ка ее хорошенько!

Подозвав чиновника, он приказал ему показать Чхве Кёну расписку. Чиновник передал расписку Чхве Кёну и сказал:

— Читай!

Чхве Кён взял расписку, прочел ее, повертел так и этак, почтительно возвратил чиновнику и сказал:

— Я внимательно прочел эту расписку и вижу, что все тут правильно, только вот иероглиф «десять тысяч» написан будто вместо какого-то другого иероглифа! Что же это такое? Разве можно так жестоко обманывать человека и требовать с него деньги, которых он не брал? Вообще-то Ким Ки и раньше отличался дурным поведением. Он ссужал деньги под большие проценты и если не мог получить их сам, то вытягивал при помощи взяток. Такая недобрая слава идет о нем повсюду. И если бы в суде внимательно расследовали это дело, то Ким Ки был бы сразу разоблачен. Я умоляю вас хорошенько все проверить!

Заинтересовавшись, судья тщательно рассмотрел расписку. И в самом деле, все иероглифы были написаны четко и не вызвали никакого сомнения, а вот иероглиф «десять тысяч» выглядел так, будто его написали вместо какого-то стертого иеро-

глифа! Судья подозревал чиновника, и приказал ему тщательно рассмотреть расписку. А тот, играя свою роль, сделал вид, что внимательно разглядывает расписку, и потом доложил судье:

— В самом деле, совершенно очевидно, что иероглиф «десять тысяч» написан вместо какого-то другого, стертого иероглифа! Но мне ясно и не только это. Я знаю, что Ким Ки и раньше был известен в народе как ловкий вымогатель, а сейчас, прочтя расписку Чхве Мо, можно убедиться в справедливости этого. Он совершил такой бесчестный поступок, он дурно обошелся с этим юношей, а, кроме того, ложно обвинив его, старался ввести суд в заблуждение и обманным путем лишить человека имущества. То, что говорит этот юноша, пожалуй, действительно похоже на правду. Видимо, в расписке был написан иероглиф «сто», то есть речь шла об одной сотне лян, а потом иероглиф «сто» был заменен иероглифом «десять тысяч» и получилось совсем другое! Я со своей стороны также прошу вас учесть все это!

Расписка и слова Чхве Кёна насторожили судью, да и чиновник сказал о дурной славе Ким Ки. Пожалуй, и в самом деле Чхве Кён говорит правду. Разгневанный судья приказал чиновнику:

— Мошенника Ким Ки немедленно арестовать и доставить в суд!

Чиновник кликнул нескольких судейских служителей попроторнее и приказал им немедленно схватить и привести Ким Ки. Служители тут же отправились к дому Ким Ки. А сам Ким Ки в это время, узнав о том, что Чхве Кён арестован и находится в суде, очень обрадовался и подумал: «Эти мошенники, отец и сын, не хотели вернуть мои денежки! А если продать их дом, все вещи и землю, то можно сполна вернуть все, что мне причитается! Пусть теперь этот щенок на коленях умоляет меня — я не позволю ему задержать ни одной пхуны!»

Словом, Ким Ки был очень доволен.

Но вдруг дверь горницы открылась, быстро вошли здоровенные судейские служители и, осыпая его тумаками, злобно закричали:

— Ах ты, негодяй! Ты, говорят, ловко умеешь вымогать чужие денежки! Но сегодня, подлец ты этакий, тебе покажут, как грабить порядочных людей! На твой зад натянут воловью шкуру и будут нагревать ее! Сегодня ты узнаешь, что это такое! Из-за

тебя, мошенник, нам пришлось тащиться сюда, в такую даль, и мы устали! Еще скажи спасибо, что мы к тебе пришли, живо выкладывай пятьдесят или сто лян!

И они продолжали избивать его. А Ким Ки, попав в такую переделку, не знал даже ее причины. Он не мог вынести побоев и, умолив слуг, чтобы они перестали, дал им пятьдесят лян. После этого они привели его в суд. Там сидел судья, перед ним стоял чиновник, а внизу во дворе распростерся на коленях Чхве Кён. Судейские слуги поставили Ким Ки около лестницы. Судья свирепым голосом закричал:

— Этот негодяй — вор! Привязать его к скамье и, пока он не расскажет сам о своем преступлении, бить большими палками!

Слуги крепко привязали руки и ноги Ким Ки к скамье, схватили толстые ясеневые палки и, встав по двое с обеих сторон, принялись изо всех сил бить его. А судья сказал:

— Ты прекрасно знаешь, в чем состоит твое преступление, и, если хочешь избежать смерти, расскажи обо всем сам!

Кроме того, он прикрикнул на судейских слуг:

— Если будете бить его слабо, то сами отведаете палок! Учтите это и бейте как следует!

Чиновник тоже приказал им:

— Сильнее бейте!

И слуги, стоя вокруг скамьи, стали бить Ким Ки еще сильнее, приговаривая:

— Сознавайся! Сознавайся!

Так Ким Ки впервые в жизни отведал палок! Было очень больно, а удары не прекращались. Разве можно вытерпеть такую боль? И он подумал: «Раньше я часто привлекал к суду людей, которым ссужал деньги и которые не могли вернуть долг. Их били палками и заставляли уплатить мне деньги. А теперь страдания этих людей пали на меня за прошлые грехи!»

Он сказал судье:

— В самом деле, я, презренный, совершал кое-какие проступки, но я не знаю, за какой из них меня наказывают сейчас! Знать бы хоть, за что умираешь!

Судья грозно ответил ему:

— Слушай меня! С давних пор ты известен как ловкий вымогатель чужого добра. Ссудив немного денег, ты брал огромные проценты, получая на каждый лян — десять, на каждые

десять — сто и тысячу, а на каждые сто — десять тысяч! И хотя ты стал самым богатым человеком в столице, алчность твоя не уменьшилась: теперь ты хотел обмануть Чхве Кёна и присвоить его имущество. Подлый вор! А ведь ты был старым другом его отца! Но вместо того, чтобы, как полагается честному другу, помочь его обедневшему сыну, ты, наоборот, переправил в расписке иероглиф «сто» на иероглиф «десять тысяч», стараясь обмануть этого юношу и ввести в заблуждение суд. Ты такой же преступник, как заправский вор, и наказывать тебя следует, как вора. Разве я могу не наказать тебя сурово и не предостеречь тем самым тебе подобных? Посмотри хорошенько на иероглиф «десять тысяч», который написан в этой расписке! — и судья подал ему расписку.

Ким Ки прочел ее. Было совершенно ясно, что иероглиф «десять тысяч» написан вместо какого-то другого! Разве мог Ким Ки сказать хоть что-нибудь в свое оправдание? Однако молчание могло обернуться еще хуже, и потому он сказал:

— Когда я получил эту расписку, все иероглифы были написаны отчетливо и не вызывали никакого сомнения. Если бы я знал, что может выйти, то прочел бы эту расписку внимательнее, когда получал ее. А теперь мне остается только пенять на себя за такую оплошность!

Судья закричал:

— Вы только послушайте этого негодяя! Ты же сам исправил иероглиф, а вину сваливаешь на должника! Разве ты не знаешь, что усугубляешь этим свое преступление?!

И он грозно приказал судебским служителям:

— Бейте этого негодяя до тех пор, пока он не признается, что переправил иероглиф своей рукой!

Служители снова схватили палки и стали бить его еще сильнее, чем прежде.

Кровь текла ручьем и орошала землю. Разве мог он вынести такое наказание? «Требуя деньги, я слишком грубо обращался с Чхве Мо и его сыном, а вот сегодня сам так тяжело страдаю, — подумал Ким Ки. — Но как же получилось с распиской? Там ведь ясно было написано “десять тысяч лян”, и кто переправлял этот иероглиф — ума не приложу! Однако слова судьи — сущая правда, конечно. И до, и после смерти своего старого друга я думал только о деньгах и из-за них дурно с ним обошелся. В са-

мом деле, я негодай, которого следовало бы убить! Вот если бы я остался в живых, то уж ни за что не стал бы повторять своих проступков. Я бы очистился душой и стал помогать своим бедным родственникам и друзьям, кому сотней лян, кому тысячей. Но только, наверно, не выжить мне сегодня!»

И он, плача, сказал:

— Хотя я, ничтожный человек, и говорил, что не переправлял иероглиф, однако я солгал. Иероглиф в самом деле переправил я, потому что хотел получить побольше денег с Чхве Кёна! Разве я могу доказывать свою невиновность и пенять на кого-нибудь, кроме самого себя? Но если бы вы соизволили оставить меня в живых, я бы сжег эту денежную расписку, и за то, что плохо обращался с сыном моего старого друга, не стал бы требовать с него ни одной пхуны! Уповаю только на вашу доброту. Умоляю, пощадите меня, ваша милость!

И он страстно просил судью простить его. Судья убедился, что палок Ким Ки досталось довольно — да к тому же он так горячо просил простить его! — и приказал снять его со скамьи и поставить на колени.

— Каждый человек в этом мире должен быть честным и справедливым, — сказал он Ким Ки. — Ты же из-за каких-то презренных денег забыл старую дружбу, забыл о справедливости. Оказывается, есть на свете такие заблудшие люди! Ну да ладно. Ты говоришь, что сожжешь расписку и, взяв у Чхве Кёна только сто лян, будешь считать это справедливым? И, кроме того, ты обещаешь, что не будешь больше получать с людей деньги нечестными путями? Помни об этом и впредь постарайся исправиться! Но если ты опять будешь ссориться с Чхве Кёном и требовать с него деньги, то не жди от меня пощады! — он сжег расписку и отпустил Ким Ки и Чхве Кёна из суда.

Ким Ки вернулся домой и задумался. Вопреки ожиданиям, он не только не получил денег, но еще неведомо как оказался воров и был здорово избит палками! Разве мог он понять, что произошло, и не чувствовать глубочайшей досады? С другой стороны, раскаявшись, он сказал себе: «Теперь я жалею о своем поведении и досаую на себя. И почему я так много думал о наживе и так мало о людях? Всю жизнь я только и делал, что копил деньги, но сегодня я чувствую, со мной произошла большая перемена. Теперь-то я не буду давать деньги в долг под проценты!»

В тот же день он взял сто тысяч лян и, заходя то в один, то в другой дом, просил своих друзей или просто бедных людей принять от него то сто, то тысячу лян. И все, кому он дарил деньги, радовались, горячо благодарили его и удивлялись, с чего это Ким Ки так расщедрился!

А Чхве Кён, вернувшись из суда, также задумался над своим поступком. «Хотя я и выиграл дело, использовав маленькую хитрость, однако то, что Ким Ки был назван вором и избит палками, — не дает мне покоя». В тот же день он продал дом, весь домашний скарб и выручил за все это около трех тысяч лян. Часть денег он истратил на покупку маленького домика, где и поселился с семьей, а на остальные — открыл торговлю. И хотя Чхве Кён был молод, однако, хорошо разбираясь в делах, не допускал ошибок и поэтому через десять лет сделался богачом, обладателем десятков тысяч лян! Тогда он снова подумал о Ким Ки: «Когда-то я не мог вернуть Ким Ки деньги, взятые у него моим отцом, и, поступив нечестно, устроил так, что его побили палками и вынудили сжечь расписку. Однако по натуре я не дурной человек. Я сделал это, когда у меня не было другого выхода, а кроме того, я надеялся разбогатеть и вернуть долг. Теперь, когда у меня десятки тысяч, я должен вернуть Ким Ки долг и, попросив прощения, прекратить старую вражду!» И он отправил к Ким Ки слугу с письмом, в котором горячо умолял простить его.

— Солнце уже садится, и скоро наступит ночь, поэтому скажи Ким Ки, что я приеду завтра утром и покаюсь в своем грехе! — приказал он слуге. И добавил строго: — Быстро возвращайся и сообщи ответ!

Слуга поклонился и ушел.

А Чхве Кён, приказав нагрузить на лошадей и волов десять тысяч лян, а также шелку на одежду и множество изысканных закусок, отправил все это вслед за слугой. Слуга скоро вернулся и доложил:

— Письмо изволили прочесть, очень удивились и приказали только передать, что из-за спешных дел письменного ответа не будет. А завтра надеются встретиться с вами и, вспомнив прошлое, все обсудить!

Чхве Кён, услышав ответ слуги, устыдился и глубоко вздохнул.

А Ким Ки был в горнице, когда слуга принес ему письмо от Чхве Кёна. В письме Чхве Кён горячо умолял простить его и писал, что возвращает деньги.

В это время во дворе Ким Ки неожиданно появились лошади и волы, нагруженные деньгами, великолепным шелком и всевозможными яствами! Ким Ки удивился и, не помня зла, выразил желание встретиться с Чхве Кёном, а деньги и товары принял и приказал спрятать в кладовую.

Утром он сидел в горнице и ждал. И вот вошел Чхве Кён. Он распростерся перед Ким Ки и стал умолять простить его. Чхве Кён мягко дал понять Ким Ки, что своим прежним дурным отношением к отцу и сыну тот нарушил принципы дружбы. Кроме того, непрерывно вздыхая, Чхве Кён объяснил ему, что только из-за своих ошибок он был бит палками в суде и не получил денег.

Разве мог Ким Ки обидеться на Чхве Кёна? Он взял Чхве Кёна за руку, и, плача, воскликнул:

— Это я согрешил против тебя. Разве ты должен просить у меня прощения? Ведь дело дошло до суда только из-за меня! Разве я могу досадовать на тебя за это? Вот сегодня мы встретились с тобой, и мой стыд ни с чем нельзя сравнить! И впредь не смей мне говорить о каком-то своем проступке! Теперь я хочу все время быть с тобой вместе и усыновить тебя!

Он усадил Чхве Кёна, и они стали беседовать о делах, как отец с сыном.

А Чхве Кён думал о прежней ссоре, о том, что Ким Ки забыл прошлое и так великодушно с ним обошелся. Он горячо благодарил Ким Ки и, не желая скрывать от него своего проступка, подробно рассказал о том, как, боясь за семью, он, договорившись с чиновником, стер и снова написал иероглиф в денежной расписке! Выслушав все это, Ким Ки вздохнул:

— Я думал об этом. Но ведь если бы ты не схитрил тогда, то умер бы с голоду, а я до сих пор оставался бы дурным человеком! Пусть ты обманул меня, но зато сам остался в живых, да и я, отрешившись от дурных дел, стал, пожалуй, лучше. Разве можно совершить дело более доброе, чем то, которое совершил ты?

И вместо того, чтобы бранить Чхве Кёна, он стал благодарить его.

А деньги, те десять тысяч лян, которые прислал ему Чхве Кён, он принял, не взяв, конечно, ни одной пхуны процентов.

Всю жизнь они жили, как отец с сыном, и соблюдали справедливость. До самой смерти в горестях и в радостях они вместе старались очищать свои души и, говорят, прославились как самые добродетельные люди. И в самом деле, если все это было так, разве они не достойны восхищения?

ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК НЕКТО, ИСПОЛЬЗУЯ ХИТРОСТЬ, ЖЕНИЛСЯ НА ВДОВЕ

Несколько сот лет назад в провинции Кёнсандо жил один вдовец. Фамилия его была Ли, имя Сон. Жена у него умерла, и вот уже целый год из-за бедности он не мог жениться снова. Однажды вдовец отправился в соседнюю местность по каким-то делам. Проходя мимо одного дома, с виду очень богатого, он заглянул в ворота и увидел женщину, одетую в белое*. Он пригляделся — вдова лет двадцати с небольшим! Ее лицо прелестно, талия гибка. Ли Сон подумал: «Если бы мне удалось жениться на этой вдове, я получил бы вместе с ней и дом, и все добро, которого, наверно, в нем немало. Это было бы поистине великолепно!»

Он вернулся домой, но не мог забыть эту женщину и чуть было не заболел от расстройства, как вдруг однажды ему в голову пришла одна хитрая мысль. Позвав соседку, женщину, бойкую на язык, он сказал ей:

— Я позвал тебя потому, что хочу жениться на одной вдове. И если ты устроишь это, получишь триста лян. Сделай только так, как я тебе укажу.

Этой женщине страстно захотелось получить деньги, и она ответила:

— Я сделаю все, что повелит молодой господин. Пусть он только скажет, что делать!

Тогда Ли Сон сказал:

— Я нынче пойду в те края, где живет вдова, а ты подожди один денек.

* Белый цвет в Корее — знак траура.

И в тот же день придя туда, где жила вдова, он стал все о ней разузнавать. Оказалось, что она пришла в дом мужа, когда ей только что исполнилось семнадцать лет, что детей у них не было, а муж ее умер в начале восьмой луны прошлого года. Узнал он, и где находится ее девичий дом, и как ее фамилия, а также то, что у ее мужа нет ни родителей, ни братьев, ни сестер, и что дома у нее живет только одна старая служанка. А кроме того, Ли Сон разведаль, что хотя эта женщина и хотела бы снова выйти замуж, однако она считает, что ради сохранения репутации ей следует оставаться вдовой. Получив все возможные сведения, Ли Сон вернулся домой, призвал соседку, хорошо угостил ее и объяснил, что от нее требуется:

— Я был в тех краях, где живет вдова, и все разузнал о ней. Завтра ты придешь в ее дом под видом гадалки и нагадаешь то, что я сейчас расскажу тебе о ней. А когда ты перескажешь ей все это, она подумает, что ты обладаешь даром предвидения, и попросит предсказать будущее. Мне известно, что втайне вдова желает выйти замуж, поэтому ты скажешь ей так: «В начале будущей луны седьмого дня вы встретите человека из благородных с фамилией, обозначающей название дерева*. Вы пригласите его к себе в дом и уложите спать. И если вы в ту ночь станете его женой, то через пять лет он сделается губернатором провинции Кёнсандо». И еще скажи: «Но если вы не встретите человека с фамилией, обозначающей название дерева, то не пройдет и трех лет, как ваш дом и вещи пропадут, а вас насильно уведут к противному вдовцу, который всего-навсего слуга в чужом доме. И, став его женой, вы всегда будете жить в бедности. Поэтому не смейте отсылать человека с фамилией, обозначающей название дерева!» А когда ты вернешься, я, по твоему предсказанию, седьмого дня будущей луны под каким-нибудь предлогом приду в дом вдовы.

Тут соседка Ли Сона подумала: «Кажется, дело удастся и я получу три сотни лян!» — и с радостью согласилась выполнить поручение. На другой день она пришла к вдове и увидела, что дом у нее действительно богатый, что сама она прекрасна, а душа ее благородна.

— Как поживает молодая госпожа? — поздоровалась женщина с вдовой.

* Иероглиф, которым записывают фамилию Ли, имеет значение «слива».

— Ничего, хорошо. А кто ты такая? — спросила в свою очередь вдова.

— Я издалека, более чем за сто ли отсюда. Я смотрю на лица людей и по ним вижу их прошлое и будущее. Могу погадать и молодой госпоже и буду очень рада получить за это немного денег, потому что дом мой беден.

— Так ты хорошо гадаешь? А сколько берешь?

— За одно гадание — один лян, по справедливости.

Вдова заинтересовалась.

— Вообще-то мне всегда хотелось погадать, но я никогда не встречала хороших гадалщиц. Но раз уж ты пришла, я попробую! Так вот, если ты расскажешь все о моем прошлом, то я поверю и предсказанию будущего. А нет, так как же верить твоим предсказаниям?

— Будь по-твоему! — ответила старуха и со слов Ли Сона подробно выложила вдове все сведения о ней: и ее фамилию, и возраст, и когда она вышла замуж, и в какой год, какую луну, какой день и час умер ее муж. Она сказала, есть ли у нее родители, и вообще все, что слышала от Ли Сона.

Вдова выслушала все с большим вниманием. В словах гадалки не было ни одного слова неправды; она рассказывала так, как будто сама пережила все это! Вдове стало даже не по себе и, похвалив гадалку, она призналась:

— Многие гадали мне, но никто не гадал так верно. Ведь ты просто чудесно описала мое прошлое! Теперь я буду верить каждому твоему слову! Что ж тут сомневаться?! — и, хорошо угостив старуху, она предложила ей:

— Ты сегодня не уходи: будешь спать у меня и расскажешь обо всем хорошем и плохом, что меня ожидает. И если поможешь мне избежать какого-нибудь несчастья, дав хороший совет, я подарю тебе много денег.

Старуха обрадовалась предложению вдовы переночевать в ее доме и согласилась:

— Ладно! После ужина я предскажу вам будущее!

Услышав такой ответ, вдова было обрадовалась, но старуха добавила:

— Правда, мне не очень хочется предсказывать вам судьбу.

Вдова принялась уговаривать старуху, но та опять сказала, как во сне:

— Я рассказала все о вашем прошлом, а вот предсказывать будущее — не решаюсь. Так, пожалуй, будет лучше.

Вдова испуганно воскликнула:

— Что ты говоришь?! Ты же обещала предсказать, что мне суждено, а теперь отказываешься выполнить свое обещание! Может быть, меня ожидает что-нибудь страшное? У тебя такой вид, будто тебе тяжело сказать об этом. Но если даже ты нагадаешь что-нибудь очень плохое, я не стану обвинять тебя в неумении и осуждать. Не бойся и выкладывай всю правду!

Тогда старуха, сделав вид, что ей очень неприятно, сказала:

— Ну, раз вы так говорите, я буду предсказывать. Но если вы услышите хоть что-нибудь неугодное для вас, не браните старуху! По лицу молодой госпожи я вижу, что не пройдет и нескольких дней, как свершится что-то очень хорошее для нее. Однако я вижу и то, что если она упустит predetermined судьбой случай, то у нее будет большое несчастье. Вот об этом-то мне и нелегко говорить.

Тут вдова нетерпеливо перебила старуху:

— Ну, пожалуйста, скажи скорее, в чем дело? Раз уж ты поведала все о моем прошлом так, будто пережила его сама, значит, надо рассказать и о будущем! Чего ты боишься?

Старуха снова спросила:

— Но стерпите ли вы, если будет хоть одно неприятное для вас слово?

Вдова ответила:

— Что бы ты ни сказала — доброе или дурное, — не бойся, говори все!

Тогда старуха начала:

— Юная госпожа! Через три года ваш дом разграбят разбойники, а сами вы станете наложницей какого-нибудь слуги и будете жить в вечной тоске. Вы станете самым последним человеком и не будет ни одного дня, когда бы вы не плакали! Вот потому-то я и не решалась предсказать вам будущее. Но если вы хотите избежать этого несчастья, то во что бы то ни стало должны заполучить суженого вам человека. И тогда вы сами станете очень знатной, а всякого добра у вас будут целые горы!

Услышав это, вдова не знала, печалиться ей или радоваться.

— Бабуся! Ты ведь все знаешь! Кого я должна встретить, чтобы избежать несчастья?! — допытывалась она. — Ведь когда

человека ожидает что-нибудь плохое, он всеми средствами старается избежать этого. Как же я могу сидеть спокойно и ждать, когда придет беда?! Если ты дашь мне добрый совет, как устранить несчастье, то я, сделавшись богатой и знатной, хорошо вознагражу тебя. Знай это и, пожалуйста, научи, что делать!

Тут старуха подумала: «Ну, кажется, вдова попалась на хитрость! Теперь, если дело господина Ли окончится удачно, я получу деньги и тут, и там! Мне, конечно, от всего этого большая выгода, но ведь если состоится брак вдовы с вдовцом и у них родятся сыновья и дочери, то и сами они не останутся в накладе!»

На душе у нее стало спокойно, и она ответила:

— Пусть молодая госпожа послушается моего совета, тогда никакого зла не будет. Она сама убедится, — верно я предсказываю или нет.

Затем старуха внимательно всмотрелась в лицо вдовы и радостно воскликнула:

— Ну конечно! Как только я глянула на молодую госпожу, так сразу и увидела, что у нее лицо человека, который будет очень богат и знатен! Очень редкое лицо в нашей стране, право! И в тот день, когда вы станете богатой и знатной, не одаривайте старуху тысячью лян, а только помните о ней!

Вдова ответила:

— Ты прежде скажи, что нужно делать, а потом уж проси, чтобы тебя не забывали!

— Хорошо! — согласилась старуха. — Слушайте меня внимательно. В седьмой день будущей луны один благородный человек с фамилией, обозначающей название дерева, вечером придет к вам в дом и будет проситься переночевать. Не отсылайте его из-за того, что у вас нет мужа, а непременно разрешите ему переночевать! Через пять лет после встречи с ним вы станете женой губернатора провинции Кёнсандо и самым богатым человеком в Корее! Если же этот господин не придет в указанное мною время, то я верну вам деньги, которые дадите мне за гадание.

Вдова ответила:

— Если в седьмой день будущей луны ко мне в дом действительно придет человек с фамилией, обозначающей название дерева, то я не только сочту твое предсказание чудесным, но и

выполню твой совет. А если же в указанное тобой время этот человек еще и попросится переночевать у меня, то я буду считать тебя самой лучшей гадалкой в мире!

Прошла ночь. Наутро, после завтрака, вдова вручила старухе десять лян и отослала ее. Та, вернувшись домой, все подробно рассказала Ли Сону. Ли Сон очень обрадовался и воскликнул:

— Знай, что, если дело будет сделано, ты получишь пятьсот лян!

А когда настал условленный день, Ли Сон, попросив на время у своего приятеля хорошее платье, шляпу и обувь, отправился к дому вдовы.

Солнце садилось. Ли Сон подошел к воротам дома вдовы и крикнул:

— Хозяин дома? Хозяин дома?!

Вдова подумала: «Сегодня, по предсказанию той старухи, и правда кто-то пришел». Подождав немного, она выглянула и, послав старую служанку узнать, кто пришел, наказала ей:

— Если фамилия пришельца Ли, Пак или Квон, то пригласи его ночевать, а если нет — отошли!

Служанка вышла за ворота и спросила:

— Кто вы, господин, и как ваша фамилия?

Гость ответил:

— Я — из благородного сословия, а фамилия моя — Ли. Тут поблизости нет постоянного двора, и поэтому я хотел бы переночевать в вашем доме.

Следуя приказанию вдовы, служанка пригласила гостя в дом. А вдова, подумав, что слова гадалки удивительно сбываются, приказала немедленно провести господина в горницу. Истратив несколько десятков лян, она приготовила хорошее угощение и шепотом приказала служанке:

— Не смей рассказывать обо всем этом соседям!

Ночью вдова велела служанке просить Ли Сона пройти во внутренние покои.

Она зажгла светильник, и, когда он осветил комнату, вошел Ли Сон.

Вдова спряталась было в другую комнату, но снова выглянула и украдкой оглядела его. Она заметила, что лицо гостя прекрасно, как яшма, платье и головной убор великолепны, а сам он — мужчина сильный!

Она обрадовалась в душе, отметив это. «И как только мне не стыдно!» — подумала она тут же и села, опустив голову.

Ли Сон ужинал, когда вдруг услышал, что служанка просит его пройти к хозяйке. Он обрадовался от всего сердца и, пройдя во внутренние покои, увидел под светильником красавицу с чуть припудренным лицом и в белых одеждах. Она сидела вполоборота к нему и молчала. Ли оглядел ее лицо и фигуру и увидел, что она еще красивее, чем показалась ему издали!

Он подумал: «Я пустился на хитрость и сегодня получаю эту вдову. Но хоть и велики мои таланты, разве мог бы я насладиться такой красавицей, если бы не могущество слов моей соседки?»

Он сел рядом с вдовой, взял ее за руку и спросил:

— Почему вы просили меня, незнакомого прохожего, войти на женскую половину дома? А кроме того, я не знаю, есть у вас муж или нет. Ведь если он узнает об этом, то нам обоим не сдобровать! Скажите скорее и успокойте душу!

Вдова смутилась было, но потом засмеялась и объяснила:

— Я была замужем, а теперь овдовела. Однажды я встретила гадалку, которая предсказывает судьбу по лицам, и то, что она мне нагадала, начинает сбываться. И если сегодня ночью не выполнить ее совета, то со мною случится большое несчастье. А сделаю, как она сказала, — придет великое богатство и знатность! Пока все ее предсказания сбываются одно за другим.

Вдова позвала старую служанку и велела ей принести столик с вином. Налив полную чашку вина, она поднесла ее Ли Сону и сказала:

— О том, что произойдет здесь сегодня ночью, не узнает никто. А завтра я скажу, что приехал мой родственник, который велит мне продать землю и дом и переехать жить к нему.

Когда Ли Сон услышал это, радости его не было границ!

Через четыре-пять дней после той ночи он продал дом и землю за несколько десятков тысяч. А когда Ли Сон привел вдову к себе, то одарил пятьюстами лян женщину, которую посылал гадать. И все трое были очень довольны. А вдовец и вдова поженились и, как говорят люди, состарились только через сто лет.

Правда это или нет — я не знаю.

Но если правда, то такая маленькая хитрость, по-моему, восхитительна!

Однако теперь есть совсем другие обманщики. Они бродят по свету и, дурача глупых мужчин и женщин, присваивают их состояние. Это стало обычным делом. И если одни вообще не верят в то, что есть такие обманщики, то другие считают этих обманщиков людьми необыкновенными! Печально!

МЕСТЬ СВАХИ, или ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК ПОДРАЛИСЬ СВАТЫ

Было это давным-давно. У одного благородного человека родился сын, а у другого — дочь. Оба они хорошо воспитали своих детей и любили их, как величайшие сокровища. И хотя в семье юноши уже нужна была невестка, а в семье девушки — зять, эти люди еще ничего не знали друг о друге.

Человек по фамилии Ким, у которого был сын, никак не мог женить его.

И вот однажды пришла к нему в дом некая женщина, занимавшаяся сватовством. Осведомившись почтительно о его здоровье и поболтав о том о сем, она вдруг увидела неженатого хозяйского сына. Удивившись, она заохала:

— Ах, ах! Вот странное дело! Этот юноша с неба упал что ли? Да откуда он взялся на земле? Я, ничтожная, тридцать лет хожу по белу свету и занимаюсь сватовством, а вот такого прекрасного жениха вижу в первый раз! Прикидываю я, ему теперь годков шестнадцать-семнадцать. Да почему же это он у вас до сих пор не женат? Уж я-то могла бы раздобыть где-нибудь для вас хорошую невестку, только приказать извольте. Однако помните, что на всякое дело есть свое время и если этот год пройдет, то может ничего не получиться. Подумайте-ка хорошенько об этом!

Отец и мать молодого Кима обрадовались и сказали:

— Уж слишком ты расхваливаешь нашего сына! А то, что он до сих пор не женат, нас тоже очень беспокоит. Ты вот ходишь повсюду, и уж кому, как не тебе, знать, где есть хорошие невесты! Устрой так, чтобы мы могли женить нашего сына!

— Ну что ж, так и быть! Завтра же зайду в одно место и попробую договориться. Это дом господина Чхве, проживающего в уезде Коян. Я хотя и не бывала в его доме, говорят, есть у него

дочка, которую он очень хорошо воспитал. Вот брошу все дела и завтра же попробую к нему навеститься. А уж вы, надеюсь, одарите меня по заслугам, если удастся устроить этот брак?

— Ладно, будь по-твоему! Только неизвестно еще, чем кончится дело, а ты уже думаешь о подарках. А ведь недаром говорится: «Сосватает сваха хорошо да вовремя, так вина ей три чарки, а не сосватает — так и три пощечины!» Ты, правда, сказала нам, что есть у тебя на примете невеста, но ведь ничего еще не сделала. Действуй осторожно и смотри не испорти дела!

— Дело-то это хлопотное, бегать придется много, и я, конечно, надеюсь получить за него деньги. Кто ж будет бегать и стараться даром? Ну да ладно, как бы там ни было, а уж ради вас, господин, разок постараюсь! — закончила сваха.

На следующий день, придя в уезд Коян, сваха явилась в дом Чхве. Прежде всего она хотела, конечно, увидеть невесту. И когда через раздвинутые двери она заметила девушку, занятую шитьем, оказалось, что это и была сама невеста. Сваха как следует разглядела ее: поистине, первая среди женщин красавица! Да и держится почтительно, и манеры у нее благородные. Как раз самая подходящая девушка для молодого Кима! Обрадовавшись, сваха решила, однако, скрыть цель своего прихода и сказала, обращаясь к хозяйке:

— Здравствуйте госпожа! Я, ничтожная, родилась и выросла в Сеуле. А теперь мне уже шесть десятков, жить осталось недолго, вот я и брожу да гляжу на мир. Сейчас я возвращаюсь домой и попала в эти края. А к вам я зашла потому, что и ноги у меня болят, и в горле пересохло. Дайте же мне хоть чашечку водички, пожалуйста!

— Ну что ж, пожалуйста! Эй, Оволь! Зачерпни-ка воды да подай!

Напившись, сваха горячо поблагодарила хозяйку. А та продолжала:

— Да что вы так благодарите за одну чашку воды? Мы бедные провинциалы, роскошествовать не можем, вот и не довелось мне поглядеть на свет. Даже толком не знаю, в какой стороне находится Сеул и какие там обычаи. А вы вот хоть и старый человек, ноги у вас однако еще крепкие, и повсюду-то вы уже побывали. Наверно, довольны жизнью?

— Да нет, особенно-то хорошего в моей жизни мало, — ответила старуха. — И в деревне много есть хорошего, однако, мне кажется, все здесь хуже, чем в Сеуле. Нравы и обычаи здесь более простые, но дома, одежда, еда, пожалуй, малоинтересны. Здесь не живут министры и богачи, потому и правила поведения детей, и одежда стариков, мужчин и женщин — все неприглядно. Я вот сама родилась и выросла в Сеуле. Может быть, поэтому и не испытываю особого вкуса к деревенской жизни. Однако мне неловко, что я говорю такое перед сельскими людьми благородного происхождения. Прошу простить меня!

— Да что вы, за что же вас прощать-то? — сказала хозяйка. — Я тоже слышала, что столица и провинция — совсем разные вещи!

Хозяйка приглядывалась к старухе. Видимо, она очень правдивая, ничего не приукрашивает и говорит все как есть. Поистине, этим похожа она на людей древности! А хвастливости, так свойственной нынешним людям, у нее совсем нет. Стоит с ней поговорить.

— Вы уже сегодня никуда не ходите! — сказала хозяйка. — Скушаете мисочку ячменной каши, а вечером мы с вами побеседуем, чтобы скоротать время!

— Вы так тепло принимаете прохожую старуху, — ответила гостя, — и я очень вам благодарна!

Тут в горницу вошел господин Чхве, увидел гостью и спросил:

— Кто вы такая, старушка? Судя по всему, вы, верно, из Сеула?

— Да, действительно, я оттуда. Как вы изволите поживать, господин?

— Жаловаться-то мне особенно не на что. А зачем это вы, старушка, пришли из Сеула в нашу убогую безвестную деревушку?

Его жена ответила за сваху:

— Старушка говорит, что странствует по свету, да и зашла к нам отдохнуть. А у меня нет даже приправы к рису, и мне просто стыдно угощать ее!

— Ну раз уж нет, так что поделаешь? — ответил Чхве. — Старушка-то знает, наверно, как мы тут живем в деревне. Если уж ей так не повезло, и она пришла к нам, то придется ей довольствоваться тем, что мы едим сами. Однако хорошо бы после ужина послушать что-нибудь о Сеуле!

Когда они поужинали, Чхве отодвинул столик, закурил трубку и, отогнав веером мошкар, сказал:

— Хотя Сеул отсюда и недалеко — всего в шести-семи десятках ли, однако услышать какие-нибудь новости часто бывает совершенно невозможно. Как говорится, вроде и близко, а на деле — будто за тысячу ли! А уж старушка-то, наверно, знает что-нибудь новенькое. Пусть-ка расскажет нам хоть немного.

— Э, да ведь с того времени, как я покинула свой дом, прошло уже много дней, и я никаких новостей не слышала!

— Ну если так, то конечно! Но вы ведь долго жили в Сеуле и должны знать о разных делах, которые случаются в самом городе и за его стенами. Неужели вы ничего не видели и ничего не слышали?

— Да что ж там может быть особенного? Повсюду у людей дела в общем-то одинаковые. А вот видела я, господин, вашу молоденькую дочку. Ну и досада!

— Странно вы говорите как-то! Что ж тут досадного?

— А вот что. Я, ничтожная, с месяц назад потеряла своего щенка. Разыскивая его, я бродила по городу и заходила то в один, то в другой дом. Зашла как-то раз в дом одного благородного человека. Дом богатый, а у хозяина один-единственный неженатый сын. И с лица-то он самый красивый в столице, и грамоту хорошо знает — великолепный жених! Родители его говорили, что до меня заходила к ним сваха и предлагала женить их сына. Пожалуй, что за это время женитьба уж состоялась. Подыскать бы вот такого юношу, господин, да выдать вашу молоденькую дочку за него замуж. Разве это было бы не чудесно? К тому же слышала я где-то, что у девицы, на которой должен был жениться тот юноша, оказался какой-то изъян, и, говорят, будто брак из-за этого расстроился. Впрочем, состоялся брак или нет — можно узнать точно. Разве не обидно будет, если вы упустите такой случай и столь красивую и талантливую девушку отдадите замуж в какую-нибудь деревенскую семью, где состарится она за крупорушкой да за стиркой белья. Отправляйтесь-ка, господин, сегодня же в Сеул да разузнайте хорошенько об этом. А узнаете, что тот брак расстроился, — постарайтесь выдать свою дочь замуж за этого юношу, кого бы в посредники вы ни изволили избрать. Умоляю вас, не пропускайте мимо ушей слов прохожей старухи!

— Я очень благодарен старушке за то, что она от души для меня старается. Однако как фамилия человека, у которого есть неженатый сын, и на какой улице он живет?

— Фамилия его Ким, а живет он на улице Пэктон.

— Я ведь совсем не знаю Сеула, да и друзей у меня там нет. Разве смогу я что-нибудь сделать?

А его жена сказала:

— И что за счастливый день сегодня? Пришла к нам чудесная старушка и говорит о такой хорошей семье, с которой мы могли бы породниться. Если тот брак в самом деле расстроился, то хорошо бы, конечно, выдать замуж нашу дочь за молодого Кима! Только вот некому нас познакомить. Как же быть-то? Может, вы, старушка, вернувшись в Сеул, справитесь, как там обстоит дело да и устроите наш брак? Ни о чем другом мы вас не просим. Что вы скажете на это? И уж, конечно, если это великое событие произойдет, разве не отблагодарим мы совсем постороннего человека, который так для нас старается?

— Хозяйка была так приветлива со мной и добра, что я не могу не выполнить ее просьбы. Однако я, ничтожная, ведь не сваха и, пожалуй, не сумею сказать все как следует. Впрочем, я, конечно, попробую, но уж если ничего не выйдет — не пеняйте на меня! А может быть, господин, было бы лучше сходить вам самому?

— Да что вы! Разве может благородный человек, не запятнав чести, первым предлагать свою дочь в жены? А уж идти в дом жениха самому отцу невесты — еще позорнее. Уж потрудитесь для нас разок, а не выйдет, так ничего не поделаешь. Трудно найти человека, который взялся бы за такое дело. И уж раз мы с вами подружились, прошу вас, непременно сходите в тот дом и сделайте это дело!

— Было бы величайшей неблагодарностью с моей стороны не выполнить вашей просьбы. Выйдет — не выйдет, а завтра же раненько и отправлюсь. Не беспокойтесь, прошу вас. Но и не вините меня, ничтожную, если ничего не получится!

Господин Чхве и его супруга очень обрадовались, угостили ее курицей и вином, а на следующий день накормили завтраком, дали на дорогу денег и отослали. Посмеявшись в душе, сваха распрощалась с ними. Она пришла в Сеул и, рассказывая все господину Киму и его супруге, громко смеялась.

А супруги Ким, выслушав ее, тоже посмеялись и воскликнули:

— Вот ведь ловкая старуха! И как это тебе удастся, всюду бывая, легко вертеть людьми и улаживать такие дела. Ну да ладно, это уж твое дело. Так, говоришь, девица очень хороша? Тогда непременно нужно поскорее женить их!

И они послали дядю жениха сватом в дом господина Чхве. А супруги Чхве жаждали замужества своей дочери, будто дожда во время великой семилетней засухи! Поэтому они сразу согласились и просили прислать им сачжу — год, месяц, день и час рождения жениха.

После того как дядя жениха возвратился, а сачжу были написаны и отосланы, в обоих домах приготовили все для свадебной церемонии и, выбрав день, совершили ее. Жених был видный, невеста хороша собой — поистине, самая подходящая пара! Кто из гостей не восхищался ими?! Велико было счастье обеих семей. И хотя родители невесты взгрустнули немного, отправляя свою дочь в дом жениха, однако, что поделаешь, раз уж так повелось: девушка, выходя замуж, должна уйти в дом мужа.

В день приезда новобрачной к мужу был устроен большой пир. Собрались все родственники и друзья, и после того, как были проделаны подобающие случаю церемонии, а невеста усажена на приготовленное для нее место, все гости многократно поздравляли родителей жениха. И уж действительно стоило поглядеть в это время на господина Кима и его супругу, опьяневших от вина и подарков, когда, как говорится, отвечаешь направо и не успеваешь ответить налево!

Когда после свадьбы прошло несколько дней, сваха опять пришла к супругам Ким. Она поздоровалась, выпила предложенные ей три-четыре чашечки вина и стала исподтишка наблюдать за супругами. И тут она убедилась: совсем не похоже, что они собираются вознаградить ее. Мало того, они притворились, будто ничего не знают! «Вот еще новости! — подумала сваха. — Я в свои шестьдесят лет раздобыла им такую хорошую невестку, а они жадничают и, видно, хотят оставить меня ни с чем. Вот уж не знала я, что так получится! Ну, ладно, погляжу, что дальше будет».

Она уселась в уголке и стала, внимательно наблюдать за ними. А те двое, муж и жена, и глаз не поднимали и не глядели

даже в ее сторону! Тогда, разозлившись, она села перед ними и сказала:

— А что, рады ли вы тому великому событию, которое у вас случилось?

— Рады, конечно, — ответили супруги Ким, — но на устройство свадьбы у нас ушли все деньги, и мы не можем дать тебе даже на несколько чашек вина. Поэтому нам очень неловко. Конечно, если в будущем мы сможем скопить снова с тыщонку монет, то непременно подарим тебе несколько лян. Хоть ты и очень для нас потрудилась, но, видно, придется тебе подождать годика два-три-четыре!

У свахи даже дух захватило от негодования, и она хотела уже излить на них весь свой гнев, однако тут же подумала, что бранить благородного человека очень некрасиво. Ничего она не могла поделать и решила отступить от них. Возмущение все же не давало ей покоя, и, поколебавшись некоторое время, она сказала:

— Чувствую, что я, ничтожная, даже заболела оттого, что вы не хотите отблагодарить меня. Вы уж извольте — если я умру от этого — пожертвовать хоть немного денег на мои похороны! Ведь вы же говорили, когда просили подыскать невесту: «Если все хорошо уладится — вина три чарки!», и обещали вознаградить меня. А сегодня вместо денег и впрямь, видно, хотите отделаться всего тремя чашечками непроцеженной водки! Ну что же, ничего не поделаешь. Вот завтра схожу еще в тот дом и посмотрю, как-то там со мной обойдутся!

И не сказав им, зайдет ли еще раз, она пришла на следующий день в уезд Коян, зашла к супругам Чхве, поздравила их и присела, чтобы отдохнуть. Жена Чхве дала ей немного вина и закусить, спросила, все ли в порядке у их новых сеульских родственников, здорова ли молодая и, расхвалив красоту и ученость зятя, поблагодарила старуху. И тут господин Чхве сказал:

— Такое дело, как брак, не зависит от человека. Оно совершается только по воле Неба. А раз так, то чего уж особенно благодарить эту старуху? Конечно, нельзя сказать, чтобы и ее заслуги в этом деле совсем не было. Поэтому пусть она переспит ночь у нас, а завтра, когда будет уходить, дам ей немного денег, чтобы оправдать стоимость башмаков. Вот так. Старухи — будто дети малые! Ну, скажи, зачем ты снова притащилась сюда в такую даль?

И он вышел в горницу. Никакой надежды не осталось у свахи. «Вот уж не знала я, что мне и здесь ничего не дадут! — подумала она. — Да, на этот раз мои ноги и язык только зря трудились. Что же делать?» Она стала думать, как бы отомстить этим двум благородным господам, и вдруг ей пришла на ум одна хитрость.

— Послушайте-ка, что я скажу вам, хозяйюшка! — сказала она жене Чхве. — Хорошо ли одарите вы меня, плохо ли — разве это уж так важно? Однако есть у меня для вас очень дурная новость. Вы, пожалуйста, доложите господину, чтобы он был поосторожнее. Дело в том, что сеульский господин, ваш сват, немного помешанный! И хотя это не очень заметно, однако рассказывают, что, разговаривая с человеком, он вдруг может схватить дубинку, нож или камень и бить его до тех пор, пока не забьет до смерти! Вы уж извольте сказать господину, чтобы он был поосторожнее, если задумает навестить молодую и пойдет к ним в дом!

Жена Чхве, услышав эти слова, принялась колотить себя в грудь, громко плакать и ругаться:

— Ах ты, мерзкая старуха! Нарочно подстроила так, чтобы моя дочь попала в дом к этому сумасшедшему. О горе! Живо убирайся вон отсюда, злобная старуха, и на рожу-то твою глядеть противно. Ведь если на свата найдет приступ бешенства, то моя дочь неминуемо погибнет! Разве станет разбираться сумасшедший, кто перед ним — человек ли, зверь ли, невестка ли, дочка ли?!

И она, схватив сваху за волосы, выволокла ее вон из дома. А сваха, посмеиваясь про себя, возвратилась в Сеул, зашла прямо в дом к господину Киму и рассказала хозяйке о посещении Кояна. Между прочим, она ввернула и такие слова:

— Вот ходила я, ничтожная, в Коян и слышала удивительные разговоры!

— Что же это за разговоры?

— Да вот, будто господин Чхве несколько дней назад сошел с ума! Будто может он среди разговора схватить вдруг деревянное изголовье, камень или нож и бить человека до тех пор, пока не убьет совсем! И хотя у меня, старухи, и ноги болят и сил совсем нет, однако, услышав такие разговоры, я не осмелилась остаться там даже для того, чтобы отдохнуть, и быстренько возвратилась сюда!

Жена Кима и все домашние очень испугались, а новая невестка испугалась больше всех и заплакала. Хозяйка, позвав госпо-

дина Кима, поспешно сказала ему об этом. И они тут же решили не пускать, раз такое дело, в дом Чхве ни сына, ни невестку. А Ким, изрядно напуганный и сам, добавил:

— Впредь нужно обращаться с ним очень осторожно!

А старуха-сваха, обманув оба семейства, возвратилась домой. Чтобы разузнать, что из всего этого получится, она время от времени бродила около их домов, подглядывала и выспрашивала. Однажды, встретив человека из той деревни уезда Коян, где жил Чхве, она поздоровалась с ним и спросила:

— А что господин Чхве не навещал еще своего свата?

Человек ответил:

— Да слышал я, как жена господина Чхве говорила ему: «Ступайте поскорее в Сеул да узнайте, как там живет наша дочка!» А господин Чхве отвечал ей: «Да сват-то ведь сошел с ума, и если я приду поглядеть на нашу дочку, то может получиться так, что и дочку я не увижу и жизнь свою загублю! Что тогда будет?» Говорят, муж и жена днем и ночью ссорятся из-за этого. И неизвестно еще, пойдет ли он когда-нибудь в столицу!

Сваха на это сказала:

— Если господин Чхве придет сюда, или господин Ким пойдет туда, и все обнаружится, то в Сеуле мне лучше не оставаться. И уж, конечно, навещать их после этого мне нельзя!

Не зная, в чем дело, этот человек ничего не понял. Уже прошло две-три луны после того, как совершился брак, а оба семейства ничего не знали друг о друге! Но вот Чхве очень захотелось повидаться со своей дочкой да к тому же проверить, не обманула ли его та старуха. Однажды он все-таки пришел в Сеул и встретился со своим сватом. Они поздоровались, вошли в комнату для гостей, и после ужина Чхве попросил показать ему его дочку. Хозяин вошел в женскую половину дома и сказал невестке:

— Отец твой хочет с тобой повидаться. Прибери-ка свою комнату и пригласи его войти!

Невестка, обрадовавшись без меры, принялась было прибирать комнату, но свекровь удержала ее:

— Эй, девчонка! Если твой отец в самом деле помешался, то кто знает, что может случиться? Пожалуй, будет лучше, если ты переждешь сегодняшнюю ночь и покажешься ему только завтра. Отговорись тем, что тебе нездоровится!

Невестке очень хотелось повидаться с отцом, что бы там ни случилось, но ведь она совсем еще недавно пришла в дом мужа. И пока она колебалась, не решаясь послушаться свекрови, свекор, также решив не показывать ее отцу, вышел в комнату для гостей и сказал:

— Дочь ваша говорит, что она простудилась и ей не здоровится. Прошу вас, потерпите до завтра!

Чхве встревожился и подумал: «Наверно, сват и вправду помешался, как говорили. Может быть, он уже убил мою дочь и только отговаривается тем, что она больна? Конечно, он хочет меня обмануть!» И Чхве исподтишка стал приглядываться к Киму. А тот, слышавший о помешательстве Чхве, тоже внимательно следил за ним глазами. Он заметил, что Чхве как-то подозрительно на него поглядывает. Тревога его возросла еще больше, и он подумал: «Я как следует подготовлюсь, и если замечу что-нибудь, то быстро запущу в него какой-нибудь вещью». И одной рукой он незаметно придвинул к себе деревянное изголовье. А Чхве, внимательно следивший за своим сватом, увидел, что у того изменилось выражение лица, и подумал: «Слышал я, что у сумасшедших перед приступом бешенства меняется выражение глаз». И он стал одним глазом лихорадочно высматривать либо палку, либо деревянное изголовье, а другим пристально следил за тем, что собирается делать сват. И тут он заметил, как тот схватил изголовье и притянул его к себе! Чхве подумал: «Ну, теперь надо действовать быстро!» Он бросился к противоположной стене и схватил другое изголовье. А Ким, смекнув, в чем дело, завопил изо всех сил: «Он сумасшедший!» — и запустил изголовьем в голову Чхве! А Чхве, увертываясь от удара, тоже закричал: «Он сумасшедший!» — и бросил изголовье в голову Кима. Ким опять увернулся, схватил изголовье и принялся лупить им Чхве. Оба они дубасили друг друга, оба уворачивались от ударов и вопили изо всех сил: «Он сумасшедший! Он сумасшедший!» Словом, грохот деревянных изголовьев и человеческие крики слились воедино, и в комнате стоял такой шум, будто там бушевали волны и ревел ветер! Все домашние, да и те люди, что собрались на улице, были очень испуганы и не осмеливались отворить дверь в комнату. Наконец, самый смелый из них заглянул в дверную щель. Он увидел, как два старика с убеленными головами и бородами, забрызганные кровью, прыгают, зады-

хаясь, будто два вола на пылающем берегу реки, и выпускают рев, подобный грому! Человек, который подглядывал, сказал собравшимся:

— Вот беда-то! Подойдите-ка и посмотрите. Эти двое женили своих детей, породнились, а теперь дерутся, как чужие, как собаки! Вот негодники-то! Зачем же было женить своих детей и родниться?!

И после того как сватов, наконец, разняли, Чхве, так и не увидев свою дочь, ушел домой. Через год-два оба они подослали друг к другу своих людей и узнали, что приступов безумия за это время ни с одним, ни с другим не случилось. Однако каждый из них считал, что его тогда побил сумасшедший. «Может быть, драка изголовьями явилась для него чудодейственным лекарством?» — думали они оба. А уж после того как они узнали, что все это подстроила сваха, то стали охотно ходить в гости друг к другу. А главное, глубоко раскаявшись, оба перестали быть такими жадными до денег и, напротив, всегда выказывали большую щедрость!

Вот какую историю я слышал. А что касается той свахи, то навещала ли она их после этого случая или нет, — я не знаю.

ПАК ЧОНСИК

ИЗ РУКОПИСНЫХ СОБРАНИЙ

ОХОТНИК

Как-то раз в давние времена один охотник с более чем десятью загонщиками рыскал в поисках зверя на востоке и западе, на юге и севере, по высоким горам и глубоким ущельям, по широким полям и узким лощинам. Словом, не пропустили ни одного укромного уголка. Днем они обшаривали расщелины меж скал и лесные заросли, а когда наступала ночь, делали из травы шалаши и спали в них. Охотники хоть и мечтали раздобыть много пантов и медвежьей желчи и стать богачами, но если уж говорить правду, несмотря на все мучения, они и себя-то не могли прокормить. Им не удавалось поймать ни одного зверя. Ну что поделать, ведь старались они не жалея сил!

И еще более досадно, что ни один зверь им даже на глаза-то не попался. Как тут быть, если никого не удастся поймать?

Среди загонщиков был один, который умел немного говорить по-китайски. Он повязал платком голову, надел соломенные лапти и с большой палкой в руках стал бродить меж зарослей и скал, выслеживая дичь.

И вдруг в одном месте под большой скалой он увидел огромного оленя! Загонщик остановился, тихонько выглянул из-за скалы — олень вроде бы крепко спит. Огляделся по сторонам — он здесь один, другие загонщики куда-то подевались, и охотника

не видно. В досаде снова осмотрел все вокруг — нет охотника! «Если я крикну: “Здесь спит олень!”, то назову его имя! Понятно, что олень, услышав свое имя, вскочит и убежит. Надо охотнику крикнуть так, чтобы эта скотина не узнала своего имени!»

И он изо всех сил закричал по-китайски:

— Тут под скалой спит олень! Стреляйте!

Тут олень проснулся и в испуге помчался как ветер! У загонщика аж дух перехватило, вытаращенными глазами смотрел он, как убегает олень.

— Вот скотина! Оказывается, он такой ученый, что понимает китайский язык!

Кто не посмеется, услышав эту историю! Ибо невежество — поистине большое несчастье! Вот уж истинно — дуракам жить легче! Не поняв, что олень испугался его крика, он решил, что тот учил китайскую грамоту, образован и убежал потому, что понял его. Вот уж глупец-то! Ну и простофиля!

ДОНЕСЕНИЕ ИЗ ЮЖНЫХ ПРОВИНЦИЙ

Однажды, еще во времена правления династии Корё*, государь отправился посетить усыпальницу предков. Вдруг у самой дороги он увидел толпу зрителей, а среди них один человек непомерно высокого роста, совершенно голый! Встревожившись, государь повелел чиновнику, ведающему церемониями:

— Узнай, в чем дело!

Чиновник выступил вперед и грозно спросил:

— Как ты посмел, негодяй, появиться голым перед государевой колесницей и оскорбить небесный взор своею мерзостью?!

— Осмелюсь доложить, — ответил тот человек, — что я, ничтожный, от природы очень велик телом. Мне не так-то просто сшить обычную одежду, вот потому и хожу голый. А еще — осмелился вместе с народом появиться перед государевой колесницей. И, хотя я стою смирно, все равно, пожалуй, проявляю непочтительность к государю да еще своей невежественной болтовней оскорбляю его достоинство. Убить меня мало за такое преступление, право!

* Династия Корё правила в Корее с 918 по 1391 гг.

Чиновник так и доложил государю. А государь, сжалившись над великаном, повелел ведомству финансов выдать ему три с половиной тысячи кусков бумажной материи. Человек принял подарок, а когда стал шить себе одежду, то материи едва-едва хватило на рубашку с короткими рукавами. И не осталось ни одного лоскутка! Однако великана обуяла великая радость: ведь это была его первая от роду одежда! Он от всего сердца благодарил государя за доброту и от радости целыми днями с утра до вечера танцевал. Была как раз восьмая луна — самая пора для созревания урожая. А этот танцующий бездельник был такого огромного роста, что тень от него падала на все три южных провинции, и хлеба никак не вызревали! Губернаторы послали государю письменное донесение о том, что трем южным провинциям угрожает голодный год. Государь изволил прочесть это донесение, сильно перепугался и повелел столичному сыскному ведомству, а также ведомству уголовной полиции немедленно арестовать этого танцующего бездельника!

А когда сыщики и стражники, передвигаясь днем и ночью, неслись по дорогам и, наконец, примчавшись в провинцию Чолладо, увидели великана, оказалось, что их пучки волос на макушках ниже его ступней! Охваченные ужасом, они и не знали, что делать. Тогда один сыщик, самый из них отважный, предложил:

— Мы получили приказ государя арестовать негодяя и, если мы этого не сделаем, то неминуемо умрем. А тронем его — здесь погибнем. Словом, что здесь, что в Сеуле — все едино нам грозит смерть. Так давайте попробуем крикнуть ему все разом!

И они прокричали изо всех сил раз семь-восемь:

— Государев указ! Государев указ!

Так как этот человек был невероятно огромного роста, его уши находились, пожалуй, на очень большой высоте от стражников, и он едва-едва расслышал их. Наклонив голову, он спросил:

— А по какому случаю спущен указ государя?

— Мы точно не знаем, ответили сыщики, — но указ касается запрещения заслонять солнце. Живо идем в столицу!

— Но ведь если я пойду по проезжим дорогам, — возразил великан, — то волей-неволей покалечу многих людей своими ногами. Правда, мне не обязательно идти в столицу. Достаточно мне, не сходя с места, согнуться в пояснице, как моя голова как раз окажется перед государевым дворцом! Вы же скорее возвра-

щайтесь в столицу и доложите, что арестовали меня! Так будет лучше всего!

Сыщики и стражники, решив, что он прав, двинулись в обратный путь. Придя в столицу, они увидели: в самом деле, голова великана находится перед государевым дворцом! Они тут же доложили, что арестовали его. В правительстве подробно расспросили о том, как им удалось это сделать, и постановили, что они во всем поступили правильно.

— Сейчас мы допросим этого бездельника! — произнес государь и сел на трон по всем правилам ритуала. Рассмотрев арестованного поближе, он убедился, что это тот самый человек, которому он во время весеннего выезда к усыпальнице предков, пожаловал материю.

— Ты почему с утра до вечера танцуешь и закрываешь собой солнце? — спросил государь. — Разве не знаешь, что из-за тебя будет неурожай во всех трех южных провинциях?

— Ваше величество! — ответил великан. — Нынешней весной, когда вы следовали к усыпальнице предков, изволили одарить меня, вашего верного подданного, материей, и я сшил себе рубашку с короткими рукавами. Постоянно помня о вашей милости, я не мог сдержать радости. В самом деле, я нисколько не беспокоился об урожае, только смотрел на дворец вашего величества, благодарил за оказанную мне милость и танцевал. Никакого злого умысла у меня не было!

Выслушав ответ, государь подумал: «В общем-то, он делал это по глупости. У него действительно не было умысла навредить стране и народу!» Государь опять посмотрел на него: неслыханный, невиданный рост! Он подивился еще больше, его гнев прошел, и он повелел:

— Ты хотя особого преступления и не совершил, однако не совсем уж безгрешен! — и приказал дворцовому адъютанту: — Всыпать ему тридцать тысяч батоков по заднице!

Дворцовые слуги, выполняя приказ, замахнулись батогами, но понятия не имели, как дотянуться до задницы великана! И, говорят, кто-то слышал, что только через пять-шесть дней, придя в город Чончжу, они еле-еле смогли побить его по ягодицам, а, побив, отпустили на свободу. И говорят еще, что голова губернатора провинции была как раз на уровне ступней этого человека. Правда ли все это?

СТРАЖНИК ТЕРЯЕТ СЛУЖБУ

В старину при Военном ведомстве состоял на службе один стражник. Всегда он сетовал на бедность, мечтал где-нибудь раздобыть даровое имущество и сделаться богачом. Каждый раз, когда он отправлялся в ночной обход по городу, заглядывал и в глухие переулки, и под все высокие мосты, обшаривал весь город от Южной горы Намсан до Северной — Пуксан! И, если что-нибудь казалось ему подозрительным, то — будь на улице ветер или дождь, жара или холод — он старательно подглядывал и подслушивал.

И вот однажды в третью стражу*, проходя по мосту Квантхонгё, он вдруг услышал под мостом чьи-то шаги. Ему показалось это подозрительным, он тут же заглянул под мост, но там было темным-темно, и сначала он никого не смог разглядеть. А когда стражник, пронизывая мрак глазами, вгляделся как следует, увидел: появилась какая-то молодая женщина с красным корытцем, накрытым промасленной бумагой, на голове. Она тут же осторожно сняла бумагу, что-то вынула и бросила под мост. Внимательно оглядевшись по сторонам, женщина проговорила:

— Разве сейчас не глубокая ночь? И нет ни души. Вот уж удача из удач! Однако уйду поскорее отсюда, чтоб не попасться никому на глаза!

В тот момент, когда она уже хотела уйти, стражник подумал: «Уж, конечно, эта баба учинила какую-нибудь пакость. А то почему бы ей остерегаться людей? Как бы там ни было, а я сейчас выясню правду!» И он подскочил к женщине. А женщина, неожиданно увидя его, аж присела от страха и смогла только проговорить:

— Ой-ой! Господин начальник! Я, ничтожная, не совершила никакого преступления. Не губите меня! Не убивайте меня! — она тряслась, как осинка.

Стражник же прежде всего крепко намотал на одну руку длинные волосы женщины, другой повертел так и этак брошенную ею вещь и, приглядевшись, увидел, что это убитый новорожденный младенец! Тогда он обрадовался: «Если эту бабу хорошенько припугнуть, то из нее, пожалуй, можно кое-что вытя-

* См. примеч. к с. 116.

нуть!» Он высоко поднял отброшенную было в сторону свою палку с бубенцом и, стуча ею о землю, заорал:

— Эй, баба! Я не знаю, рабыня ли ты чья, служанка ли. Но ты сейчас же подробно доложи мне, начальнику, чей это младенец, и кто убил его! Тогда у тебя, пожалуй, будет кое-какая надежда на спасение. Но если ты соврешь хоть слово, то я, начальник, сообщу о тебе в свое ведомство и отправлю в уголовный приказ. А уж там тебе на руках и ногах закрутят ножницы, будут бить и простыми, и дубовыми палками, жечь раскаленным докрасна железом и стегать прутьями! Но еще до всех этих наказаний я сейчас вот этой самой палкой так изобью тебя от башки до пят, что не уцелеет ни одна, даже самая маленькая косточка! Взвесь хорошенько и, если хочешь говорить, то говори, а не хочешь — не надо! — сильно закашлявшись, он снова стал стучать палкой по земле и выкрикивать угрозы.

А женщина эта чувствовала себя так, будто встретилась в глухих горах с огромным тигром, словно в узком ущелье в нее ударила молния! Она глотнула воздуха, втянула голову в плечи. Потом, широко раскрыв глаза, сложила руки и с мольбой в голосе сказала:

— Послушайте, господин начальник! Потерпите чуть-чуть, дайте мне немного прийти в себя, отдышаться, и я обо всем расскажу вам! Раз уж вы застали меня, могу ли я хоть в чем-то обмануть вас?!

— А ты, сдается мне, — гулящая девка! — то напуская на себя важность, то посмеиваясь, говорил этот негодяй. — Ты думаешь, государство зря выдает мне каждую луну рис и деньги, кормит меня и одевает? Оно ведь держит меня наготове не только на случай какой-нибудь большой беды. По ночам я выслеживаю воров и предупреждаю разные преступления да, вдобавок, хватаю подобных тебе девок и волоку их в уголовное ведомство и в судейский приказ. А уж там, в зависимости от того, что они совершили, их наказывают. Если преступление очень тяжелое, их разрубают на шесть частей, если преступление полегче, то им просто отрубают головы и выставляют на шестах, если еще легче — отправляют в изгнание на далекие острова. Ты ведь убила человека! Не знаю, разрубят ли тебя на шесть частей, но голову отрубят — наверняка. Словом, как бы там ни было, живо рассказывай мне все!

Женщина при этих словах задрожала еще сильнее и взмолилась:

— Господин начальник! Соизвольте выслушать меня, ничтожную. Право, я ни в чем не виновата. Я — служанка одной молодой вдовы из Табанголя. Моя хозяйка одно время путалась с каким-то проходимцем. А вчера вечером она вдруг позвала меня, ничтожную, и говорит: «Свари-ка рис на пару да суп из морской капусты. Мне надо будет хорошенько поесть. Да смотри, получше очисти рис и вымой капусту!» Я и раньше замечала, что она беременна, однако, поистине, откровенность между хозяйкой и служанкой — дело трудное, и я притворялась, что ничего не знаю. А уж тут, когда она отослала меня готовить суп и рис, стала внимательно наблюдать за приметами. И вот, прошлой ночью мне показалось, что она собралась рожать. Я стала подглядывать. И вот, в самом деле, как раз в третью стражу она разрешилась младенцем и тут же придавила его. Я в ужасе ахнула, хотела быстро открыть дверь, войти к ней, чтобы и ребенка спасти, и хозяйке помочь. Однако дверь была заперта, я не смогла открыть ее и крикнула хозяйке. Поневоле ей пришлось открыть, и я вошла. Ребенок был уже мертв, а хозяйка, протянув мне, ничтожной, руки, простонала: «Ох! Сейчас умру! Дай мне суп и рис!» А я подумала: «Хозяйка и служанка — все равно, что мать и дочь, и если госпожа умрет, то я, ничтожная, окажусь нарушительницей пяти основных отношений*! Поэтому сразу дала ей поесть. А еще я подумала, что мертвого младенца надо сегодня же вечером тайно убрать, иначе никак не объяснишь людям, откуда у вдовы младенец и почему он умер. И если все это раскроется, то больной хозяйке беды не миновать! Разве не будет тут и моей вины?» Поэтому мне пришлось взять ребенка, принести его сюда и выбросить. Раз случилось такое, то от вас только, господин начальник, зависит быть мне, недостойной, в живых или умереть. Но, если бы вы оставили в покое мою несчастную госпожу, то я, ничтожная, не забыла бы вашего благодеяния до самой смерти! — умоляла женщина стражника.

* Пять отношений — конфуцианские правила отношений между отцом и сыном, государем и подданным, мужем и женой, старшим и младшим, друзьями.

А тот негодяй только грубо рассмеялся и насмешливо воскликнул:

— Фу, пакость! Да ты, баба, оказывается, преданная служанка! Однако если ты сказала, что твоя хозяйка — гулящая девка в самом соку и путалась со всеми парнями Табанголя и его окрестностей, то она, как говорится, не испугается ни огня, ни меча. Она, конечно, знает, что у этих потаскунов денег, что соломенной трухи, потому и путается с ними. Твоя хозяйка, прикидываясь целомудренной и добродетельной, тайно занимается проституцией. В ней соединились все пороки кисэн, уличных девок, проституток из публичных домов и бродячих танцовщиц. Эта распутная баба, тайно занимающаяся проституцией, хуже всякой суки. Такие порочные бабы рожают одного-двоих детей от разных мужиков, убивают их и говорят, что они родились мертвыми. Твоя хозяйка единолично обобрала весь Табанголь и поэтому у нее, наверно, гора серебра, золота, драгоценностей и денег куча высотой с большое дерево. Я должен немедленно арестовать эту твою бабу-хозяйку. Живо води меня к ней!

Стражник выволок женщину из-под моста, поставил впереди себя и повел, размахивая руками и громко кашляя. Он был очень доволен. А служанке ничего не оставалось, как привести его к дому госпожи. Негодяй первым вошел в ворота и сказал:

— В доме такой бабы супружеские покои, пожалуй, наверху? Где у нее внутренние покои? Живо води меня туда!

Он поднялся, грубо рванул дверь комнаты и вошел. Усевшись, он сдернул наполовину одеяло, которым была укрыта хозяйка, и поприветствовал ее:

— С молодой госпожей мне не приходилось встречаться раньше. Разврат — явный или тайный — все едино разврат. Слышал я, что ты, злостно нарушая мирской порядок, не придерживаешься правил достойного поведения. Поэтому я объявляю тебя тайной распутницей. Я пришел к тебе ночью, в третью стражу, а ты и не думаешь радостно встретить гостя у ворот. К тебе пришел друг, а ты, укрывшись одеялом, лежишь неподвижно, как колода. Молодые тайные распутницы все применяют такие приемчики!

Он схватил ее за плечо, приподнял и, приблизив светильник, всмотрелся в ее лицо. В самом деле, она выглядела так, будто только что родила. К тому же лицо ее было таким прекрасным,

как белая яшма с горы Цзиншань*, а на бровях, похожих на иероглиф «восемь»**, и на щеках, подобных цветам лотоса, блестели капельки пота — будто красные лотосы пили утреннюю росу! А ее глаза, блестевшие как предрассветные звезды, были полны страха, и из них струились слезы. Словом, вид был у нее такой печальный, что мог растрогать даже деревья и камни! И стражник подумал: «Ведь мы с этой женщиной вообще-то не враги и ничего хорошего не будет, если я доведу ее до гибели. Конечно, я оставлю ее в покое, если она отвалит мне с тысчонку. Тогда я сегодня же ночью тайно унесу денежки, а завтра подам прошение об отставке. И, если в десятке ли за Восточными воротами куплю небольшой клочок хорошей земли, займусь хозяйством да стану торговать овощами, то не пройдет и нескольких лет, как сделаюсь большим богачом! Разве это будет не чудесно? Судя по тому, как она живет, тысчонку из нее можно вытянуть свободно!» Подсев поближе к вдове, он сказал:

— Слышал я, что ты только что родила. Видно, чувствуешь еще недомогание. Однако, служа у господина чиновника из судейского приказа, я хожу повсюду, — и в городе, и за его стенами, — выслеживаю воров, других преступников и молодых женщин, промышляющих, как ты. Я их арестовываю и доставляю в управу. Затем и пришел. Как бы ни была ты нездорова, придется тебе пойти со мной. Живо вставай!

Вдова исподтишка оглядела стражника, делая вид, что она едва жива, и подумала: «Он вроде не очень злой и не такой уж бессердечный. К тому же, смотрю на его одежду — такая рвань, что, пожалуй, не стоит и трех монеток. А поглядеть на его лицо да послушать голос — за три дня не съел и чашки жидкой просяной каши! Негодяй, хотя и грозит, того и гляди помрет с голоду! Уж, конечно, я проведу этого болвана и соблазню его подарками!» Чуть склонив голову и раскрыв розовые губы, она заговорила нежным голосом:

— Я не знаю вас, господин начальник, и мне очень жаль, что в такую холодную погоду из-за моего поганого дела вам при-

* *Белая яшма с горы Цзиншань* — китайское поэтическое выражение, знак красоты.

** Брови как иероглиф «восемь» — т. е. «домиком». Знак женской красоты.

шлось удостоить своим посещением мой презренный дом! Мне и стыдно, и страшно рассказывать вам о своем деле. Овдовев в двадцать лет, я, право же, четыре-пять лет блюла целомудрие. В доме у нас было мало народу, и я держала одну только вот эту молоденькую служанку с мужем. Поскольку муж служанки был родом из деревни, он, желая навестить родителей, часто отправлялся к себе на родину. Тогда служанке приходилось всю работу брать на себя. А в прошлом году, в пятой луне, я, перетрудившись, тяжело заболела и несколько десятков дней лежала совсем без сознания вот в этой самой комнате. И вот, однажды среди ночи, какой-то негодяй проник на женскую половину дома, изнасиловал меня сонную и скрылся! А когда после этого у меня появились признаки беременности, я, право, очень испугалась, что узнают люди, и не сказала об этом несчастье даже своей служанке. День за днем время пролетело быстро, и, когда я родила, мне ничего другого не оставалось, как убить ребенка! Однако, воистину, моя душа не лежала к этому! Пусть господин начальник учтет это, ведь он мне не враг! Разве вашему начальнику, да и, вообще, кому бы то ни было, обязательно знать, что произошло сегодня ночью? Это было бы известно только нам троим. Я же, без лишних слов, могла бы преподнести вам семьсот лян денег. Этого, конечно, мало, но если бы вы, согласившись принять деньги, пощадили меня, то совершили бы величайшее благодеяние. А если вы меня арестуете и пошлете на смерть, то за этот подвиг в должности вас, пожалуй, не повысят, да и подарка в несколько сот лян вы не получите. Одним словом, пощадив меня и приняв подарок, вы совершите тайное благодеяние — спасете человеческую жизнь и сможете воспользоваться деньгами. Было бы очень здорово, если бы вы так сделали. Одним поступком вы совершили бы два добрых дела. Поистине, как говорится, и грушу бы съели, и зубы почистили. Подумайте же хорошенько об этом! Войдите в мое положение, — и сказав все это, она крикнула:

— Эй, Пхарволь! Ну-ка живо свари мясной суп и зажарь мясо! Да подай столик с вином!

А стражник выслушал ее слова и нашел их очень разумными. Кроме того, быстро были поданы хорошие мясные закуски и доброе вино, а от льстивых речей красавицы все таяло у него внутри. Угощая стражника хорошим вином и закусками, она по

доброму его уговаривала. А этот мужик впервые за всю свою жизнь видел такое обхождение. Однако, преисполненный алчностью к деньгам, он, принимая чашку с вином, сказал:

— Конечно, ты права. Разве между нами была какая-нибудь вражда? Но, с другой стороны, разве мне представится еще такой случай? Да ведь если я сейчас не требую с тебя тысячу лян, то все люди назовут меня дураком! А раз так, то к тому, что ты мне уже посулила, прибавь-ка еще сотенки три! Прибавишь — и ничего тебе не будет, можешь спать спокойно, задравши ноги. И впредь рожай детей сколько угодно, хочешь — убивай их, хочешь — оставляй в живых. И если я когда-нибудь вмешаюсь в это, то можешь тут же назвать меня сукиным сыном!

— Ну что ж, пусть будет по-вашему! — согласилась вдова. Это пришлось весьма по душе стражнику. Он весело засмеялся, и, одной рукой поглаживая вдову, а другой принимая вино, пил, не считая чашек. Вино было очень приятным на вкус, но очень крепким. Поэтому стражник быстро опьянел и повалился, как труп!

А вдова кое-что задумала. Вдвоем со служанкой они взяли гроб* и, сняв крышку, уложили в него стражника, будто он был покойником. Затем, туго обвязав гроб в трех местах — по краям и в середине — крепкой соломенной веревкой, они вытащили его из дома. Служанка тащила спереди, а госпожа — толкала сзади. Еле-еле проволокли они гроб на мост Квантхонгё и поставили его с краю на самом видном месте. А мертвого ребенка закопали в другом месте. Потом, они возвратились домой, уничтожили все подозрительные тряпки и уселись как ни в чем не бывало. Кто мог бы теперь указать дом, где недавно были роды?

А негодяй-стражник, напившись в конце третьей стражи, был пьян вплоть до пятой** и, не приходя в себя, лежал на краю моста, как настоящий покойник. Когда же он, едва протрезвев, очнулся, к мосту Квантхонгё подошел торговец домашней птицей и увидел: лежит покойник, неизвестно откуда взявшийся!

* В Корее подарить гроб родителям в прежние времена считалось знаком почтительного к ним отношения. Наличие в доме гроба было обычным явлением.

** Пятая стража — время от трех часов ночи до пяти утра.

Очень удивившись, торговец присмотрелся и заметил, что умерший одет в военную форму. Он недовольно пробормотал:

— Видать, какой-то солдат провинился, и его забили палками до смерти. Обрядив, его несли хоронить и почему-то бросили здесь!

А стражник тоже очень удивился и перепугался. Он хотел встать, да не тут-то было — не мог даже пошевелиться!

— Не бойтесь! — закричал он. — Я живой покойник! Развяжите меня, пожалуйста!

А у моста тем временем собралась большая толпа. Люди в удивлении и страхе спрашивали, что случилось, но никто ничего не знал. Все только восклицали:

— Первый раз в жизни видим живого покойника!

Когда стражника развязывали, он молча соображал, как же получилось, что он оказался в гробу? И тут стражник вдруг вспомнил все, что произошло с ним до того, как он опьянел, понял, что вдова ловко обманула его и жестоко над ним насмеялась. Он очень разозлился, быстро вскочил и заглянул под мост. Трупик младенца исчез! Стражник проворчал:

— Когда живой покойник ходит, — злобно проворчал он, — это еще куда ни шло. Но как мог уйти мертвый покойник!?

Он покрутился под мостом, потом поднялся наверх и видит: уже наступил день! По уставу охраны стражник должен был арестовать людей, появившихся на улице ночью, когда хождение запрещено, и перед концом пятой стражи доложить об окончании обхода. А так как уже совсем рассвело, и стражник не явился с докладом, ему полагалась полная мера наказания — тридцать палочных ударов и увольнение со службы!

— Что же это теперь будет со мной?! — воскликнул он, а потом подумал: «Умру я или останусь в живых, но, право же, эту мерзкую бабу сейчас же арестую снова и уж теперь за то, что потерял службу, и деньги из нее вытряхну и отомщу — доведу до гибели!»

Тут же он отправился в Табанголь и стал искать ее дом. Однако все переулки были очень похожи, и один дом нельзя было отличить от другого! Потратив даром полдня, он так и не нашел дом вдовы. Но тут он вдруг вспомнил, что вдова называла свою служанку Пхарволь. Он сразу же подошел к дому, будто похожему на дом вдовы, и окликнул:

— Эй, Пхарволь! Выйди-ка сюда!

Однако Пхарволь не вышла. Вместо нее вышел Куволь. Он уставился на стражника и сказал:

— В этом доме нет Пхарволя, есть только Куволь! Однако какого Пхарволя ты ищешь? Здесь, в двенадцати переулках Табанголя живет много разных Пхарволей-Восьмых лун, Куволей-Девятых лун, Самволей-Третьих лун, Чёнволей-Первых лун и Иволей-Вторых лун*! Какого же Пхарволя ты ищешь? Брось-ка ты это глупое занятие и не морочь людям головы!

И рассерженный хозяин ушел в дом. Стражнику ничего не оставалось, как отправиться домой, но по пути он наткнулся на солдат, которым было приказано арестовать его.

И, говорят, ему в самом деле всыпали тридцать палочных ударов и выгнали со службы! Позарившись на чужое добро, он в результате потерял даже свое жалованье. Смешно!

ПОЙМАЛ РАЗБОЙНИКОВ

Несколько столетий назад у подножия гор Чирисан в провинции Чолладо жил один отрок. Фамилия его была Лим, имя Чхунгён, а лет ему было тринадцать. Он не только прекрасно изучил классические сочинения, но и обладал удивительной способностью быстро разобраться в любом деле. Он мог заранее предугадывать события и вовремя принимать правильные решения.

Однажды, решив навестить своих родственников, он отправился, в дорогу и, когда наступил вечер, зашел на постоялый двор. Тут было уже несколько десятков носильщиков с налоговыми деньгами из разных мест** и много людей, сопровождающих грузы для государева дворца. Было очень шумно. Выбрав себе местечко поспокойнее, Чхунгён прилег отдохнуть.

* Пхарволь, Куволь, Самволь и т. д. — детские прозвища, которые дают детям в соответствии с тем месяцем (луной), в котором они родились.

** В прежние времена в Корее тяжелые медные деньги переносили носильщики.

Но вот во вторую стражу увидел какого-то парня, который принес во двор большую круглую корзину с дынями, распродав их и ушел. Чхунгён немного повременил, потом вышел во двор, сел перед людьми и спросил:

— Послушайте-ка, уважаемые! Как на вкус эти дыни?

— Так что ж ты не купил их и не попробовал? — спросили те в свою очередь.

— Да мне показалось, что они горькие, потому и не купил! — ответил Чхунгён.

— Что ты болтаешь, — обиделись постояльцы. — Почти про все плоды можно сказать, что они либо сладкие, либо кислые, либо вяжущие, но дыни-то разве могут быть горькими? По-твоему, могут, раз ты не купил их! Но мы-то попробовали их — сладкие-пресладкие!

— Уважаемые господа! — возразил Чхунгён. — У вас пока хороший аппетит, потому и горькое вам показалось сладким! Однако не пройдет много времени — и во рту у вас станет горько, как от собачьей или свиной желчи!

При этих словах люди очень рассердились и стали браниться:

— Ах ты, сосунок несчастный! Чего болтаешь, что нас можно накормить собачьей или свиной желчью? Как смеешь оскорблять старших? Да откуда ты взялся такой, щенок?

— Я живу у подножия гор Чирисан, — ответил Чхунгён. — Однако почему вы изволили так рассердиться на мои слова? Ведь говорят же, если в груди образовался свищ, то муха может отложить свои яички на сердце. Похоже, вы не знаете этого. Видно, вы способны заметить только занозу, которая вонзилась вам под ноготь и колется!

Тут все еще больше рассердились. Кто поднял палку, кто замахнулся кулаком, и, ругаясь, люди хотели уже поколотить его. Но один старик удержал их и, подойдя к Чхунгёну, сказал ему:

— Уж очень чудно ты говоришь. Верно, есть у тебя на уме что-то. Поведай-ка нам об этом!

— Среди вас всех, — ответил Чхунгён, — только один этот старик достаточно догадлив. Все же остальные меня не поняли. Досадно! Но теперь мне стало легче, и я скажу вам все начистоту! Ведь давешний продавец дынь, на самом-то деле, не дыни продавал, а высматривал, сколько здесь людей да какие у них вещи! Я притаился и стал подглядывать. А этот жулик, ничего

не подозревая, воровато озирался кругом. Получал деньги за дыни, а сам был поглощен подсчетом людей да товаров. Так и зыркал по сторонам глазами! Тут я и смекнул, что он, без сомнения, соглядатай разбойников. Сначала-то я не стал говорить вам об этом прямо, а только намекнул, думал, сами догадаетесь. Однако, время теперь уже позднее. Надо во всех комнатах на полу настелить рисовой соломы, каждому пометить свои деньги и, разбросав их по соломе, накрыть их матами для сушки зерна. А после хорошо бы и камнями запастись. Сейчас вы все выйдете со двора, наберете каждый по пять-шесть десятков камней, сложите их в кучу перед главными воротами и разожжете большой костер из цельных бревен. Кто-нибудь один из вас будет наблюдать. И, когда наблюдатель заметит приближение каких-нибудь подозрительных людей, вы все разом громко закричите и станете метать в них камни. И по всем правилам военной тактики это будет такой маневр, когда один стоит ста. Пусть их будет даже несколько сот, мы легко их остановим. Извольте обдумать это и попробуйте сделать, как я сказал!

Как только люди услышали его слова, вся их былая прыть исчезла, и, растерянно глядя друг на друга, они не знали, что делать. Наконец один из них сказал:

— Этот отрок, право же, сказал разумно. Попробуем сделать, как он говорит, и, если на нас действительно нападут разбойники, мы сможем живо разделаться с ними. Если же ничего не случится, большой беды в этом не будет. Давайте-ка последуем его совету!

— Да, так и сделаем! — дружно согласились постояльцы.

Они развязали свои тюки, пометили деньги. Потом, убрав постели в комнатах для гостей и для слуг и постелив солому, разбросали на ней деньги и накрыли матами. После этого набрали камней, сложили в воротах, развели костер и стали ждать.

Прошло немного времени, как вдруг издалека донесся топот ног, и вскоре сорок-пятьдесят разбойников, размахивая копьями, мечами и дубинками, ринулись на постоялый двор! Носильщики и погонщики лошадей разом громко закричали, выскочили разбойникам навстречу и принялись изо всех сил швырять в них камни. Разве могли эти негодяи со своим коротким оружием выдержать град далеко летящих камней? Вмиг у одного из них оказалась пробитой голова, у другого поранен лоб, а

третьему камень угодил прямо в рот! Встретив такое неожиданное сопротивление, разбойники бросились врассыпную и думали уже только о том, как бы остаться в живых! Поистине, это было настоящее маленькое сражение!

Разогнав разбойников, люди вернулись на постоялый двор и стали, обращаясь друг к другу, восхищаться Чхунгёном:

— Мы состарились в скитаниях по дорогам, а вот такое с нами приключилось впервые, и отрока такого мы видим в первый раз!

Позвав Чхунгёна, они стали горячо благодарить его:

— Ты оказал нам огромное благодеяние! — и они благодарили его до тех пор, пока у них, как говорится, слюна на языках не пересохла.

— Мнение людей, живущих в этом мире, — ответил им Чхунгён, — легко поворачивается, как ладонь, и стоит человеку совершить малейший проступок, как его уж готовы съесть живьем, а чуть сделает что хорошее, его превозносят так, что и небо по сравнению с ним кажется совсем не высоким! Ну, как бы там ни было, а вы уж теперь будьте поосторожнее на дорогах!

— Да, — виновато признались люди, — давеча-то мы и впрямь оплошали!

Тем временем наступил день. Носильщики приладили свои ноши и отправились в путь. Собрался в дорогу и Чхунгён. И вот, когда он прошел уже с десятков ли, справа из-за гор показался крытый паланкин, позади которого шло несколько десятков каких-то бродяг! Они опустили паланкин перед Чхунгёном, не говоря ни слова, затолкали его внутрь и, взяв паланкин на плечи, сошли с дороги и направились в глухие горы!

Его куда-то принесли и, опустив паланкин, приказали выходить. Чхунгён догадался, что он попал в самое логово разбойников! Бесстрашно выйдя из паланкина, он огляделся. Высоченные горы, будто огромная ширма, окружали это место со всех сторон. Всюду громоздились причудливые скалы и утесы, темнели густые заросли высокого стройного бамбука, текли, огибая горы, глубокие ручьи и длинные речки. Тут и там низвергались водопады — будто прыгали миллионы брызг-жемчужин. Дальние ущелья и лощины терялись в белых облаках и голубой дымке, опоясавших горы со всех сторон. Чхунгён оглянулся на перевал, по которому он попал сюда. Поистине, ниоткуда, ни с одной стороны, невозможно было проникнуть в лагерь разбой-

ников. Место было таким неприступным, что, казалось, даже птица не может залететь сюда!

«И как такой чудесный уголок, — мелькнула у Чхунгёна мысль, — оказался разбойничьим гнездом?!» Разбойники вскоре куда-то его привели. В окружении гор лежала глубокая долина — два-три ли ровной земли. Всюду были овощные и ячменные поля, обсаженные тутовыми и плодовыми деревьями. Виднелись поля под коноплей, и поля белого рами, из которого ткут полотно на одежду. А над всем этим у северной горы, обращенный фасадом к югу, высился дом. Этот крытый черепицей дом в четыре-пять сотен кан был обнесен белой стеной, высотой, пожалуй, в два-три человеческих роста. Под стеной проходил ров, заполненный водой. Перед воротами через ров был переброшен деревянный мост, одна половина которого на ночь, видимо, поднималась и которым пользовались только сами разбойники. Обитые железом ворота были непроницаемы для стрел и пуль. Перед воротами на некотором расстоянии друг от друга стояли караульные, вооруженные мечами и копьями.

Чхунгён сразу смекнул, что его доставили сюда по злодейскому умыслу разбойников. Поэтому он до сих пор ни о чем не спросил и, не спеша, вошел в ворота. Посреди двора, в высоком павильоне на сиденье, застланном шкурой барса, важно восседал один разбойник. Видимо, сам атаман. Слева и справа от него двумя рядами стояли несколько десятков вооруженных мечами разбойников, которые били в маленькие барабаны.

— Подвести сюда этого негодяя! — приказал атаман.

— Слушаемся! — ответили два-три разбойника.

Одним прыжком подскочили они к Чхунгёну и, крепко схватив за волосы, швырнули на колени у ступеней павильона. Однако Чхунгён не встал на колени и громко крикнул:

— Разве могу я стоять на коленях перед невежественным мелким воришкой?! Хотя ты и считаешь себя очень умным и хитрым, однако видел я твои деяния! Если хочешь меня убить, убивай скорее!

Так он сказал, и на лице его не было страха. Поистине, отважный герой древности! Его непоколебимая воля способна была, казалось, расколоть само небо, и все разбойники растерялись. Их атаман, услышав слова Чхунгёна, едва не задохнулся от злобы и закричал:

— Ах ты, мерзкий щенок! Ты сорвал мое дело, искалечил многих моих людей, а когда тебя поймали, прикидываешься, что тебе не страшно, да еще смеешь всячески поносить старшего! Разве избежишь ты теперь смерти?

— Что вы сердитесь? Вот уж не могу понять! — возразил Чхунгён. — Ведь если человек собирается предпринять что-нибудь серьезное, то он обязательно должен заранее обдумать, чем может кончиться это дело. А кроме того, если уж сам он не идет на это дело, то должен послать способного и преданного человека, который был бы его глазами и ушами. И неудачу вы потерпели прошлой ночью только из-за того, что не послали в разведку надежного человека. И хотя тот парень, что пришел продавать дыни, с виду был довольно самонадеянным, однако ума у него нет ни на одну монетку. Разве мог он сделать что-нибудь путное?! Когда идешь на такое большое тайное дело, надо быть очень осторожным и не раскрывать своего замысла перед целой толпой людей. А этот болван, продавая дыни, вытаращил глаза, как бубенцы, и так подозрительно озирался, что всякому было ясно — он только считает людей да высматривает, какие у них вещи. Я как только увидел его, сразу догадался, что этой ночью надо ждать нападения и что смерти мне, пожалуй, не избежать. А я ведь в семье единственный сын, и если бы умер, то род наш прервался бы. А что касается тех носильщиков, то какие же они в сущности несчастные люди! Просунув голову между двумя заплочными веревками и взвалив на спины по доброй сотне кын*, они ни живы ни мертвы несут налоговые сборы за семь-восемь сот, а то и за тысячу ли. И если они донесут благополучно свои ноши, то весь заработок их будет либо две, либо пять монет за каждые десять ли. Но стоит им хоть что-нибудь потерять, и они уже не смогут сохранить жизнь. Вот уж, поистине, позорно грабить этих несчастных! Да ведь, кроме того, если пропадут вещи, принадлежащие государству, то чиновники из сыскной полиции, будто паутиной, опутают каждую улицу и каждый закоулок в городе, каждую волость и каждую деревню. При помощи хитроумных выдумок они станут искать пропавшие вещи и так вымотают людям душу, что узнают даже то, что те хотели скрыть. И уж, конечно, если им попадется на глаза

* Кын — мера веса около 0,6 кг.

такой вот продавец дынь, который болтает, как Су Цинь*, и только и делает, что раскрывает свои истинные намерения, то они тут же поймут, в чем дело, и нанесут удар. А случись такое, то будь все ваши люди даже из чугуна, смерти им не избежать, и если не в тюрьме, то за Малыми воротами** их беспризорные кости станут добычей собак. Стало быть, то, что я помешал вам ограбить постоялый двор, для вас же самих большая удача! А вы этого не понимаете, ругаете меня за то, что я провалил ваше дело и побил людей. Говорите, будто я притворяюсь, что не боюсь вас. Но поразмыслите-ка сами: что мне бояться людей, похожих на того глупого и бестолкового мальчишку, который продавал дыни? А его, конечно, послал не кто иной, как вы сами. И вот теперь из-за того, что этот мальчишка не сумел как следует сделать дело, вы обвиняете во всем меня. Это смешно. Да к тому же, как я уже говорил, если вдуматься, то для вас большая удача, что налоговые деньги благополучно доставлены в столицу, хоть вашим людям и немного побили рожи. А вы ни с того ни с сего хватаете меня и так грубо со мной обращаетесь. Вместо того, чтобы угостить радушно, хотите убить меня. Да видана ли большая невежественность?! И, кто знает, не погибнете ли вы все от того самого меча, которым собираетесь убить меня. Ведь еще в древности говорили: «Зверь и тот добро понимает!» Вы же, хоть и человек, а распознать не можете, где зло, где добро, и хотите убить того, кто оказал вам благодеяние. Как это прискорбно! Впрочем, убивайте меня поскорее и не надоедайте больше вопросами! — ругался Чхунгён.

А атаман разбойников слушал его и внимательно к нему приглядывался. Хотя этому парнишке всего тринадцать лет и он еще ребенок, но он во многом превосходит и взрослых людей. Попав в такое опасное положение, он благодаря своему уму и смелости превратился в талантливое военачальника! В глубине души атаман не хотел убивать этого мальчишку. Узнав, что это он спас налоговые деньги от разграбления и обратил в бегство его людей, атаман подумал: «Если этот мальчишка обладает таким выдаю-

* Су Цинь (?—317 г. до н. э.) — китайский оратор, который славился своим красноречием.

** Малые западные ворота Сеула, через которые выводили на казнь преступников.

щимся умом, хоть он и молод, попробую-ка я сделать из него разбойника!» Когда же он побеседовал с ним сам, убедился, что в действительности тот еще лучше, чем он о нем слышал. «Испытаю-ка я его еще разок!» — решил атаман и спросил:

— Ты вот стараешься показать, что обладаешь недюжинным умом. Так как же ты допустил, чтобы тебя схватили и привели сюда?

Чхунгён подумал: «Судя по поведению этого жулика, он хочет испытать меня. И если я буду его поддерживать, он попытается использовать меня в грабежах. Потому-то он и не убил меня сразу и так разговаривает со мной. Как бы то ни было, я пока буду делать так, как захочет этот негодяй, а там — видно будет!» С притворным почтением посмотрел он на атамана, улыбнулся и ответил:

— Небо породило человека, и жизнь человеческая зависит от воли Неба. То, что меня схватили и привели сюда, — воля Неба. Умру ли я, останусь ли в живых — это тоже будет волей Неба. Вот смотрю я на вас: хорошо вы все тут живете! В самом деле, уж если человеку не удалось стать в этом мире государем, министром или полководцем, то ведь он все-таки может сделаться богачом. Вы вот, вроде бы, издеваетесь над всем миром и совершаете преступления против государства, однако ведь и в древности были разбойники! А сделавшись человеком богатым, можно в любое время года носить подходящую одежду, есть баранину да козлятину. Можно приглашать в гости любимых друзей — зимой в теплые комнаты, летом — в прелестные горные павильоны! Можно петь песни и слушать музыку, потягивая вино. Словом, богач может вольготно жить до самой смерти. Вот это — дело! Только вот людей убивать не следует: это всегда плохо кончалось. С древнейших времен тот, кто убивал людей — пусть он был даже на троне, — неминуемо погибал сам! Нельзя забывать об этом! Меня привели сюда, и, казалось бы, судьба моя в вашей воле, господин генерал. Но лежит ли ваша душа к тому, чтобы убить меня, или к тому, чтобы оставить в живых, — все это, конечно, всецело зависит от вас, генерал. Потому я и подумал: «Быть не может, чтобы я непременно здесь умер». Я нарочно не стал убегать от ваших людей и явился сюда, уповая только на волю Неба. А разве был бы я здесь, если бы боялся умереть. Вот в чем дело-то. И не извольте больше спрашивать меня об этом!

Атаман выслушал его и подумал: «То, что он говорит, — верно!» И теперь, уже не сердясь, он улыбнулся и спросил:

— Раз уж ты попал к нам, то умрешь ли, останешься ли в живых, — отсюда тебе не выбраться! Так вот, раз ты знаешь об этом, — не хочешь ли придумать какой-нибудь хитроумный план, чтобы награть побольше добра, принести его сюда, а потом веселиться сколько душе твоей будет угодно?

— То, что вы изволите говорить, господин генерал, — ответил Чхунгён, — поистине, мое единственное желание! Однако раз уж я вам нужен, вы хоть бы приняли меня как следует и угостили. А то держите меня во дворе, насмехаетесь надо мной и до самого полудня не предложили съесть ни ложки риса, ни миски супа! Я ничего не ел с самого утра. Ведь если голодного человека заставить разбойничать, то он, придя куда-нибудь, не сможет украсть даже ложку или разбитую посудину. А случись ему попасть в ведомство уголовной полиции, так и помрет раньше времени. Кроме того, я не могу понять: то ли вы хотите убить меня и только делаете вид, что оставляете в живых, то ли, наоборот, хотите оставить в живых, делая вид, что намерены убить. Кто может заглянуть в глубину человеческой души? Сейчас у человека такой вид, будто он вот-вот убьет тебя, а через мгновение он вдруг начинает от души улыбаться и расспрашивать о делах! Ну ладно, дело это настолько важное, что не следует говорить о нем при всем народе. Не хотите ли выбрать время и место поспокойнее и посоветаться?

Когда атаман разбойников услышал эти слова, душа его возрадовалась без меры: ведь он, видимо, обрел настоящего помощника! Сойдя вниз, он взял Чхунгёна за руку и, похлопывая его по спине, спросил:

— Надеюсь, ты не очень испугался?

Они вместе поднялись в беседку, закусили за одним столом и обсудили все большие и малые дела. Речами, подобными журчащей воде, ублажал Чхунгён этих негодяев, и будто одержал он блестящую победу на поле брани. Все разбойники, какие только были в этом логове, то и дело восклицали:

— Этот Лим, поистине, талантливый отрок!

Они стали относиться к нему с большим уважением, и получилось так, что он вникал во все их дела и руководил ими. Однажды атаман сильно захворал, слег в постель и не вставал.

Здоровье его все ухудшалось. Он не мог уже водить разбойников на дела и поэтому, собрав их всех, сказал:

— Болезнь у меня очень тяжелая, и я не смогу больше руководить вами. А потому велю вам считать Лим Чхунгёна своим атаманом и выполнять все его приказания! А если среди вас найдутся такие, которые будут говорить, что он слишком молод, и относиться к нему с пренебрежением, не повиноваться, то они будут сурово наказаны. Помните об этом и делайте, как я велю!

Он позвал Чхунгёна, усадил его на почетное место и велел принимать атаманство над всеми разбойниками. Чхунгён было отказался для виду, но потом согласился и принял поздравления. Так сделался он в том разбойничьем стане атаманом.

Прошла уже почти одна луна, когда к нему явился один из разбойников, выполнявший обязанности соглядатая, и доложил:

— В одном месте, за сто с лишком ли отсюда, живет некий богач. Зовут его чинса* Ким, а всякого добра в его доме будет на сотни тысяч монет! Однако в той деревне четыре-пять сотен домов, и все их хозяева — слуги этого Кима. Так что, случись что-нибудь в его семье, по одному его слову они пойдут в огонь и в воду! Поэтому даже вы, господин новый атаман, пожалуй, не захотите взяться за это дело. Но если бы удалось совершить нападение на дом, то поживиться можно было бы вволюшку. Прошу вас, господин атаман, иметь это ввиду!

— Ведь чинса Ким живет в деревне у подножия горы, где его родовые могилы? — выслушав разбойника, спросил Чхунгён.

— Да, действительно, это так, — ответил разбойник.

— А далеко ли от его дома сама гора, где похоронены его родители? — поинтересовался Чхунгён.

— Да, пожалуй, три-четыре ли будет! — ответил разбойник.

— Так ты говоришь, жители той деревни очень преданны чинса Киму?

— Да, господин атаман! Ведь многочисленная родня Кима занимает семь-восемь домов в деревне, и в каждом доме есть свои слуги. Вот и выходит, что ему подчинена почти вся деревня!

* Чинса — звание, которое присуждается человеку, который выдержал государственные экзамены на чин. В Корее для того, чтобы получить место чиновника в государственном учреждении, надо было выдержать государственные экзамены.

— Ну что ж, попытаемся наведаться к чинса Киму! Есть полный список наших людей?

— У нас имеется свой писарь, — ответил разбойник, — извольте спросить у него!

— Так вели писарю живе́й принести список!

Писарь явился быстро, будто прилетел, и почтительно передал бумаги Чхунгёну. Чхунгён посмотрел, сколько же здесь имеется народу. Оказалось — сто пятьдесят—сто шестьдесят человек! На следующий день, проверив по списку всех разбойников, он приказал:

— Если среди вас найдется хоть один, кто, считая меня молодым, лишь на капельку уклонится от выполнения моих приказов и распоряжений, то я велю немедленно отрубить ему голову. Чтобы другим неповадно было. Так и знайте и будьте благоразумны! Нынче я задумал ограбить дом чинса Кима. Но учтите, если кто-нибудь хотя бы только ранит человека или обесчестит женщину, и я узнаю об этом, — смерти тому не миновать! Я запрещаю вам делать это потому, что не следует к одному преступлению прибавлять другие и вынуждать чиновников сыскного ведомства чересчур рьяно охотиться за нами. Я не хочу, чтобы они разгромили наш стан! Точно исполняйте мой приказ: завтра к полудню изготовьте похоронные носилки и соломенное кресло. Я сделаю вид, что хороню родителя, а вы — человек десять — будете меня сопровождать. Когда мы поднимемся на гору с родовыми могилами того чинса, кладбищенский сторож сразу же сообщит об этом своему хозяину, а тот, конечно, вместе с жителями всей деревни кинется на гору, чтобы помешать мне хоронить. Вы же, воспользовавшись этим, выскочите из засады, войдете в дом и, забрав золото, серебро и деньги, возвратитесь сюда. Но только будьте очень осторожны!

— Слушаемся! — ответили разбойники все разом и удалились.

Назавтра они быстро изготовили похоронные носилки и соломенное кресло, доложили об этом Чхунгёну и стали ждать его приказаний. Чхунгён велел:

— Сотня самых сильных и смелых из вас войдет в дом чинса Кима и заберет добро. Время назначаю — в третью стражу ночи четвертого дня восьмой луны. Не вздумайте опоздать! Я же собираюсь за несколько дней до этого срока сходить туда и осмот-

реться хорошенько. Человек десять из вас, прихватив носилки и кресло, пусть явятся в какое-нибудь место, ли в десяти от того дома, и ждут моих приказаний. А к подножию горы с родовыми могилами в первую стражу четвертого дня восьмой луны вы отправите одного человека, который потом проводит меня к вам!

Через несколько дней Чхунгён облачился в траурную одежду и отправился в путь. Выполняя задуманное, он стал осматривать то одну, то другую гору и так приблизился к горе с родовыми могилами чинса Кима. Здесь он принялся слоняться, воровато озираясь по сторонам. Охраннику могил это показалось странным, и он внимательно посмотрел на Чхунгёна. Однако мальчишка был совсем один, поэтому сторож сначала не заподозрил его в намерении тайно похоронить здесь кого-то, а только притаившись, стал наблюдать.

Чхунгён, посмеявшись над ним в душе и увидев, что солнце уже садится, спустился с горы и, глядя куда-то вдаль, стал махать руками и указывать на место, где находились могилы. При этом он как-то уж очень подозрительно оглядывался по сторонам. Кладбищенский сторож, поначалу-то настроенный совсем благодушно, заметив это, сильно встревожился и, незаметно приблизившись, стал внимательно следить за ним. А Чхунгён, поняв, что сторож уже обратил на него внимание, вдруг пустился бежать, то и дело украдкой оглядываясь назад, как человек, который хочет скрыться.

Сторож встревожился еще больше и, затаившись, смотрел на него во все глаза. А тот, пробежав под гору шагов сорок-пятьдесят, встретился с одним разбойником, быстро последовал за ним, сел в кресло и сказал нескольким десяткам человек, которые должны были его сопровождать:

— После того, как мы поднимемся на гору, вскоре же произойдет переполох, и нас непременно постараются схватить. Тогда вы, бросив меня одного, убежите со всех ног, а потом мы снова встретимся на этом же самом месте!

Все разбойники с ним согласились. А кладбищенский сторож тем временем все продолжал тайком подглядывать. Он увидел, как мальчишка сбежал с горы, а вскоре появились с десятков каких-то людей, неся на плечах похоронные носилки и кресло с тем мальчишкой, одетым в траур. Люди стали медленно подниматься в гору. Это было уже в самом конце первой стражи. В наступив-

ших сумерках люди поднесли носилки к родовым могилам его хозяина и опустили рядом с могилами его родителей! Все это они проделали молча, стараясь не производить никакого шума. Сторож, решив, что эти люди несомненно хотят украсть место для могилы, бегом пустился к дому чинса. Пошла вторая стража. Вокруг было пустынно, и только цикады нарушали тишину.

А чинса Ким в это время, будучи не в силах противиться очарованию прозрачной осени, собрал в комнате для гостей всех своих родственников и друзей. Попивая вино, они сочиняли и декламировали стихи, непринужденно болтали. Вдруг примчался кладбищенский сторож, задыхаясь и невнятно произнося слова, закричал:

— Господин чиса! Господин чиса! Послуш! Послуш!

А чинса Ким, ничего не понимая, напустился на него:

— Чего орешь, балбес?! Может, я обронил свою мошонку? Или меня сделали его светлостью большим сановником? Что это за слова «господин чиса, господин чиса»?!

— Сегодня перед заходом солнца, — едва переведя дух, доложил кладбищенский сторож, — какой-то мальчишка в трауре, воровато озираясь, поднялся на гору с родовыми могилами господина чинса. Так как это был всего лишь мальчишка одиннадцати-двенадцати лет, и с ним никого, я сначала не обратил на него внимания. Но, как только зашло солнце, мальчишка, торопливо озираясь по сторонам, стал крутить головой, потом спустился под гору и принялся делать знаки руками, будто звал кого-то. Я спрятался и, хотя было уже темно, стал внимательно наблюдать. Вскоре появились какие-то люди с похоронными носилками на плечах и стали подниматься на гору. Они подошли к родовым могилам почтенного господина чинса и опустили носилки на землю. При этом они старались не поднимать шума. Я подумал, что они, наверняка, хотят тайно похоронить своего покойника рядом с родовыми могилами господина чинса. Вот я и решил поскорее доложить вам об этом. Только сразу-то я не мог рассказать все толком!

Чинса выслушал его и громко закричал:

— Ах ты, негодяй! Почему ты мне сразу не доложил об этом? Живо беги назад и наблюдай за ними, а я сейчас тоже поднимусь на гору! Зовите всех людей! Мужчины деревни, и старые и молодые, — все должны выйти! Гремите повсюду палками с бу-

бенцами и гоните всех к моим родовым могилам! А если окажется хоть один негодяй, который не пойдет, то я и дом его разрушу, и из деревни вон выгоню! Пусть так и знают, соберутся все как один и бегут к родовым могилам!

Так он орал, топая ногами, своим слугам. А потом, не успев даже захватить факелы и падая на бегу, он вместе со всеми родственниками и друзьями ринулся на гору. А вслед за ними, услышав приказ чинса Кима, побежали и все жители той деревни.

— Мы идем, идем! — кричали они.

Во мраке ночи нельзя было определить, сколько бежит людей, но казалось, будто на гору мчатся несметные полчища пехоты и конницы! Все так орали, что окрестные жители проснулись и пришли в смятение!

Чхунгён приказал своим людям:

— А теперь, как уговаривались, бегите скорее в то место и ждите меня! Разбойники дружно ответили и, взяв носилки на плечи, побежали. Как раз в это время чинса Ким и жители деревни взбежали на гору и увидели, что какие-то люди поспешно удирают в темноте. Все разом закричали:

— Держи, хватай этих негодяев!

И погнались за ними. А сам чинса и его родственники подошли к могилам и видят: какой-то мальчишка в траурной одежде растерянно мечется во все стороны. Чинса подбежал, крепко схватил его за руку и закричал:

— Эй ты, щенок! Как ты посмел прийти ночью на чужую гору и воровать место для могилы?! Какой негодяй-гадальщик решился указать тебе это место?! Живо говори!

И, замахнувшись палкой, он хотел было уже ударить Чхунгёна, но тот сказал:

— Как бы ни были вы сердиты, я умоляю вас подождать немного и выслушать слова ничтожного мальчишки! Однажды мой батюшка сильно захворал. Здоровье его становилось все хуже и хуже, никакие лекарства ему не помогали, и, прохворав несколько лет, он покинул этот мир. А я, не имея ни старших братьев, ни других родственников, которые могли бы устроить похороны, остался один-одинешенек в целом мире с таким большим горем! Да к тому же на нашей горе с родовыми могилами не оставалось земли даже для одной могилки, и нужно было непременно отыскать новое место. Вот тут-то и пришел ко мне совсем неожиданно

один гость. Он сказал, что живет более чем за сто ли отсюда, что он близкий друг моего покойного батюшки, и что если я дам ему сто лян, то он укажет хорошее место для могилы. Одним словом, он сказал, чтобы о похоронах я не беспокоился. А мне было так нужно место для могилы! Моему великому счастью не было меры! Когда я дал ему деньги, он, объявив себя гадалщиком, указал мне эту гору и сказал, что ее никто не охраняет. Потом он рассказал мне, как устраиваются похороны, пожелал хорошо провести их и, сказав, что дома у него есть некое спешное дело, ушел. А теперь выходит, что этот негодяй вовсе не был другом моего покойного батюшки, раз он, так жестоко обманув неопытного мальчишку, забрал деньги и скрылся. Если б я знал, что эта гора охраняется, то разве решился бы устраивать здесь похороны? Как же мне теперь вернуть свои пропавшие деньги? Где же я теперь схороню косточки моего покойного батюшки?

Он принялся колотить кулаками по земле и причитать:

— О горе, горе! Как бы поймать этого негодяя? Мне ведь неизвестно, где его дом, да и имени-то его я хорошенько не знаю! Можно ли теперь его найти? Поймать бы этого мошенника, посадить в тюрьму, да и наказать, как настоящего вора! Что же мне теперь делать?! — и он бил себя в грудь и горько-горько плакал.

Чинса Ким и его родственники услышали все это, и гнев их сразу прошел. Теперь им стало жаль этого мальчишку. Они переглянулись и сказали:

— Да слыхано ли в мире о таком несчастье? Если только этот мальчик говорит правду, то выходит, какой-то жулик узнал, что у него нет родственников, гнусно обманул его и, забрав деньги, скрылся!

А один из родственников добавил:

— Среди людей в этом мире много жуликов, которые даже и пальцем не хотят пошевелить, чтобы честно заработать деньги. Алчные, они зарятся на чужое добро и обманом присваивают его!

И все согласились с этим:

— Поистине, его слова справедливы!

А чинса Ким, выслушав рассказ Чхунгёна, пригляделся к нему: мальчишка лет десяти с небольшим. Он поверил в его искренность, почувствовал к нему жалость, и гнев его тут же прошел. Обняв его, он сказал:

— Сначала-то я чуть было не убил тебя, а вот услышал твои слова и вижу, что нет ничего странного в том, что ты пришел на мою гору. Но почему ты решил рыть могилу ночью? Какой в этом смысл?

Чхунгён ответил:

— И в этом виноват тот негодяй! Он ведь мне сказал, что хотя похороненные на этой горе люди и не имеют прямых наследников, однако есть наследники двоюродные, и они могут, пожалуй, помешать. А уж после того, как похоронишь тайком, говорил он, они, конечно, не будут особенно настаивать на том, чтобы ты перенес могилу в другое место. А я по молодости лет поверил его словам да так и сделал!

И все люди, которые слушали Чхунгёна, сказали:

— В общем ясно, что этот жулик жестоко обманул неопытного мальчишку! Однако теперь уже поздно и нужно отпустить его, а самим возвращаться домой. Если же он опять попробует сюда сунуться, то уж мы не будем с ним церемониться.

Пока они рассуждали, вернулись люди, которые погнались было за теми, кто нес носилки. Они не смогли поймать ни одного человека и возвратились ни с чем. Тогда Чхунгёну сказали:

— Живо уходи и впредь таких вещей не смей делать!

И во главе с чинса Кимом все спустились с горы. К этому времени третья стража уже миновала и пошла четвертая. Со всем успокоенный, чинса Ким, медленно подошел к дому. И тут он вдруг увидел, что первые и вторые ворота распахнуты настежь, в помещениях для слуг царит тишина, и не видно ни одной служанки! Удивившись, он вошел в дом. Под ноги ему попала какая-то соломенная веревка и несколько пустых мешков из-под риса, которых раньше не было. Чинса Ким открыл дверь в комнату. Огонь светильника погас, в темноте не слышно человеческих шагов, и будто никого нет! Встревоженный, он крикнул:

— Зажгите свет!

Но ответа не было. Он подумал: «Уж не явился ли сюда этот бес с маленькими ушами и короткой мордой* и не учинил ли здесь кровавого побоища? Да что же, наконец, случилось?!» Он отыскал серную палочку, чиркнув ею, зажег огонь и осветил

* Так называли тигра.

комнату. И тут он увидел, что матушка его лежит в обмороке, а у супруги глаза хотя и открыты, но она смотрит мимо него, как слепая! В комнате напротив, обхватив друг друга и уткнувшись головами в угол, лежали без сознания швея и кухарка. Дверцы стенного шкафа и кладовки открыты, сундуки с одеждой и с нижним бельем разбиты, а когда он заглянул в денежный ящик, то оказалось, что тридцать тысяч лян исчезли! Он стал искать золото, серебро и другие драгоценности — все улетело, будто вечерний ветерок на закате!

Тогда он быстро достал пилюли для сердца и с бальзамом, привел в чувство свою матушку и супругу, швею и кухарку, а затем позвал слуг. А слуги, уходившие с ним на гору, хотя и откликнулись, однако почти онемели от изумления. Чинса Ким в сердцах воскликнул:

— И эти люди еще служат у меня!

Он вышел во двор и заглянул в помещение для служанок: они были полумертвые от страха и не могли сказать ни слова. «Да как же все это могло случиться?» — думал он, но сколько ни гадал — понять ничего не мог. А когда, наконец, вдруг все понял, горестно вздохнул и воскликнул:

— На шестом десятке меня одурачил какой-то десятилетний мальчишка-вор! На кого уж тут пенять?!

Он собрал жителей деревни и, узнав от них про набег разбойников, воскликнул:

— Так почему же вы не сказали мне об этом сразу?

— Разбойники были вооружены мечами и копьями и пригрозили: «Пусть хоть один из вас только глазом моргнет — он тут же умрет под ударами наших мечей!» А в деревне ведь остались почти одни женщины, и мы ничего не могли сделать!

Чинса Киму ничего не оставалось, только самого себя ругать.

А Чхунгён, одурачив его, не спеша спустился с горы, встретился с носильщиками и возвратился прямо в стан разбойников. Разбойники уже притащили туда добро чинса Кима и, свалив его в кучу, радовались и прыгали вокруг него — прямо гора с родовыми могилами! Увидя Чхунгёна, они стали приветствовать его:

— Много раз мы, ничтожные, грабили чужое добро под началом прежнего господина атамана, а вот на такое удивительное, необыкновенное дело, как в этот раз, ходили впервые! И уж теперь — пусть даже нам угрожает смерть — мы будем выпол-

нять все приказы господина атамана! И каким бы трудным ни было дело — пусть он только изволит приказать!

Так восхваляли они его очень долго. А Чхунгён поблагодарил их и ответил:

— Я хоть и устроил так, что мы захватили пустячок, однако это еще нельзя назвать настоящим делом. Если и впредь кто-нибудь из вас приметит хорошее местечко, где можно пожить, то, как следует все разузнав, должен немедленно доложить мне. Только надо высмотреть какое-нибудь место побогаче — пусть его даже труднее будет ограбить, чем это. Разве не чудесно разок-другой удачно обождать кого-нибудь да запасти ценных вещей на всю жизнь? А грабить по мелочам да еще при этом убивать людей — только зря рисковать собой. Конечно, наш стан очень трудно обнаружить, но пусть лучше нам не угрожает опасность. Кстати, напрасно мы так долго стоим на одном месте. Надо бы найти другое подходящее местечко и как следует там укрепиться. Для этого нам, конечно, понадобится много денег. Поэтому все, что вы принесли в этот раз — деньги, золото и серебро, — сохраните: пригодится нам для какого-нибудь важного дела. Аккуратно сложите все в кладовую и закройте на замок. А деньков через пять непременно подыщите еще что-нибудь подходящее и доложите мне!

Разбойники радостно согласились с ним и, уходя, восклицали:

— Разве есть для нас что-нибудь невозможное теперь, когда новый атаман придумывает такие удивительные хитрости?!

И каждый стал думать о таком месте, где можно было бы награбить побольше всякого добра.

А Чхунгён, кроме того, на следующий день объявил им:

— Если кто-нибудь из вас отыщет богатый дом, и мы ограбим его без помехи, то этот человек получит в награду третью часть. И всем остальным будет дана хорошая доля. Помните об этом и делайте, как я велю!

При старом атамане разбойники ни о чем подобном и не слыхали. Поэтому после слов нового атамана они заплясали от радости. И теперь, если бы им даже грозила смерть, они все равно не захотели бы от него отказаться!

Однако Чхунгён, желая как следует узнать настроение обитателей стана, тайком подошел к тому месту, где они развлекались, собравшись все вместе, и стал подслушивать. Тут оконча-

тельно убедился он в том, что все разбойники очень хвалят его, и нет ни одного, который был бы им недоволен. Порадовавшись, он подумал: «Как твердо верят в меня эти негодяи! Теперь уж можно совсем не беспокоиться!» Он вернулся к себе и несколько дней отдыхал.

Но вот явился к нему один разбойник, распростерся перед ним на земле в поклоне и доложил:

— Несколько дней назад слышал я, ничтожный, ваше приказание. Уже тогда я знал одно место, о котором надо было бы доложить вам. Но сколько я ни думал об этом деле, мне все казалось, что оно очень трудное. Потому-то я и не доложил вам тогда о нем. Но потом, поразмыслив как следует, я решил, что вы, господин атаман, непременно придумаете какую-нибудь ловкую хитрость, когда, как говорится, люди появляются и исчезают, будто божества или бесы! Соблаговолите же выслушать меня. В этой провинции когда-то был большой постоялый двор, который содержал некий весьма почтенный мошенник по имени Пэк Тончжи. Скопил он тогда всякого добра на несколько сот тысяч лян. А теперь он снова взялся за старое. Построил на большой дороге огромный дом и, бывает, вечерами принимает по несколько сот людей с лошадьми. Частенько останавливаются там и богачи. Этот постоялый двор расположен в очень большой деревне, и потому грабить его опасно. Если только нас поймают, то не успокоятся даже после того, как по десять раз перережут глотку каждому! Вот потому-то я и не осмеливался докладывать вам. С другой стороны, если бы нам удалось обчистить этот постоялый двор, то все в нашем стане смогли бы разбогатеть. Вот что я хотел доложить вам!

Чхунгён выслушал его и громко воскликнул:

— Здорово! Сказал бы об этом раньше, так мы повременили бы с домом чинса Кима и занялись бы сначала этим, поистине, стоящим делом! Так деревня, говоришь, там большая, постоялый двор стоит на проезжей дороге, и в нем останавливается много богатых проезжих? Ну ладно, я хорошенько все обдумаю. И если это дело нам удастся, то каждый в нашем стане будет обеспечен на всю жизнь, а твоя заслуга в этом будет, конечно, немалой. Теперь же все ступайте и ждите моего приказа.

Разбойники, услышав его слова, запрыгали от радости и закричали:

— Ну, на этот раз у нас тоже хорошенькое дельце будет! Лет десять мы сможем в праздности и довольстве проводить время.

Словом, все они очень обрадовались. А через три дня Чхунгён приказал собрать всех людей во дворе и обратился к ним с речью:

— Один знаменитый полководец древности говаривал: «Как добудешь тигрят, если не войдешь в логово тигра?» Этим он хотел сказать, что если побоишься опасности, то дела не сделаешь. Однако не стоит подвергать себя напрасному риску. Ведь обычно мы действуем так: под покровом ночи перелезаем через ограду и, продырявив стены и разобрав крышу, начинаем грабить. Но вдруг хозяин услышит, вдруг поднимет тревогу? Тогда нам будет очень трудно скрыться: помешают и высокая ограда и глубокие канавы вокруг постоянного двора. И если кого-нибудь из нас поймают, то большим счастьем будет, если его убьют сразу! Но его, конечно, не убьют. Свирепые чиновники из сыскного ведомства станут пытаться его. Они свяжут ему руки и ноги, будут прижигать ему тело раскаленным докрасна железом и промасленной бумагой, нещадно бить палками. А уж если человек подвергнется всем этим ужасным пыткам, то каким бы сильным и выносливым он ни был, ему ничего не останется, как выдать остальных. А раз так, то и те, которых не схватят, ни на минуту не будут спокойны, не смогут ни есть, ни спать. В постоянном страхе будут они высматривать, не из сыскного ли ведомства идут к ним, не тюремщик ли. И даже в высоких просторных жилищах, разодетые в расшитые шелковые одежды, с целыми горами денег и риса, они всю жизнь будут испытывать острую тревогу, которая на десять, а то и на все двадцать лет может сократить жизнь! Разве можно постоянно переживать такие страхи ради какой-то жалкой сотни или тысячи монет? Вот потому-то я и составил один план. Это, поистине, такая ловкая хитрость, что будь то сам бес — мы и его, пожалуй, проведем!

Слушайте внимательно. Завтра вы все подойдете к какому-нибудь горному ручью, нарежете побольше ивовых прутьев, и каждый пусть сплетет себе по одной корзине, в которой он смог бы поместиться. А через пять-шесть дней мы отправимся на постоянный двор. Внутри выстелите корзины бумагой, чтобы вас не было видно, взяв по одному мечу, ляжете в эти корзины, сверху их закроют крышками и обвяжут веревками. На одного вола

навьючат по три-четыре корзины. На каждые четыре-пять волов будет по одному погонщику, а два-три человека будут сопровождать груз. Они придут на этот постоянный двор, скажут, что везут из Чечжу особый груз для государя, очень боятся разбойников и потому просят запереть ворота получше и не пускать больше на постоянный двор ни одного носильщика или проезжего. Они скажут также, что поставят все корзины в какой-нибудь большой кладовой и — разве это не очень ценный груз? — при них непременно должны остаться для охраны сопровождающие чиновники и погонщики. А ночью, когда хозяин крепко уснет и все вокруг стихнет, я войду в кладовую, перережу ножом веревки и всех выпущу из корзин.

Вот тогда-то очень осторожно, так, чтобы ни собаки, ни крысы не слышали, мы свяжем хозяину руки и, угрожая мечами, заставим сказать, где спрятаны все его богатства. Потом сложим его добро в корзины, крепко-накрепко обвяжем их веревками и, нагрузив на волов и лошадей, отправимся в путь еще до свету. И будь это место даже городом в миллион домов — все обойдется благополучно! А как смогут помешать нам трактирные слуги и челядь? Сверкая мечами и копьями, мы прикажем им сидеть смирно. Погрузив на волов все деньги, золото и серебро, поставим этого почтенного хозяина впереди и скажем: «Если только какой-нибудь болван попробует нас преследовать, то, начиная с тебя, почтенный, мы перебьем всех до единого!» Кто же осмелится нас преследовать после этого, тем более, что все слуги будут связаны? Если мы так сделаем, то пусть бы даже воскрес сам Чжугэ Лян*, то и он бы не знал, что предпринять! Ваши прежние страдания кончатся, и всю оставшуюся жизнь вы будете проводить в радостях. Разве это плохо?! Но если среди вас найдется хоть один, кто не выполнит точно моего приказа, то я применю к нему военный закон. Так и знайте. А теперь — идите!

Разбойники выслушали его план и решили, что, пожалуй, это дело удастся наверняка. Поклонившись Чхунгёну до земли, они удалились. Нарезав ивовых прутьев, каждый сплел для себя корзину и свил веревку. Три дня с нетерпением ожидали они

* Чжугэ Лян — знаменитый китайский полководец древности (220–280). О его подвигах рассказывается в знаменитом китайском романе «Троецарствие».

приказа. Но вот Чхунгён собрал всех. Он приказал старикам и подросткам оставаться в стане, чтобы ухаживать за бывшим атаманом, готовить пищу для людей и корм для волов, а также помочь разгружать награбленное добро, когда все разбойники возвратятся. Затем он велел оседлать вьючными седлами четыре десятка волов и лошадей, привязать к ним корзины, в каждую из которых село по одному разбойнику. После того как их закрыли крышками и крепко-накрепко завязали веревками, Чхунгён распорядился, чтобы семь-восемь человек гнали волов и лошадей в сторону постоянного двора. Одного из разбойников он назначил старшим. Тот якобы будет сопровождать грузы. Сам он решил пойти последним.

Чхунгён зашел к старому больному атаману и сказал:

— Так как мы и на этот раз затеяли крупное дело, то мне непременно придется идти самому. Вы же старайтесь беречь себя и потерпите еще несколько дней: мы ведь на этот раз будем грабить очень большого богача и уж, конечно, привезем много женьшеня из Канвона и панты, и тогда болезнь господина атамана, пожалуй, совсем пройдет!

— В добрый путь! — кивнув головой, ответил бывший атаман.

Они попрощались, и Чхунгён последовал за разбойниками. Когда караван замедлял движение, и попадались безлюдные места, разбойники начинали скулить из своих корзин:

— Большую нужду бы справить! Помочиться бы!

— Увы! — отвечал им на это Чхунгён. — И говорить про то не смейте! Потерпите еще немного. А уж коли не вмоготу, то делайте прямо в штаны! Впереди вас ждет несметное количество отличной материи, из которой вы сошьете себе новую одежду. Не беспокойтесь — валяйте прямо в штаны! Ну, пускай вы разок обделаетесь, зато, получив много всякого добра, каждый сможет занять сколько угодно другого платья! — и он только поторапливал погонщиков волов.

А разбойники, боясь, что им станет совсем худо, не решались даже прикоснуться к еде, взятой в дорогу. Страдания их были невыносимы, но станешь разве громко стонать, находясь на большой дороге?

При отправлении в путь было решено двигаться днем и ночью. И вот, кое-как, только через несколько дней добрались

они до дома Пэк Тончжи. Солнце уже почти село. Те, что изображали сопровождающих чиновников, и погонщики грозно закричали:

— Особый груз для государя из Чечжу! Освободить самую большую кладовую и составить туда корзины! Других проезжих и носильщиков не впускать и предоставить лучшую комнату господам, сопровождающим груз!

Пэк Тончжи вышел и посмотрел. Он не мог знать, конечно, сколь необычны были эти корзины с подношениями государю, а окрики погонщиков лошадей и волов были суровы, как осенний иней, казалось, они готовы были схватить и сожрать человека живьем! И хотя в глубине души он очень на них разозлился, однако ничего не мог поделать и приказал слугам:

— Груз принять и сложить в кладовой, приготовить еду для людей и корм для лошадей и волов, а так как на постоялом дворе и в самом деле много проезжих и носильщиков, то никого больше не впускать!

А сам подумал: «Возмутительно! Да в моем доме можно свободно разместить несколько сот людей с лошадьми и волами, а тут явились всего сорок-пятьдесят человек с лошадьми и волами и уже запрещают принимать других проезжих с грузами! Сегодня я потерплю огромный убыток!» Он велел слугам зажечь светильники во всех комнатах и подавать ужин.

После того как все поели, Чхунгён сказал им:

— В делах житейских самое главное — надежность. Если вы постелите себе в кладовой и зажжете светильники, то пусть даже и придут другие люди, их не пустят на постоялый двор из-за наших грузов. А если они и найдут лазейку сюда, то ничего страшного не будет. В кладовую вы войдете под предлогом охраны государственного груза и будете там спокойно спать, а как только я приду и стану развязывать корзины, вы поможете мне, чтобы все сделать поскорее. Запомните это и ступайте живо!

Ну, кто из разбойников осмелился бы не повиноваться его приказу? Они поспешно отправились в кладовую, сказав, что будут охранять груз. А когда, попросив мешки из-под риса и соломенные циновки, укладывались отдыхать, Чхунгён добавил:

— Я ненадолго выйду осмотреть деревню, а когда вернусь и мы возьмемся за дело, пожалуй, будет уже полночь. Так что вы поспите немного, чтобы завтра не быть сонными в дороге!

И тем, кто были за сопровождающих грузы чиновников, он тоже сказал:

— Пойду посмотрю, велика ли деревня, а вы пока поспите!

Выждав, пока все вокруг стихнет, он вернулся в кладовую и увидел, что все уснули. Тогда, вызвав потихоньку хозяина, он отвел его за дом и спросил:

— А далеко ли отсюда уездный город и много ли в нем полицейских?

— Уездный город в десяти ли отсюда, — ответил удивленно хозяин, — а сколько там полицейских, я не знаю. Но почему вы спрашиваете про полицию?

Тогда Чхунгён, понимая, что не может обманывать Пэк Тончжи, подробно рассказал ему обо всем, что с ним приключилось, и добавил:

— Соберите своих людей, потихоньку сообщите им обо всем и, пока я не вернусь из управы, прикажите им вести себя тихо и не отлучаться. Если я говорю, что приведу полицейских, то к вам, хозяин, это не должно иметь никакого отношения. Не бойтесь. Если даже эти негодяи проснутся, пока я хожу, и попытаются скрыться, то преследуйте их, если же нет — не учиняйте шума!

Сказав так, он немедленно отправился в уездный город и, постучавшись в управу, крикнул:

— Отоприте ворота!

Служители очень удивились и, открыв ворота, спросили его, в чем дело. Чхунгён подробно им все рассказал и добавил:

— Быстро, еще до пения петухов, нужно направить на постоялый двор побольше полицейских с их начальником, чтобы схватить разбойников. Поскорее доложите об этом уездному начальнику! — приказал он. — А если сомневаетесь во мне, то заprite меня где-нибудь, но только не медлите и сразу доложите!

Служители, ничего ему не ответив, тут же вызвали посыльного и велели быстро доложить обо всем уездному начальнику. Посыльный удивился, быстро пошел в канцелярию к начальнику уезда и доложил ему о деле. Начальник тоже очень удивился, вызвал Чхунгёна, подробно допросил его и сообщил коменданту городской крепости. Комендант приказал отрядить всех чиновников сыскного ведомства и полицейских и вместе с Чхунгёном отправиться к постоялому двору Пэк Тончжи. Весь уездный город был взбудоражен! Полицейские чиновники и сыщики вошли

на постоянный двор Пэк Тончжи, по указанию Чхунгёна прежде всего связали разбойников, которые были за чиновников, сопровождавших грузы, и всех погонщиков волов, которые спали в кладовой. А что делать с теми разбойниками, которые сидели в корзинах? Их погрузили на тех же самых лошадей и волов и отправили прямо в управу. Кроме того, несколько десятков сыщиков были посланы в разбойничий стан. Они схватили и связали прежнего больного атамана вместе с десятком оставшихся там разбойников и отправили их в тюрьму. Что же касается добра чинса Кима, хранящегося в стане на складе, то, поскольку Чхунгён уже докладывал в управе, что оно все помечено, сыщикам было приказано тщательно пересчитать его и доставить в уездный город. Всё-всё — деньги, ткани, золото, серебро, изделия из металла, одежда и другие вещи — всё было аккуратно собрано и возвращено чинса Киму. На семь-восемь сотен тысяч добра!

После того, как начальник уезда и комендант крепости добились чистосердечного признания разбойников, они отправили донесение губернатору провинции. В донесении подробно сообщалось обо всем, что произошло с Чхунгёном. Как, увидев на постоялом дворе продавца дынь, он догадался, что это соглядатай разбойников, и спас от разграбления налоговые деньги; как ему против воли пришлось ограбить дом чинса Кима, добро которого он, однако, сохранил в целости и как, придумав удивительную хитрость, он обманул разбойников и устроил так, что они сами упрятали себя в корзины и были доставлены в управу.

Губернатор прочел донесение, очень удивился и воскликнул:

— Поступок этого отрока нельзя оставить без внимания!

И после того как из столицы был получен приказ обезглавить всех разбойников до единого, губернатор послал донесение государю о подвиге Чхунгёна. Государь изволил прочесть донесение, подивился и, похвалив Чхунгёна, повелел Ведомству финансов выдать ему в награду три тысячи лян, купить для него хороший дом и женить. А когда Чхунгёну исполнилось пятнадцать лет, он, говорят, был вызван на прием к государю и назначен на должность судьи в своей округе.

Если все это было в действительности, как рассказывают, то благородный поступок Чхунгёна можно поставить в один ряд вместе с подвигами героев древних времен!

ЛУЧНИК ЛИ ОТРУБИЛ ГОЛОВУ БУДДИЙСКОМУ МОНАХУ

Было это несколько сот лет назад. Лучник Ли из уезда Канчжин провинции Чолладо семь-восемь раз выдерживал предварительный экзамен по Военному ведомству, а вот главный экзамен ему никак не удавалось одолеть.

Ему ничего не оставалось, как попробовать свои силы в земледелии.

Но вот пришел как-то к нему приятель и сказал.

— А что, не слыхал ли ты, будто нынче состоятся сеульские экзамены?

— Если бы даже и слышал, — ответил Ли, — то лишь расстроился бы. Уж лучше и не рассказывай мне ничего о них!

— Ну что ты говоришь? — возразил приятель. — Меня всегда огорчало, что ты не смог выдержать экзаменов, и я очень жалел тебя. Вот потому-то, узнав на днях, что в этом году непременно будет проводиться экзамен, я пришел сказать тебе об этом. Думаешь только тебе обидно, что ты всегда проваливаешься на главном экзамене, я тоже очень огорчен. Поэтому и советую тебе попытаться еще разок. Ведь не всякое дело в этом мире удастся сразу. А вдруг, выдержав предварительный экзамен, на этот раз добьешься успеха и на главном экзамене. Как знать? Попробуй-ка еще разок сходить в столицу!

— Все это так, конечно, — ответил Ли. — Однако я уже столько раз проваливался, что больше не хочу. Впрочем, раз ты так горячо меня уговариваешь, — оно и понятно: я же ведь твой друг! — попробую еще раз. Как в народе-то говорится: «Воробей не пролетает мимо крупорушки!» Поэтому разве не волнуется и моя душа, когда я слышу про экзамены? К тому же, ничего страшного не случится, кроме того, что опять провалюсь!

Приняв такое решение, Ли разузнал как следует об экзамене, приготовил в дорогу деньги и необходимые вещи и отправился в Сеул. Прибыв в столицу, он опять выдержал предварительный экзамен, однако с тревогой думал, как-то у него получится с главным. А когда на следующий год он снова пришел в Сеул держать весенний экзамен, то провалился и на этот раз! В отчаянии с треском сломал он свой лук и колчан и выбросил их вон! А потом, на те десять лян, что остались

у него от дорожных денег, принялся пить без разбору и вино, и брагу, и водку!

— Пойду к Южным воротам! — опьянев до потери сознания, пробормотал он и стал было подниматься на гору Намсан, но споткнулся о корни сосны, упал и тут же уснул. А когда, выспавшись, проснулся и огляделся кругом, то оказалось, что уже наступила ночь. Ли не знал, где находится, в горле у него пересохло, и он стал слоняться туда-сюда в поисках воды. Найдя, наконец, родник, он лег ничком, вволю напился да так и остался лежать, горько жалуясь на свою судьбу. И тут вдруг у себя над головой он услышал какой-то шорох! С трудом подняв голову, Ли вгляделся и увидел: какой-то буддийский монах, стоя между сосен, скинул котомку со спины и достал меч. Котомку и шляпу, сплетенную из бамбука, он повесил на сук, огляделся по сторонам и быстро, будто полетел по воздуху, ринулся под гору. Вид у него при этом был такой, словно собирался он убить человека! «Этот бритоголовый мерзавец, — подумал лучник Ли, — несомненно, перелез через городскую стену и хочет кого-то убить. Девять раз я выдержал предварительный экзамен и девять раз провалил главный. Так что вполне могу сказать о себе: «С позором я переправляюсь на восточный берег!»* Но если я помешаю этому негодяю совершить преступление, спасу человеческую жизнь, над которой нависла угроза, то, — пусть даже я потерплю от него поражение, — сделаю хоть какое-то доброе дело. Однако, что же он затеял?!» Он быстро вскочил на ноги и незаметно последовал за монахом.

Под горой Намсан стоял чей-то большой дом, обнесенный высокой каменной оградой. Монах ловко подпрыгнул и перемахнул через ограду. Ли тоже подошел к ограде, внимательно посмотрел во двор и понял, что это задняя часть дома. В окне горел свет. Монах подошел к ярко освещенному двустворчатому окну и издал какой-то звук, будто скрипнуло дерево. Из окна тут же вылезла молодая женщина, по виду новобрачная, пошептала с монахом, потом они вместе вошли в дом, закрыли за собой дверь и больше не появлялись. Лучник Ли еще больше

* Слова, сказанные китайским князем Сян Юйем, когда, потерпев поражение, ему пришлось бежать и переправляться через реку Уцзян (III в. до н. э.).

заподозрил неладное. Он быстро перелез через ограду и, притаившись под окном, стал подслушивать.

— Эх, девка! — сказал монах. — Ты, говорят, променяла такого сильного и солидного мужчину, как я, на мужа — этого слабоумного безбородого сосунка, у которого и молоко на губах не обсохло? А я-то, потеряв тебя, не мог ни есть, ни спать, тревожился днем и ночью и вот теперь решил прийти. Что ты на это скажешь?

— Я ведь всего лишь женщина, — отвечала новобрачная. — Очень не хотела я выходить за него замуж, но отец, мать и вся родня зачем-то выдали меня насильно, снарядили лошадей и привезли сюда. Противиться было невозможно, и пришлось мне против воли приехать. На душе одно — куда бы сбежать? Я совсем не люблю его, но, как говорится, брачный договор на сто лет уже заключен, и я должна теперь этого сопляка считать своим мужем и во всем ему повиноваться. Да будь он даже взрослым человеком, высоким и статным, разве изменю я достопочтенному монаху — моему прекрасному супругу? Чем же угостить моего возлюбленного, обретенного на жизнь и смерть муженька?

Она открыла дверцу стенного шкафа, на столик для вина из черепашьего панциря поставила чашу, расписанную попугаями, и, до краев наполнив ее вином, поднесла монаху:

— Это хлебный чай*! Извольте, пожалуйста, выпить!

На закуску она подала сушеное мясо, рыбу и фрукты, и они стали шутливо болтать друг с другом.

Тут лучник Ли потихоньку проткнул дырку в окне и заглянул внутрь. Молодожену было лет двенадцать. Его загнали в дальний угол комнаты, задвинули тяжелым комодом, который доходил ему до подбородка, чтобы он не мог выйти, да еще крепко-накрепко связали ему поясным ремнем руки и привязали к ручке комода. Он был ни жив ни мертв от страха. Он был такой жалкий, такой несчастный, а мерзавец-монах, поставив меч у двери и ничего не опасаясь, болтал и смеялся как ни в чем не бывало.

«У меня в руках нет никакого оружия, — подумал Ли, — я не могу убить его. Подожду-ка, пока он как следует опьянеет!» И он продолжал стоять под окном. Какое ужасное положение! Что же делать?

* Так иносказательно называли вино буддийские монахи.

Была уже полночь, когда мерзавец-монах с этой девкой, сильно опьянев, предались отвратительному блуду, а потом повалились на пол и крепко уснули. Вот тогда лучник Ли раздвинул двери, вбежал в дом, схватил меч и, отодвинув комод, развязал руки молодожену:

— Садись! — сказал он ему.

Юноша очень обрадовался и тихонько сел. А Ли — у него пересохло в горле, да и проголодался он изрядно — поспешно открыл стенной шкаф, достал оттуда вино и закуски, проглотил все это единым духом и, отодвинув столик, спросил:

— Я не выношу, когда так грубо издеваются над людьми, я сейчас же убью этого негодяя! Одного убить или девку тоже?

— Убейте их обоих, прошу вас! — ответил юноша.

А монах с женщиной, пьяные, крепко спали и ничего не слышали. Подняв меч, лучник Ли одним взмахом отсек головы и монаху, и женщине.

— Страшно?! — спросил он у юноши и тут же схватил за шиворот трупы женщины и монаха, незаметно оттащил их во двор. Потом, одним прыжком перемахнув через ограду, скрылся. «И зачем это я сунулся не в свое дело? — мелькнула мысль. — Зачем убил двоих людей?!» Душа его похолодела, и он, выйдя из города через Южные ворота, стрелой возвратился в родные места.

Потерпев опять неудачу и в экзамене по классическим сочинениям, и в стрельбе из лука, он снова занялся земледелием.

Хозяйство его и так-то было небогатым, а за те десять лет, что он держал экзамены, и вовсе оскудело. Теперь ему пришлось продать дом, выкопать землянку и поселиться в ней с женой и детьми. Словом, был он так беден, что и рассказать невозможно! Так жил лучник Ли, едва-едва сводя концы с концами. А было ему уже сорок шесть—сорок семь лет.

И вот однажды к нему опять зашел тот самый приятель, который тогда уговорил его держать экзамены. После дружеских приветствий этот приятель сказал:

— А ты, гляжу я, совсем оскудел. А уж если человек слишком бедствует, то это не только не красит его снаружи, но и легко может извести душу! Однако, слышал я от одного человека, вчера вернувшегося из Сеула, что теперешний начальник Военного ведомства, господин Ли, издал приказ о проведении эк-

заменов. Приглашаются студенты из всех восьми провинций. Отпущено несколько десятков тысяч лян денег и будет приготовлено угощение. Студенты должны рассказывать интересные истории, и тот, чей рассказ будет самым необыкновенным, не только получит большую награду, но ему зачтут экзамены, да еще и государю о нем доложат! Вот что поведал мне человек, вернувшийся из Сеула. Сходил бы и ты еще разок в столицу да рассказал бы какую-нибудь историю. По крайней мере, хоть раз бы насытил свое пустое брюхо. А вдруг тебе повезет, и зачтут экзамены. Разве не будет это вознаграждением за долгие годы разочарований? Что ты скажешь на это?

— Послушай! — ответил лучник Ли. — Ты же говоришь это только для того, чтобы утешить меня, твоего друга. Очень тебе за это благодарен. Однако если я снова приду на экзамены, боюсь, что меня совсем дрожь одолеет от страха. Да к тому же такой косноязычный, как я, сможет разве рассказать что-нибудь путное? В тот день, когда предназначенная для меня еда останется нетронутой и экзамен незачтенным, пожалуй, запросто и руки на себя наложить можно. Лучше уж вовсе не ходить в столицу!

— Ну, уж это ты преувеличиваешь! — возразил приятель. — Никто еще не видывал могилы человека, который бы, провалив экзамены, наложил на себя руки. И не говори мне больше таких глупостей! А на дорогу я одолжу тебе двадцать лян. Пожалуй, обойдешься. Непременно ступай в Сеул!

Ведь недаром еще в древности говорили: «Дух человека должен быть тверд, как железо, как камень!» Всякое дело нужно стараться довести до конца, иначе потом самому же будет плохо. Тут и говорить нечего!

— Ну ладно! — ответил Ли. — Раз уж ты меня так уговариваешь, то — только чтобы тебя не обидеть — попробую навеститься в Сеул еще разок. Однако если и на этот раз меня постигнет неудача, это будет большим несчастьем!

Быстро собравшись в дорогу, ушел лучник Ли из дома и вскоре прибыл в Сеул. Ученые со всей Кореи, пришедшие держать экзамен, сновали в воротах Военного ведомства и говорили друг другу:

— Экзаменатор предлагает рассказать необыкновенную историю, однако он и слышать не хочет ни о делах старины, ни о разбойниках, ни о тиграх. Он требует только такую историю,

в которой бы ты участвовал сам. А поскольку мы ни в каких особых историях не участвовали, — недовольно галдели они, — то, выходит, только зря потратились на дорогу!

А лучник Ли, слушая их разговоры, подумал: «Со мной ведь тоже ничего особенного не случилось, и, выходит, я тоже зря пришел сюда. Опять я стал только посмешищем для моего деревенского приятеля! Что же делать?!» Он встревожился, как вдруг вспомнил о том, что когда-то, более десяти лет тому назад, провалив в Сеуле экзамен, на обратном пути он убил монаха и женщину! «Можно было бы, конечно, рассказать эту историю, — подумал он, — но ведь тогда выяснится, что я убийца, и жизнь свою мне, пожалуй, не сохранить!» Поколебавшись некоторое время, он все же решил: «Если взрослый мужчина делает доброе дело и скрывает его, то, он, скорее всего, дурак. Как бы там ни было, я все же попробую рассказать об этом случае. А уж потом — умру ли я, останусь ли в живых — будь, что будет!» Он прошел через высокие ворота, открыл двери большой приемной и вошел туда. В приемной восседал сам начальник Военного ведомства. И вот он увидел, что какой-то студент смело приблизился к нему, поклонился и твердым голосом доложил:

— Ничтожный студент — некий Ли из уезда Канчжин провинции Чолладо. Я пришел, услышав, что есть приказ о проведении экзаменов. Однако экзамена мне, конечно, не выдержать, и опять придется ни с чем возвращаться на родину. Говорят, что ваше превосходительство хочет услышать какую-нибудь интересную историю, а я ничего особенного не знаю, красноречием не одарен и не умею рассказывать так, чтобы было интересно слушать. Кроме того, говорят, будто вы изволили объявить, что рассказывать следует только о том, чему сам был очевидцем и участником. Так вот, произошел со мной однажды случай, но как быть, если дело такое, что о нем нельзя никому рассказывать? Придется, видно, мне, ничтожному студенту, отказаться от своего рассказа и уйти.

Лучник Ли стал откланиваться, но начальник Военного ведомства, услышав его слова, удержал его:

— В твоих словах есть резон! Если действительно есть дело, в котором ты участвовал сам, и о чем нельзя рассказывать посторонним, то я сейчас же удалю отсюда всех и с удовольстви-

ем тебя послушаю. А кроме того, если даже речь идет об убийстве, я не стану тебя осуждать. Погоди-ка немного! — и он приказал слугам:

— В течение получаса не впускать студентов! — потом отослал всех своих приближенных и попросил лучника Ли:

— Ну, теперь рассказывай тихонько свою историю!

И тогда лучник Ли поведал ему о том, как он прежде восемь раз выдерживал предварительный экзамен, а на главном экзамене каждый раз проваливался. Рассказал, как, провалив экзамен в девятый раз, он напился в городе и, решив идти к Южным воротам, стал подниматься на гору Намсан, но упал и уснул, а когда проснулся, увидел какого-то монаха, который с мечом в руке вошел в один большой дом под горой Намсан. Как, заподозрив неладное, он вслед за монахом перелез через ограду, стал подсматривать и увидел, что этот негодяй и какая-то женщина, забавляются в комнате, а двенадцати-тринадцатилетнего молодого человека загнали в самый дальний угол комнаты и, чтобы он не мог выйти, задвинули тяжелым комодом.

При этих словах начальник Военного ведомства очень оживился, покинул свое место и подошел поближе. До этих слов он не реагировал на рассказ и сидел молча. А Ли продолжал ему рассказывать о том, как эти монах и баба, вдоволь пораспутничав, напились до потери сознания, оба повалились на пол и крепко уснули. Тогда он, лучник Ли, вошел в комнату, взял меч и сперва освободил молодого человека, потом выпил вина и поел, так как был очень голоден. А затем, снова взяв меч, спросил у молодого человека: «Убить только мерзавца-монаха или и эту бабу тоже?» Тот сказал: «Убейте обоих!» И тут он одним ударом меча отсек им головы! Спросив у новобрачного, не очень ли ему страшно, он взял трупы за шиворот, оттащил их во двор и бросил там. Потом, тайно выбравшись из этого дома, возвратился в свою деревню. А теперь вот услышал указ об экзаменах и снова пришел в столицу. Он не знает, жив ли сейчас тот новобрачный и что с ним теперь. Вообще-то тот двенадцати-тринадцатилетний молодой человек был отроком с твердым характером и собой пригож.

Начальник Военного ведомства онемел от радости и, будто объевшись меда, не мог сказать ни «хорошо», ни «плохо», ни «сладко», ни «горько»! Но как только Ли кончил рассказывать, он одним духом выпалил:

— Вот эта история очень интересна! Да ведь тем молодоженом-то был я!

Он вдруг стремительно подскочил к лучнику Ли, и они нечаянно так стукнулись лбами, что раздался треск! При этом начальник Военного ведомства отлетел на ту часть пола, что возле очага, а лучник Ли покатился на другой конец! Услышав из своей комнаты шум, с криком прибежали слуги. Они открыли дверь главной приемной, и перед ними предстало это странное зрелище. А в это время в соседней комнате Военного ведомства сидел двоюродный брат начальника, поскольку всем велено было удалиться. И он тоже услышал треск, раздавшийся в большой комнате.

— Ой-ой! — закричал он, быстро вошел и видит: двое, упав навзничь, откатились в разные стороны! Очень удивившись и испугавшись, он поспешно позвал слугу и приказал ему:

— Беги к лекарю и скажи так: «На какое-то время начальник прогнал всех из приемной, потом раздался треск, голоса затихли, и теперь он лежит на полу. Его не тошнило и поноса не было. Может, это судороги при остром заболевании? Пусть живо приготовит лекарство и приходит!»

А начальник Военного ведомства уж пришел в себя и первым поднялся на ноги. Лучник Ли лежал неподвижно. Слишком уж сильно они стукнулись, и ему было очень больно. С трудом поднявшись, он сел и проговорил:

— Вы же изволили обещать, что выставите большой стол с закусками и зачтете экзамен тому, кто расскажет хорошую историю. А сами ничего не дали, да еще деретесь. Поистине, дела мира непостижимы! Разве думал я, что так получится?

А начальник военного ведомства рассмеялся и воскликнул:

— Ну, ну! Я ведь не буду еще раз слушать твою историю, и тебе больше не придется сдавать экзамен!

Он ввел лучника Ли в гостевую комнату и только теперь спросил, откуда он происходит и о его роде. А когда Ли сказал ему, что происходит из шестнадцатой боковой ветви рода Ли по мужской линии, начальник Военного ведомства вдруг встал и почтительно ему поклонился! Ли тоже быстро вскочил, поклонился ему в ответ и воскликнул:

— Ваше превосходительство! Вы ведь высокий придворный сановник. А я, хоть и принадлежу к тому же роду, что и вы, од-

нако я всего лишь потомок захудалых провинциальных военных и совсем не стою того, чтобы вы так почтительно со мной обходились!

А начальник Военного ведомства рассказал лучнику Ли о том, что после той ночи, когда он спас ему жизнь, родители просватали ему невесту в другом доме и женили второй раз. Рассказал, что вся семья много лет разыскивала его, чтобы вознаградить за благодеяние. А когда, наконец, об этом деле доложили государю, он повелел устроить в нынешнем году экзамен, на котором студенты должны были бы рассказать какую-нибудь интересную историю из своей жизни. И, если таким путем удастся найти человека, спасшего от смерти будущего начальника Военного ведомства, то доложить об этом ему, государю.

Рассказав все это, начальник Военного ведомства угостил лучника Ли обещанным ужином. Затем вместе они вошли во внутренние покои, и он почтительно поклонился его родителям и был представлен всей семье.

Начальник Военного ведомства и лучник Ли полюбили друг друга, как родные братья. И все люди вокруг говорили, что они — достойные люди.

А через три дня государю доложили о том, что отыскался лучник Ли. Государь повелел ему явиться во дворец, оглядел его и велел подробно рассказать о том, как он спас от смерти начальника Военного ведомства Ли.

— Да по нашим-то временам ты же настоящий герой! — воскликнул государь, выслушав лучника, и соизволил повелеть после экзамена снова явиться во дворец.

А когда лучник Ли пришел в Военное ведомство, оказалось, что он уже занесен в Список сдавших экзамен! Военное ведомство возместило ему все расходы на экзамен, одежду и все прочие вещи, а после того, как с ним побеседовал начальник дворцовой охраны, вскоре он получил должность у себя на родине: его назначили канжинским командующим сухопутными войсками!

Он горячо поблагодарил государя за милость, попрощался с начальником Военного ведомства и всей его семьей и отбыл из столицы домой.

И вот, возвращаясь из столицы, на дороге он встретил носилки с какой-то женщиной.

— Опустите носилки перед его светлостью! — велела она носильщикам и, почтительно передавая ему прошение, сообщила:

— Хозяин недостойной женщины проживал в уезде Канчжин. Потому я и подала прошение в своем уезде, когда у меня случилось горе. Однако в управе сказали, что ничем помочь не могут и выгнали за ворота. Я очень рассердилась и ушла. А вскоре услышала разговоры о том, что господин правитель нашего уезда смещен, вы назначены на его место и изволите следовать к нам. Поскольку мы уже считаем вас своим правителем, я и подаю вам почтительно это прошение. Умоляю, прочтите его и помогите мне! — и она пала перед ним ниц.

Ли принял прошение и прочел. Там было сказано вот что: «У лучника Ли, проживавшего в деревне на севере уезда Канчжин, был друг, который уговорил его пойти в Сеул и попробовать выдержать экзамен. Но вот прошло уже семь-восемь лун, а от лучника нет никаких вестей. Его жене и детям совсем нечего есть, и они вот-вот умрут от голода. А друг его тоже, говорят, куда-то ушел и пропал. Нельзя, конечно, знать наверное, но у меня появилось такое подозрение: не ввязался ли лучник под предлогом экзаменов в какое-нибудь дурное дело и не сложил ли свою голову? Разве могу я не тревожиться, если он до сих пор не возвратился домой и не подает о себе никаких вестей? А тут еще и друг его куда-то запропастился. От этого я тревожусь еще больше. Поэтому, припадая к вашим стопам, горячо молю войти в мое положение и расследовать это дело!»

— Да я-то ведь назначен не начальником канчжинского уезда, а канчжинским начальником сухопутных войск! — засмеявшись, сказал он. — Тебе неверно сказали, что я назначен начальником уезда, а ты и подала мне прошение. Но теперь-то видишь, что я военный начальник, так чего же притворяться, что не знаешь этого? Впрочем, нехорошо говорить посреди дороги. До ближайшего постоянного двора ты будешь сопровождать меня. Там выберу для тебя комнату по соседству с моей, переночуем, а завтра уж приедем в уездный город и во всем разберемся. Следуй за мной, да только не отставай!

Скоро прибыли они на постоянный двор. Солнце уже село, и наступили сумерки. Поужинав, Ли приказал своим слугам:

— Позовите-ка ко мне тех носильщиков, что несли госпожу, передавшую мне прошение на дороге!

А те носильщики стояли среди слуг военного начальника и, услышав приказ, тут же откликнулись.

— А что, далеко ли будет отсюда до деревни такой-то в уезде Канчжин? — спросил он.

— Да, пожалуй, ли двадцать пять, — ответили носильщики.

— А у этой женщины, что вы несли, не остались ли дома дети?

— Как же, у нее двое детей!

— Тогда сейчас же ступайте в ту деревню, возьмите ее детей и еще до свету принесите их сюда, а завтра рано утром мы все отправимся в Канчжин. Но если к рассвету вы опоздаете, то я накажу вас!

Носильщикам, да и всем людям на постоялом дворе это показалось странным и подозрительным, но разве мог кто-нибудь не повиноваться, если приказал начальник? Носильщики поклонились, быстро пришли в ту деревню, взяли детей и возвратились как раз к рассвету. После завтрака все отправились в дорогу и скоро вступили в уездный город. Помощник главы уезда с огромной толпой слуг, следуя всем правилам ритуала, оказали ему такие блестящие почести, будто он был самым губернатором провинции. А супруга лучника Ли, следуя за ним, впервые в жизни видела такое! Она не совершила ничего дурного, но тут вдруг испугалась. Было совсем не холодно, а женщину била дрожь. «Зря я затеяла все это дело! — подумала она. — Только страху натерпелась! И с чего бы это он приказал принести моих детей? А обращается со мной так, будто я ему нравлюсь! Ясно, у него что-то есть на уме. Верно, высмотрел где-нибудь меня, да и соблазнился моей красотой. Не потому ли он так ведет себя, что решил при помощи какой-нибудь уловки овладеть мною? В общем, все это очень странно! Но почему же все-таки нет вестей от моего супруга? Почему бы и ему, как этому господину, не выдержать однажды военный экзамен да и не получить должность!» — позавидовала женщина.

Тут как раз вышли две или три служанки и сказали носильщикам:

— Его милость изволили приказать принести эти носилки к женским покоем. Живо несите их туда!

И, встав спереди и сзади носилок, они, подгоняя носильщиков, проводили их к женским покоем. Когда носилки были опущены, служанка сказала женщине:

— Извольте сойти!

Встревоженная, нехотя вошла она в женские покои дома военного начальника. Женщина, выросшая в деревне, среди крестьян, она носила грубую одежду, манеры ее были неуклюжими, а белила толстыми слоями лежали на темном лице! И как можно было при такой кургузой юбке надеть соломенные сандалии?! Служанки выстроились слева и справа от нее и, презрительно посмеиваясь и перемигиваясь, говорили друг дружке:

— Эту «госпожу» его милость подобрал на дороге! Мы не можем прийти в себя от изумления! — поджимая губы, они держались так презрительно, что и глаза бы не глядели.

Военный начальник в тот же день вступил в должность и принял всех военных чиновников и служителей. День клонился к вечеру. После ужина он спросил:

— А та женщина, что я встретил на дороге, на женской ли сейчас половине?

— Да, — ответили служанки, — она сейчас там!

Тогда военный начальник написал что-то на бумаге и велел передать эту записку женщине. А его жена, все еще не догадывавшаяся, в чем дело, получила записку и прочла ее. Там было сказано, что он, военный начальник, — ее муж, что более десяти лет назад он убил монаха и женщину, за это ему теперь зачли экзамены и назначили канчжинским командующим сухопутными войсками. Говорилось также, что когда он уехал из столицы, то хотел было завернуть домой, но в женщине, подавшей ему прошение, неожиданно узнал свою жену и, так как уже встретился с нею, решил не отсылать домой. Словом, в записке рассказывалось все подробно, как было.

Женщина совсем растерялась от радости, она сделалась, как ребенок, как пьяная, и не могла вымолвить ни слова! Наконец, придя в себя, она воскликнула:

— Ой! Да в этом ли я мире? Или на небо попала? Но ведь мой супруг вчера еще будто был лучником! Откуда же у него взялось такое красивое лицо, такие великолепные одежды? Очень уж все это странно! Нет, пожалуй, все-таки, этот новый господин военный начальник, разглядев в какую-нибудь щелочку носилок мое лицо, почувствовал ко мне вожделение. Уж не решил ли он переспать со мной сегодня ночью и хитрит, назвавшись моим мужем? Если так, то уж лучше было бы мне хотя бы не

пудриться дома. Вот досада! Я теперь, как мышь, попавшая в глиняный горшок, как тигр, угодивший в яму-ловушку! Как же мне избежать бесчестья?! — страдала женщина. — О, лицо мое! Почему ты так не похоже на другие женские лица? Зачем ты такое красивое?!

И вот, когда она так горевала, со двора донесся голос слуги: — Его милость изволит войти!

И дверь отворилась. Великолепный господин, какого она видела впервые в жизни, неторопливо вошел, оглядел самого себя и, слегка улыбнувшись, сел рядом с нею. В сомнении разглядывала его женщина: то ли муж, то ли не он?! Шатаясь от страха, она хотела потихоньку выйти из комнаты. Однако господин, рассмеявшись, взял ее руку и привлек к себе. А супруга его, вдруг приняв строгий вид, стала совестить:

— Из пяти правил отношений следует, что между мужчиной и женщиной существует различие. Не понимаю, что произошло. Я ведь не знаю, кто вы такой, у меня нет ясного доказательства, что вы мой муж. Прислали только какую-то записку, вдруг входите среди ночи и, ни слова не говоря, берете женщину за руку. Вы хоть и назвались моим хозяином, однако нет тому никакого верного подтверждения, и потому ваше поведение непристойно. Отчего вы так дурно со мною обращаетесь? — одной рукой она открыла дверь, а другой хотела уж было ударить его по щеке.

«А ведь и правда, я веду себя непристойно, — подумал он, — и, конечно, очень оскорбляю свою жену!» — он тут же выпустил ее руку, поспешно отошел в сторону и сказал:

— Моя супруга так плохо видит. Говорит, не знаю, верно ли, что вы мой муж. А я пылаю еще сильнее, чем в первую брачную ночь, когда от нетерпения порвал тесемки на твоём нижнем белье!

«Ну, конечно же, он — мой хозяин! — подумала женщина, услышав его слова. — Ведь молодой и вправду в первую брачную ночь оборвал мне тесемки на белье. И если бы этот человек не был моим мужем, то откуда он мог бы знать такое?!» Сомнения ее исчезли, она засмеялась, села перед ним и сказала:

— Вот теперь-то я уж больше не сомневаюсь! И брать меня за руки, и прикасаться к моим щекам вы можете сколько душе угодно! Однако как это вам удалось всего за шесть-семь лун занять такой высокий пост? Выходит, зря я осуждала того госпо-

дина, который уговорил вас держать экзамены и дал денег на дорогу. Да еще жалобу на него подала в управу. Какая неблагодарность! Как бы теперь загладить свою вину перед ним?!

— Раз уж так случилось, — ответил ее супруг, — ничего не поделаешь. Нужно только поскорее сообщить его семье, что меня назначили военным начальником и, если он уже возвратился домой, то сказать, чтобы прибыл сюда: тысячью лян воздам ему за его благодеяние! А другой возможности нет. Не беспокойся!

Так счастливо встретились военный начальник Ли и его супруга. Они всегда испытывали чувство глубокой благодарности к начальнику ведомства Ли и государю, благодеяниями которого лучник Ли сделался командующим сухопутными войсками. А если же говорить о военном начальнике Ли, как о чиновнике, то он ревностно исполнял свои обязанности. Впоследствии, постепенно повышаясь по службе, он, говорят, дослужился до больших военных чинов, женил обоих своих сыновей, и род его из поколения в поколение славился, как род знаменитого Лучника. И говорят еще, что, отыскав своего друга, он сполна воздал ему за благодеяние!

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. И. Никитина. Предисловие</i>	5
--	---

ЛИСИЙ ПЕРЕВАЛ

СО КОЧЖОН (1420–1488) «Записки из литературных садов». Избранное	13
СОН ХЁН (1439–1504) Из собрания «Гроздья рассказов Ёнчжэ»	18
КИМ АЛЛО (1481–1533) Из собрания «Болтовня Ёнчхона, записанная от скуки»	114
ЛИ ЧЕСИН (1536–1583) Из собрания «Пустяковые истории Чхонгана»	120
О СУККВОН (XVI в.) Из собрания «Разные истории в стиле байгуань»	122
КВОН ЫНИН (XVI в.) Из собрания «Заметки Сонге»	125
ЛИ КИ (1522–1600) Из собрания «Разные истории Сонва»	127
ЛИ ТОКХЁН (1561–1613) Из собрания «Беседы на досуге у бамбукового окна»	131
ЧХА ЧХОЛЛО (1556–1615) Из собрания «Лес рассказов Осана»	136
ЛЮ МОНИН (1559–1625) Из собрания «Простые истории, записанные Оу»	139

ЧХОН Е (XVII в.)

Из собрания «Разные истории из Страны, что к востоку от моря» 173

ЛЮ ЧЕГОН (XVII в.)

Из собрания «Записал то, что видел и слышал в родных краях» ... 183

ЛИ ВОНМЁН (1807–1887)

Из сборника «Собрание простых рассказов Кореи» 186

НЕИЗВЕСТНЫЕ АВТОРЫ

Из собрания «Простые рассказы из Страны зеленых гор» 196

Из собрания «Пустяки, записанные на досуге» 205

КИМ ЧЭГУК

Из рукописных собраний 208

ПАК ЧОНСИК

Из рукописных собраний 266

ЛИСИЙ ПЕРЕВАЛ
Собрание корейских рассказов XV—XIX вв.

Ответственный редактор *А. Ф. Троцевич*
Редактор *А. В. Глебовская*
Художник *П. П. Лосев*
Корректор *Е. А. Яркеева*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательство «Гиперион»,
199178 Санкт-Петербург, В. О., Большой пр., д. 55.
Тел. (812) 380-9143
E-mail: hyperion@mail.wplus.net
www.hyperion.spb.ru

ISBN 978-5-89332-151-7

Сдано в набор 25.09.2007. Подписано в печать 15.12.2007.
Усл. печ. л. 20. Формат 60×90¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 1500 экз. Заказ № 291.

Отпечатано с готовых диапозитивов в ООО «ИПК «БИОНТ»»,
199026, Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., д. 86.
Тел. (812) 322-68-43

*Санкт-Петербургское издательство «Гиперион»
предлагает Вашему вниманию программу издания корейской класси-
ческой литературы. Книги, выпущенные в рамках этой программы,
будут объединены в серию «Золотой фонд корейской литературы»
и представят основные литературные жанры и самых известных
корейских писателей и поэтов IX–XX вв.*

**Серия
«ЗОЛОТОЙ ФОНД
КОРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»**

Средневековая литература

Лисий перевал. Собрание корейских рассказов XV–XVII вв.

Изящная проза XII–XVI вв.

Ким Сисып. Новые рассказы, услышанные на горе Золотой черепахи

Корейская поэзия IX–XVII вв.

Корейские легенды и предания

Ким Манчжун. Сон в заоблачных высях. Скитания госпожи Са по югу

Собрание повестей XIX в.

Современная литература

Ли Инчжик. Гора Чхиаксан

Ли Квансу. Сон

Сборник рассказов современных корейских писателей

Современная корейская поэзия

Издательство «Гиперион»

**приглашает к сотрудничеству организации и частных лиц,
заинтересованных в издании и реализации книг наших серий.**

По всем вопросам просьба обращаться в редакцию.

Наш адрес:

199178 Санкт-Петербург, В. О., Средний пр., 86.

Тел./факс +7 812 380-9143

E-mail: hyperion@mail.wplus.net

www.hyperion.spb.ru